

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 9. Часть 3 (№44)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в Перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2020

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

6 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 8,75

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующий Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, профессор, декан факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедры философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, действительный член РАЕН, кандидат социологических наук.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Чжан Вэй, КНР.

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

MISSION CONFESSIONS

Volume 9. Issue 3

(№44)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2020

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas
of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press,
Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

6 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chairman of the Editorial Board

Fabio Bodjo, Director of the International Institute for Migration “Scalabrini” of Pontifical Urban University.
Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers’ Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People’s Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People’s University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

CULTURAL STUDIES

<i>Kuznetsova-Bondarenko E.S.</i> Semiotic significance of stained-glass windows in the temple culture of the city of Yevpatoria.....	284
<i>Frolov D.A.</i> Motives and images of the latish graphics in the context of problems of formation of the national identity of the turn of the XIX and XX centuries.....	289
<i>Shcherbakova E.N.</i> Cultural analysis of the life and work of Maria Vasnetsova, a representative of the ancient Vyatka family of Vasnetsov, priests, teachers, artists.....	295
<i>Golman T.I., Arkhipova I.V., Baity V.</i> Contemporary problems of forming a management culture.....	299
<i>Ryzbaeva A.A.</i> On the question of the value content of the creativity of the great storytellers of Siberia.....	303
<i>Ulturgasheva N.D., Turamuratova I.G.</i> Folklor of indigenous peoples of southern Siberia in the context of functioning of traditional artistic culture.....	306

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

<i>Archpriest Dmitri Leskin</i> Do we need a great victory: to falsify the history of recent decades.....	312
<i>Kalabekova S.V.</i> Some aspects of religious extremism.....	316
<i>Globa A.A. (archimandrite Aleksader Globa)</i> The attitude of Christianity to surrogacy.....	321
<i>Rybakov S.V.</i> On the topic of the boundaries between scientific and religious forms of consciousness.....	324
<i>Napso M.D.</i> Religious renaissance: some aspects.....	329

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

<i>Nazarenko A.F.</i> The categoricity of philosophical knowledge as a decisive factor in its self-determination.....	334
<i>Ardashev R.G.</i> The irrationality of public opinion: fears of interaction with government representatives.....	340
<i>Okhremenko I.V.</i> European parliamentary democracies: an analysis of institutional-political and constitutional legal types.....	345
<i>Kozlov V.I.</i> The concept of meritocracy in modern philosophical and sociological discourse.....	350
<i>Dmitrieva I.S., Lodyataya A.A.</i> Factors of modernization of social institutions.....	354
<i>Kakhaev A.M.</i> The legal status of a heterodox population in the Islamic state (zimmij).....	359
<i>Gu Qingfeng</i> Analysis on alienation of consumption in the Chinese trade carnival «Double eleven» November 11.....	362
<i>Andrievskaya Z.V.</i> Methodological construct: to the problem statement.....	366
<i>Sergachev E.V.</i> Formation of a culture of safe behavior in fire risk conditions.....	369
<i>Kojakar V.A.</i> Features of local history of Kazakhstan Irtysh 1920-1930-ies on the example of D.P. Bagaeva.....	377
<i>Danakin N.S., Shavyrina I.V., Demenenko I.A.</i> Essential characteristics of the phenomenon of social entrepreneurship.....	382
<i>Kopylov O.V.</i> Non-traditional orthodox theological discourse of Alexander Men.....	389
<i>Sharipkulov A.</i> The theoretical basis of understanding ethnoideology as the essence of the formation of a commonality in a multi-ethnic society.....	396
<i>Abstracts</i>	402
<i>Authors</i>	412

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кузнецова-Бондаренко Е.С. Семиотическое значение витражей в храмовой культуре города Евпатории.....	284
Фролов Д.А. Мотивы и образы латышской графики в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков.....	289
Щербакова Е.Н. Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников.....	295
Гольман Т.И., Архипова И.В., Бэйти В. Современные проблемы формирования управленческой культуры.....	299
Рызбаева А.А. К вопросу о ценностном содержании творчества великих сказителей Сибири.....	303
Ултургаешева Н.Д., Турамуратова И.Г. Фольклор коренных народов южной Сибири в контексте функционирования традиционной художественной культуры.....	306

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Протоиерей Димитрий Лескин Нужна ли нам была Великая победа: к фальсификации истории последних десятилетий.....	312
Калабекова С.В. Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма.....	316
Глоба А.А. (архимандрит Александр Глоба) Отношение христианства к суррогатному материнству.....	321
Рыбаков С.В. К теме границ между научной и религиозной формами сознания.....	324
Напсо М.Д. Религиозный ренессанс: некоторые аспекты.....	329

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

Назаренко А.Ф. Категориальность философского познания – решающий фактор его самоопределения.....	334
Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти.....	340
Охременко И.В. Парламентские демократии европейских стран: анализ институционально-политических и конституционно-правовых типов.....	345
Козлов В.И. Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе.....	350
Дмитриева И.С., Лодятая А.А. Факторы модернизации социальных институтов.....	354
Кахаев А.М. Правовой статус иноверческого населения в исламском государстве (зиммий).....	359
Гу Цинфэн Анализ об отчуждении потребления в китайском торговом карнавале «двойной одиннадцать» (11 ноября).....	302
Андриевская Ж.В. Методологический конструкт: к постановке проблемы.....	366
Сергашов Е.В. Формирование культуры безопасного поведения в условиях риска пожаров.....	369
Кожокар В.А. Особенности краеведения казахстанского Прииртышья 1920-1930-х годов на примере деятельности Д.П. Багаева.....	377
Данакин Н.С., Шавырина И.В., Демененко И.А. Сущностные характеристики феномена социального предпринимательства.....	382
Копылов О.В. Нетрадиционный православно-богословский дискурс Александра Меня.....	389
Шарипкулов А. Теоретические основы понимания этноидеологии как сути формирования единой общности в полиэтническом обществе.....	396
Аннотации	407
Авторы	413

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Кузнецова-Бондаренко Е.С.*Преподаватель кафедры Декоративного искусства ГБОУ
(государственное бюджетное общеобразовательное учреждение) ВО РК «Крымского Инженерно-Педагогического Университета».*

Семиотическое значение витражей в храмовой культуре города Евпатории*

Аннотация. В статье рассмотрено витражное искусство в контексте семиотики его элементов, содержащих культурные коды и религиозные взгляды общества. Проведен анализ характерных элементов отдельных витражей на примере культовых храмов Крыма.

Ключевые слова: семиотика, мозаика, храм, культура, религия, Крым.

Kuznetsova-Bondarenko E.S.*Lecturer, Crimean Engineering Pedagogical University.*

Semiotic significance of stained-glass windows n the temple culture of the city of Yevpatoria

Abstract. The article considers stained glass art in the context of semiotics of its elements containing cultural codes and religious views of society. The analysis of the characteristic elements of individual stained-glass Windows on the example of religious temples in the Crimea.

Key words: semiotics, mosaic, temple, culture, religion, Crimea.

Технология витражей еще со средних веков позволяла создавать долговечные произведения искусства, кодирующие в своем содержании глубокие смыслы, такие как синтез социально-философских и художественных идей, под воздействием которых формировались религиозно-мировоззренческие идеалы народа. На данный момент очень мало научных исследований в области крымского культурного витражного искусства, что делает актуальным изучение и комплексный анализ храмовых витражей Крыма.

Цель статьи – выявить главные семиотические элементы культуры храмовых витражей Крыма и охарактеризовать их влияние на верующих.

Интерьер в православном храме предназначен для регулярного пребывания прихожан, где каждый получает пространственную среду для погружения в себя и личное духовное измерение. Именно поэтому так важно создать особую атмосферу, которое делает данный интерьер уникальным. Одной из главных задач которую ставили перед собой витражисты, заключалось в соответствии витражей общему архитектурному образу храма. Витраж – это произведение монументального искусства, которое играет в интерьере очень важную роль, наполняя его пространство цветным мерцающим

светом, создавая определенное эмоциональное настроение и внося момент ирреальности воспринимаемой среды [1]. Правы те исследователи, которые впервые увидели и отметили в монументальном искусстве такие черты, как коллективное творчество, синкретизм идей и созданный на основе этих двух факторов настоящий синтез архитектуры, скульптуры и живописи (в том числе и витража) [3]. Витражная работа, собирает и преломляет свет, таким образом являясь символической сокровищницей для божественного начала. Помимо декоративной функции создания акцента и настроения в помещении, витраж прежде всего является составным элементом оконного проема, который защищает храм от непогоды. Чаще всего витражи предполагалось выполнить в традиционной технике — на свинцовом профиле, с росписью и выжиганием. Однако следует отметить, что в монументальных крымских витражах 2000-х гг., которые создавались на заказ религиозных общин, художники в основном придерживались традиционных технико-технологических приемов и канонического подхода к образно-художественным решениям.

Тщательно изучив культовые сооружения Кры-

* © Кузнецова-Бондаренко Е.С., 2020.

Семиотическое значение витражей в храмовой культуре города Евпатории

ма XIX – первой половины XX вв., мы можем выделить храмы с наиболее значимыми для культуры Крыма витражами: Свято-Троицкий Собор в Симферополе, Собор Святого Николая Чудотворца в городе Севастополе, храм Святого Илии в Евпатории и Казанской иконы Божьей Матери в Феодосии, караимские кенасы и римско-католического костела в Ялте. В данной статье мы разберем витражи трех наименее изучаемых культовых сооружений города Евпатории, произведем композиционный и цветовой анализ витражных произведений. Город, как объект культурологического исследования, представляет собой сложную семиотическую систему, совокупность текстов и кодов, принадлежащих разным языкам [4].

Евпаторийские караимские кенасы являются одними из наиболее ранних культовых сооружений Крыма, в которых были использованы витражи. Их строительство относят к началу XIX в. (начало строительства 1803г. – завершение 1818г.). На сегодняшний день это и действующий храм и музей одновременно.

Для караимов храм – это место, где думают и говорят только о Боге, поэтому ничто не должно отвлекать прихожан от молитвенного настроения. Значительные плоскости витражей заполняют проемы портика большой Кенасы (азара), прилегающей к зданию с северной стороны и частично с восточной, выходят в Мраморный дворик. По своей конструкции портик представляет остекленный навес, опирающийся на тринадцать мраморных колонн, соединенных арками. Все пространство между колоннами и дверные проемы заполнены витражами. Композиционный центр прямоугольной части проема составляют кратные количеству створок окон и дверных полотен вертикальные прямоугольники (рис. 1), в которые вписывают-

ся ромбы из прозрачного стекла. Сверху и снизу расположены полосы из двух чередующихся квадратов голубого, желтого и красного цветов. Арки разделены на три полукруглых сегмента. Цветовые сочетания голубой – желтый и желтый – красный также чередуются между собой. Цветовой контраст создается за счет окружения прозрачного ромбы яркими треугольниками и прямоугольниками, что еще более визуальное усиливает композиционный центр. Примененные в витраже геометрические фигуры гармонично сочетаются и перекликаются с потолочным декором. Витражные стекла разделены деревянными планками, создавая иллюзия свинцовой пайки. Таким образом, окна портика большой Кенасы не являются витражами в классическом понимании, а являются цветным остеклением оконных рам, в то же время создают в интерьере игру света подобную витражам.

Таким образом нужно отметить, что витражи в евпаторийских Кенасах играют роль декора, обогащая как внутреннее, так и внешнее пространство здания, не имея какой-то определенной смысловой нагрузки. Художник применил смешанную тепло-холодную гамму, для более характерного выражения композиционного центра и прозрачные стекла, для того, чтоб сквозь них пробивался яркий солнечный свет. В целом можно сделать вывод, что архитектурный образ Караимских Кенас, оформление внутреннего убранства зданий представляют, несомненно, яркий синтез архитектуры и витражей, что делает их уникальным памятником своего времени.

В 1893 году в Евпатории был заложен Собор Святого Николая Чудотворца – второго в Крыму по величине, вместимости и высоте после Владимирского собора в Херсонесе. Храм возводился в честь освобождения Евпатории и всего Крыма

Рис. 1.
Витражи портика
большой Караимской
Кенасы. XIX в. Евпатория.

от англо-турецко-французских войск во время Крымской войны (годы 1854-1856). Свято-Николаевский собор – архитектурный акцент исторической части Евпатории. Собор в византийском стиле спроектировал городской архитектор Одессы Алексей Осипович Бернардацци. Инженер Вячеслав Геринек стал автором ряда инженерных новшеств, одним из которых стал огромный бетонный купол, в верхней части барабана которого было удвоено число граней со световыми окнами. Оконные проемы прямоугольной формы с полукруглым завершением, как в основном строении, так и в шестнадцатигранном барабане собора заполнены витражами. Композицию витражей составляет геометризованный орнамент, с преобладанием кругов одинаковых размеров (рис. 3). Отсутствие сюжетной основы позволяет акцентировать внимание прихожанина на внутреннем убранстве церкви. В композиции витража преобладают круги. Расположенные вертикально по пять в два ряда они образуют по центру восьмигранные фигуры, создающие вертикальный ритм. Верх окна завершается полукругом с расходящимися лучами. В целом витраж выполнен из прозрачного холодного синеватого стекла. Голубой цвет, расположенный по центру оконных проемов, олицетворяет собой цвет чистого, мирного неба, гармонично сочетаясь с некоторыми цветными элементами орнамента, обрамленными теплого цвета контуром. Стекло используется полностью прозрачным, что позволяет проникнуть в помещение большому количеству солнечного света. Эффект цветового контраста – холодный центр на теплом фоне, прослеживается во всей композиции. Цветовая гамма витража удачно сочетается и перекликается с внутренним убранством церкви. Несмотря на боль-

Рис. 3.

Витражи в барабане Собора Св. Николая.
Арх. А.О. Бернардацци.
Конец XIX–начало XX вв. Евпатория.

Рис. 2.

Витражи портика
большой
Караимской Кенасы.
XIX в. Евпатория.

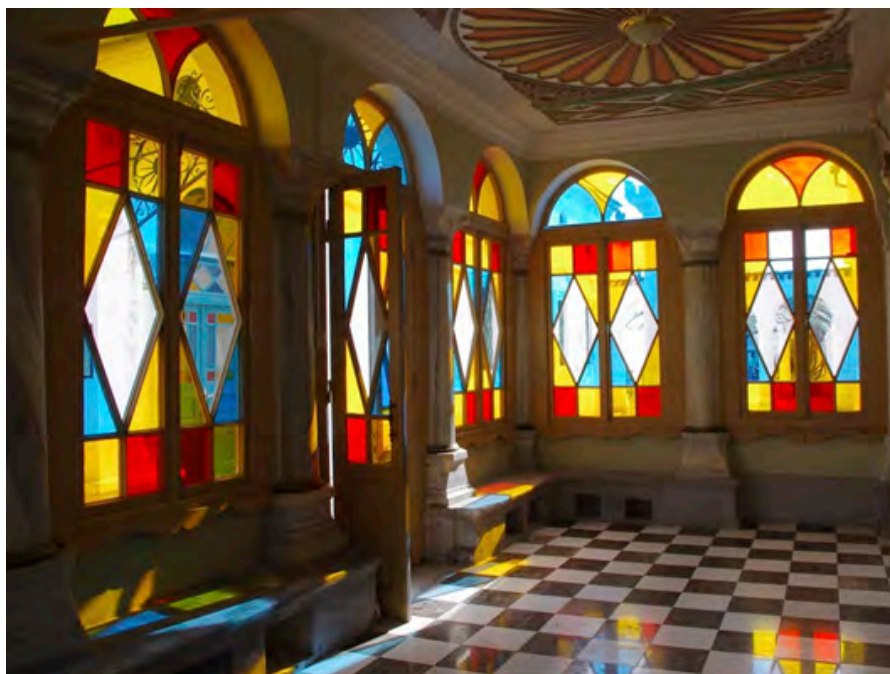

Рис. 4.

Витраж центрального нефа Собора Святого Илии.
Арх. А.Л. Генрих. Нач. XX в. Евпатория.

шое количество элементов, композиция витража остается целостной. Техника витражей – классическая: элементы композиции скреплены с помощью свинцового профиля и спаяны между собой. Витражи в Соборе являются выразительными художественными средствами, создания акцент в интерьере предметной архитектурной среды, обеспечивающей активное и эмоционально-эстетическое ее восприятие, представляют отражение духовной основы и смысла среды восприятия.

В начале XX в. (1911-1916гг) по проекту и под руководством архитектора А.Л. Генриха в Евпатории строится греческий храм Святого Илии. Внешне довольно простая, церковь построена в греко-византийском стиле и имеет план в виде креста. Здание возвышается на высоком цоколе, что, делает его более внушительным. Купол покоится на восьмигранном барабане, каждая грань которого заканчивается фронтоном. Декоративным украшением храма являются тонкие пилястры, полуциркульные арки и тройные окна с витражами (рис. 4). Все витражи объединены между собой композиционно, рисунок орнамента и цветовое решение повторяется на всех оконных витражах. Оконные проемы представляют собой вытянутые прямо-

угольники и завершаются в верхней части аркой. Два тройных окна на нефах храма расположены друг напротив друга, большее посередине и два меньших по краям. Основной рисунок композиции витража представлен прямоугольником, оканчивающимся двумя арками в малых окнах и тремя в больших, над которыми расположена круглая розетка, являющаяся одновременно композиционным центром и завершением оконного проема. В розетки вписаны пересекающиеся между собой равносторонние прямой (красный) и косой (голубой) кресты. Розетка центрального оконного проема обрамлена полосой из прозрачного желтого стекла, которое разделено на шестнадцать равных сегментов. Красный цвет в изображении креста символизирует жизненную силу и кровь Христа, голубой – чистоту. Полоса желтого цвета является символом ясности, солнца и его чистоты.

Изображенные в окружности прямой (греческий) и косой (Андреевский) кресты носят символический характер. Равносторонний прямой крест (греческий) уже в раннем христианстве символизировал Христа. Косой крест является символом совершенства. Изображение пересечения двух крестов можно интерпретировать как восьмиконечную звезду или Вифлеемскую, являющуюся символом рождения Христа. Цветные стекла (красный, голубой, желтый) использованы только в центральных элементах композиции, остальная плоскость витража заполнена прозрачным бесцветным стеклом. Прямоугольные части рисунка на боковых окнах, которые заканчиваются арками, разделены на два вертикальных ряда, состоящих из одинаковых по высоте прямоугольников, на два (боковые) и три (среднее) ряда – в окне посередине. В полукруглые окончания прямоугольных частей металлического каркаса (рисунка) вписаны круги, а среднюю часть центрального окна – прямоугольник с полуциркульным завершением, соединенным с литьем дугобразными линиями. Тройные арки под розеткой центрального окна вписаны в большую арку, пространство между ними заполнено металлическим литьем.

В витражах присутствует целостность и статичность композиционного решения, продуманная система гармоничного заполнения плоскости оконного проема цветом. Композиция подчинена строгой логике и гармонии, основанной на равновесии геометрических форм и цветовых сочетаний, соотношении пустого и заполненного цветом пространства. Витражные стекла вставлены в металлическую литую конструкцию с предусмотренными в ней открывающимися створками для проветривания, контуры которой повторяют основную рисунок композиции.

Таким образом, витражи культовых зданий города Евпатории характеризуются прямоугольной формой с арочным или стрельчатым завершением

в традиционных оконных проемах: на барабане купола, в нефах и алтарной части храмов. В качестве основных мотивов орнамента использовались символика геометрических элементов и форм (кресты, ромбы, четырехлистники, восьми-лучевые звезды и др.). За основу композиции геометрические фигуры были взяты не случайно. Витражи не должны были отвлекать прихожан от церковной службы и молитвы своими узорами и рисунками. Их задача направлена на создание определенного колорита в помещении, на игру света и цвета в лучах солнца. Наиболее распространенной техникой изготовления витражей конца XIX – первой половины XX веков являлась классическая технология паяного витража. В целом ансамбль, как и предыдущие примеры, показывает, что авторы монументальных витражей для интерьеров культовых сооружений в основном используют традиционную технологию изготовления плоских витражей и ориентируются на каноническую для этой группы витражей тематику и сюжеты, варьируя их своеобразной авторской образностью путем выбора графического трактовки ликов, одежды, приемов стилизации фонового окружения.

References

- [1] Kuznetsova-Bondarenko E.S. The role of the stained-glass window in shaping the image of the architectural environment and interior // Tavrichesky scientific observer. 2016. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vitrazha-v-formirovanii-obraza-arhitekturnoy-sredy-i-interiera> (04.25.2020).
- [2] Yuryeva T.V., Fayzulina E.S. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. № 4. Volume I (Humanities)
- [3] Korotkina E. The concept of “monumental” in the history of culture and aesthetic theories // In Collection: Soviet monumental art. M.: 1984. Issue 5. P. 205-212.
- [4] Lotman Yu.M. Semiosphere. M.: Art, 2000. 704 p.
- [5] The “sacred” meaning of numbers in beliefs and teachings // URL: <https://ria.ru/spravka/20070707/68528028.html> (March 17, 2020)
- [6] Complex of Karaite kenases / Karaite kenases / Shrines, temples of Crimea / Sights of Crimea // URL: <http://poluostrov-krym.com/dostoprimechatelnosti/svyatyni-kryma/karaimskie-kenasy/3.html>

Библиографический список:

- [1] Кузнецова-Бондаренко Е.С. Роль витража в формировании образа архитектурной среды и интерьера // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vitrazha-v-formirovanii-obraza-arhitekturnoy-sredy-i-interiera> (25.04.2020).
- [2] Юрьева Т.В., Файзулина Е.С. Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Том I (Гуманитарные науки)
- [3] Короткина Е. Понятие «монументальное» в истории культуры и эстетических теориях // В сб.: Советское монументальное искусство. М.: 1984. Вып. 5. С. 205-212.
- [4] Лотман Ю.М. Семиосфера. М.: Искусство, 2000. 704 с.
- [5] «Сакральный» смысл чисел в верованиях и учениях // URL: <https://ria.ru/spravka/20070707/68528028.html> (дата обращения 17.03.2020)
- [6] Комплекс караимских кенас / Караимские кенасы / Святые, храмы Крыма / Достопримечательности Крыма // URL: <http://poluostrov-krym.com/dostoprimechatelnosti/svyatyni-kryma/karaimskie-kenasy/3.html>

Фролов Д.А.*Кандидат технических наук, магистр искусствоведения, директор ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».*

Мотивы и образы латышской графики в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков*

Аннотация. В статье приводится анализ основных мотивов и образов графики латышских художников эпохи модерна в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков. В работе анализируются мотивы, передающие смысл и красоту природы (национальной в том числе), а также важная и наднациональная тема, которой является смерть и ее атрибуты. Символы, которые находят отражение в искусстве Латвии рассматриваемого периода, по мнению латышских деятелей культуры той поры, отражают стремление человечества к поиску путей спасения. Все изображаемые в графических работах природные явления толковались художниками в символистском, мифологическом контексте. И здесь мифология выступает важным компонентом системы формирования национальной идентификации.

Ключевые слова: мотив, символ, образ, латышская графика, национальная идентичность, эпоха модерна, югенд-стиль, миф.

Frolov D.A.*Ph.D. of technical sciences, Magistr of Art, Director of the State government institution
«Arctic Research Center of the Yamal-Nenets autonomous district».*

Motives and images of the latish graphics in the context of problems of formation of the national identity of the turn of the XIX and XX centuries

Abstract. The article provides an analysis of the main motives and images of graphics of Latvian artists of the Art Nouveau era in the context of the problems of the formation of national identity at the turn of the 19th and 20th centuries. The work analyzes motifs that convey the meaning and beauty of nature (including national), as well as an important and supranational theme, which is death and its attributes. The symbols that are reflected in the art of Latvia of the period under review, according to the Latvian cultural figures of that time, reflect the desire of mankind to search for ways of salvation. All natural phenomena depicted in graphic works were interpreted by artists in a symbolist, mythological context. And here mythology is an important component of the system of formation of national identification.

Key words: motive, symbol, image, Latvian graphics, national identity, modern era, art nouveau, myth.

Изменения духовной парадигмы в современном обществе начала XXI века указывают нам на необходимость критического анализа художественной культуры эпохи модерна рубежа XIX–XX вв., яркими чертами которой стали мощное стремление к красоте, достижение единства человека и природы, а также поиски декоративных форм, способных эстетизировать человеческую среду. Принципы новаторского формообразования воплотились именно в эту эпоху, а адекватным способом выражения мироощущения стала опора на образы, внутреннее содержание которых у каждой национальной художественной традиции был синонимичным, но и особым, базирующимся на национальном самосознании и отражающим национальную идентичность. Целью работы стало выявление ведущих образов и мотивов, представленных в латвийской графике рубежа XIX–XX вв. и визуализирующих ценности латышского общества

рассматриваемого периода, лежащие в основе понятия национальной идентичности.

В 90-х годах XIX столетия в Европе позитивизм переживал общественный кризис. Ощущение этого кризиса передал Фридрих Ницше, причислив распад и неопределенность к свойствам своего времени [1, с. 67]. Философская мысль отчетливо осознавала «растущее несоответствие между научно-техническим прогрессом и развитием этических, эстетических и духовных ценностей» [2, с. 83]. Все чаще звучат призывы выдающихся деятелей культуры своего времени, как, например, Огюста Родена: «Наука – это вуаль: поднимите ее, смотрите! Ищите красоту» [3, с. 144].

Именно эпоха модерна, ставшая реакцией на «поворот столетий», в основе которой лежат чисто эстетические принципы, «подводила итог» угасающей классической культуре [4]. Благодаря новым формальным стилистическим приемам

* © Фролов Д.А., 2020.

Мотивы и образы латышской графики в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков

югендстиля, именно так именовался стиль модерн в Латвии, а также содержанию символизма на рубеже XIX–XX веков произошло самоутверждение национального латышского искусства [5, с. 6].

Искусство как форма мышления, стремится быть похожим на жизнь, но не является ею, оно представляет собой, по мнению Юрия Лотмана, модель жизни, давая возможность пережить непережитое. Как языковая система искусство раскрывается через категории знака, образа и символа [6].

Искусство символа – своеобразный язык посвященных и его возможности как формы искусства неисчерпаемы [6]. В своем монументальном труде «Золотая ветвь», опубликованном между 1890 и 1910 годами, Джеймс Фрэйзер (1854–1941) исследовал параллели в различных мифологических системах, связи между знанием и верой, которые можно обнаружить в обрядах всех мировых культур. С его точки зрения, соответствующей убеждениям большинства символистов, древние символы следует понимать не просто как культурные архетипы, а как «словарь» элементарного «языка» страха, стремлений и инстинктивных желаний. Характерные для символов многозначность, неясность и смысловая нечеткость стали лейтмотивом символистского искусства [7, с. 14].

Известно, что национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. В основе этого понятия лежат базовые национальные ценности, в число которых входят, в том числе, творчество, наука, традиционные верования и искусство. А сформированность национально-культурной идентичности отражает состояние и уровень развития общества.

В своеобразном манифесте латышских писателей-декадентов «Мотивы нашего искусства», опубликованном в журнале «Dselme» («Пучина»), его авторы обозначили условия превращения художника в «Великого художника», через необходимость ощущения им неисчерпаемости чудесных сил этого мира, и только ощутив их, произведения такого мастера смогут называться настоящими произведениями искусства.

Проводя аналогию души человека с озером, в котором отражается весь мир, жизнь, смерть и вечность, они определяют задачу художника в преобразовании этих «тысячей тысяч чудес» в прекрасные божественные образы — символы. В таких символах и сохраняются «как высеченные в скалах, вечные письма о стремлении человечества к спасению» [8].

Здесь уместно вспомнить Андрея Белого, который писал о символе как об образе, взятом из природы и преобразованном творчеством, так, что он, соединил в себе переживание художника с чертами, взятыми из природы. При таком понимании всякое произведение искусства символично по существу.

Проводя анализ сюжетов произведений латвийских художников рубежа XIX – XX вв., чувствуется стремление каждого автора найти свой путь к спасению через страдание. Так, например, наиболее характерными для них стали изображения природных мотивов, среди которых доминирует эстетиза-

ция первозданной родной природы. Довольно часто можно встретить и образы покинутых домов, где художники провели свое детство.

В изображаемых орнаментах часто использовались мотивы как местных растений, так и экзотических, как отдельно, так и в составе букетов. Наиболее часто изображаемыми растениями были розы, пионы, анемоны, астры, водяные лилии, тюльпаны, васильки, подсолнухи, гортензии, маки, сирень, одуванчики и даже цветы картофеля и чертополоха. Также художники в своих журнальных заставках изображали цветущие плодовые деревья. Выбор цветка был основан на его аллегорическом и символическом смысле. Так, в работе Густава Шкилтерса «Сказка» художник изобразил главную героиню, которой суждено выйти замуж за Змея, держащей в руках лилию как символ чистоты и девственности.

Образ водяной лилии встречается в ряде журнальных заставок, например, в заставке Кришьяниса Цеплитиса для журнала «Zalktis» (№ 3 за 1908 год), а также в рисунке углем Теодора Удерса «Водяные лилии» (1908). Зачастую образ лилии был знаменем трагедии, гибели, смерти [9, с. 181]. Но некоторые исследователи считают ее символом таинственного, того, что рождено во мраке и через воду способно соединить красоту с мраком хаоса [10].

Но наиболее часто встречающимся цветком в произведениях является роза, ее можно встретить как в станковой графике, так и в оформлении книг и журналов, – достаточно вспомнить литографию Яна Розенталя «Мать и дитя» (1906) и обложку книги Виллиса Плудониса «Фантазия о цветах», выполненную по рисунку Петериса Кундзиньша (1911). В своей работе, посвященной иконографии модерна, Ольга Давыдова писала, что у всех наций и времен роза как символ вбирала в себя черты самого существенного и характерного в эмоциональной жизни людей [11, с. 410]. Цветочная эмблематика появляется еще в христианских преданиях, где роза, распускаясь в заповеданном райском саду, является символом Богородицы: ее радостей – белая, страданий – красная и славы – желтая [11, с. 411]. Стоит заметить, что в работах художников Латвии преобладали изображения роз красного цвета.

Растительные и цветочные мотивы, используемые в оформлении литературно-художественного альманаха «Zalktis» («Уж»), чаще всего связывают с интимным женственным, с соблазном, но не несущем в себе негативного оттенка [12].

Стоит упомянуть особо частые мотивы деревьев, которые привлекали внимание художников. К таким породам деревьев стоит отнести березы и сосны. Они прекрасно представляют местную природу. А сосна, как и ель, в латышской традиции всегда считалась тотемным женским деревом.

Особенно часто в своих произведениях использует образ березы Вильгельм Пурвитис, он даже посвятил одну весну их изучению [13]. Изображения берез можно обнаружить и у других художников,

например, у Волдемара Зелтыньша в иллюстрациях к журналу «Dzelme». Изображения сосен встречаются как у Пурвитиса, например, в работе «Сосны на взморье», так и в иллюстрациях к журналу «Dzelme» Кришьяниса Цеплитиса, а также в станковых работах Петериса Крастиньша. В работах этих художников также часто представлены следующие виды деревьев и кустарников: каштаны, рябины, дубы, можжевельник, смородина, ивы.

В рисунке углем Рудольфа Вилциньша «Река» (ок. 1910 г.) заметен еще один образ, характерный для художников: извилистая речка, мотив большинства пейзажей. Образы рек, озер, моря зачастую используются как отражение мира, лицо его таинственных глубин [12].

Наталя Злыднева в своей работе [14] отмечает, что мотив волны говорит о её идентичности мотиву крыла, которым является в том числе и парус. Смысловая связка волна-крыло довольно характерна для этого периода. Так, Рихард Зариныш в экслибрисе Анрекса Неедры (до 1908 года) морские волны «рифмует» с парусом, таким образом создавая смысловую связку «волна-крыло», семантически идентичную паре «вода-небо», которая в свою очередь является знаком романтического и символического мироощущения [14].

Имеет смысл остановиться на рассмотрении образа солнца и луны, которые часто встречаются в оформлении книжных обложек, а также в журнальных виньетках. Слово «солнце», в латышском языке женского рода, поэтому к Солнцу часто обращаются как к матери, многие исследователи утверждают, что Месяц является мужем Солнца. Поклонение Солнцу, символу жизни, у латышей, как и у других народов, связано с культом плодородия. Месяц же в поверьях латышей выступал защитником воинов и заступником сирот [15].

Во многих произведениях книжной и журнальной графики преобладает тенденция изображения природы. Город как таковой их интересует мало. Именно образы, созданные первозданной природой в графике латышских художников, вероятно, являют собой воплощение внутренней мечты о вечности и «символической тоске по утраченной гармонии рая» [12]. Большой интерес у художников вызывали облака, они с увлечением их изображали. Темные и драматические, светлые и легкие, окрашенные вечерним светом, и причудливо светящиеся. С интересом художники изображали и гнущиеся под сильным ветром деревья, пригибающуюся к земле траву, а также одиноких людей с развивающимися волосами или одеждой.

Авторы постоянно стремились также сблизить горожанина с природой. Их фигуры в городской одежде изображались в саду, на фоне леса и в лесу. Горожанки прогуливались на фоне пейзажа и любовались им. Отдыхающие сидят в траве, срывают цветы. Обнаженные загорают. Сами образы людей, которые были созданы в соответствии с непосредственным восприятием, можно интерпретировать и как часть меняю-

щей визуальной реальности, когда позы и черты лица демонстрируют непринужденность повседневного поведения, и как освобожденные и естественные. В эпоху символизма женский образ занимает одно из центральных мест в искусстве. В её изображении можно противопоставить две тенденции: с одной стороны, женщина идеализируется, изображается в чистой, целомудренной, глубоко религиозной или отстраненной; с другой – она развратна, проклята, увлекает мужчину на путь падения и порока [16, с.53].

В начале XX века вместо линейного понимания времени-пространства сформировалось циклическое понимание, что означало возвращение к мифическому [12]. Недаром первым журналом нового стиля стал «Zalktis», так как Уж у древних латышей был богом, хранителем домашнего очага, его почитали и ему молились.

В отличие от романтиков XIX века неоромантики и символисты начала XX века (в том числе те, кто публиковались в издании «Zalktis») главное внимание обратили не на небесные объекты: звезды, горы, солнце, птицы и т.п., а на объекты низшего мира, или хтонические объекты. В отличие от романтиков второй половины XIX века, которые начали путь к мифологическому с создания пантеона национальных богов, символисты и неоромантики начала XX века обратились к универсальным мифологическим началам, акцентируя внимание в своем творчестве на архетипические образы [12]. Писатели и художники, сотрудничавшие с изданием «Zalktis», актуализировали главным образом три включенные в низший мир группы семантем: хтонические существа (пресмыкающиеся и т.п.), растения и воду.

Удивительна выдумка и импровизация Юлия Мадерниекса. В этом можно убедиться, рассматривая многообразные интерпретации змеи – в данном случае ужа, – которые сконцентрировались в первом номере журнала «Zalktis» за 1908 год. Мадерниекс выбрал 12 различных виньеток, где уж фигурирует и как единство двух противоположностей (жизнь – смерть, свет – тьма, небо – земля, женское – мужское и т.п.), и в качестве репрезентации как разрушительного хаоса, так и сотворенного космоса (четыре ужа как четыре пространственных ориентира), стихии воды, воздуха и огня.

Другими символами латвийского югендстиля являются пресмыкающиеся и земноводные: змея, жаба, лягушка, саламандра, а также крокодил, которые трактуются больше с точки зрения человека современной культуры и негативно. Змея – женское, то есть подсознательное, соблазняющее, то, что грозит мужчине, возвращенному в удобство и блага цивилизации, то, что должно его погубить и уничтожить [12]. Образы лягушки и жабы в культурах разных народов имели как положительное, так и отрицательное толкование, «однако во всех культурах они были тесно связаны с водой, стихией, которая при всей своей изменчивости обладает устойчивой информационной

структурой и способностью к передаче информации, а также из-за природной предрасположенности амфибии к эволюционным трансформациям они становятся символом внутреннего изменения», а также символами рождения и возрождения, с лежащим в его основе процессом превращения икринки в головастика и затем в жабу [17]. Здесь можно вспомнить стилизованные образы лягушек, включенные Мадерниексом в разработанный им орнамент, который был опубликован в его книге «Ornaments» в 1913 году.

Пресмыкающиеся, особенно змеи, в традиционных индоевропейских представлениях имели двойное символическое значение, связанное как с началом и обновлением жизни, так и с образом праматери. То, что пресмыкающиеся и другие хтонические существа были актуализированы и в визуальном, и в словесном содержании издания «Zalktis», похоже, указывает на то, что латышская литература, и шире – искусство начала XX века находилось на распутье. Литература и искусство, а также повседневность XIX века с ее выраженной, акцентированной ориентацией на мир природы как выражения гармонии и космического в урбанизированной среде начала XX века больше уже не функционировало. Надо было либо отказаться от этого мира матери-природы, либо его переделать.

Художники издания «Zalktis» (особенно Ю. Мадерниекс и Я. Зегнерс) стремились этот мир природы переделать, проведя контуры традиционного в модернизированный, стилизованный югендстилевский змеиный орнамент, но не отказываясь от архетипического уровня восприятия этих традиционных символов [12].

В свою очередь, авторы издания «Zalktis» – писатели формировали две разные линии. Одни, как Фаллийс и Карлис Скалбе, ощущали сакральность хтонического мира и одновременно природы в противоположность поверхностности, мелкости современного мира, и хотя в их произведениях сакральный мир проигрывал профанному и его представителям, симпатии писателей были на стороне проигравших. Другие, как Саулиетис, Лайценс или Плудонис, в змее видели умертвляющее мужчину, а шире – умертвляющее цивилизацию и культуру деструктивное начало, поэтому либо трактовали его негативно, либо просто принимали к сведению как знак смерти.

Из животного мира излюбленными персонажами становятся зайцы, козлы, белки, совы, мыши и др. Декоративный пояс с элегантной стилизацией мотива зайца создал в своей виньетке Янис Яунсудрабиньш для журнала «Dzelme». «Заячий мотив» использовал Ян Розенталь для оформления винетки в журнале «Zalktis». С достаточной долей иронии в сюжет заставки рассказа Леонида Андреева «Кусака», опубликованном в журнале «Jaunības Tekas» («Тропы юности»), Алберт Кроненбергс ввел в качестве персонажей трех зайцев, которые расположились около ели, образованной из расположенных, друг над дру-

гом традиционных латышских символов – крестов Мары. Крест Мары является символом земного женского начала, непосредственно связанного с огнем, домом, плодородием. Заяц может символизировать хранителя домашнего очага, а также опасность, так как такое его качество как прыткость может обозначать связь животного с огнем.

Изображение мыши не столь распространено в графике югендстиля, как, например, образ совы, но в своих работах его активно используют такие мастера, как Юлий Мадерниекс и Янис Либергс. Трактовку образа мыши в искусстве более точно воспроизводит Максимилиан Волошин в своем произведении «Аполлон и мышь» [18, с. 101], отождествляя его с бесконечно малым мгновением, которое рождается из трещины огромной горы тьмы и хаоса – времени и вечности.

В целом, в большинстве работ мастеров латвийского югендстиля превалировала символика природы. Сама природа в её проявлениях (животные, растения, стихии) противопоставлялась цивилизации как сакральное профанному. Человек стремился вернуться обратно к природе и ее проявлениям в сакральном, но это возвращение для современного человека той эпохи или уже стало невозможно, или же могло привести к трагическому разногласию между «я» и цивилизованным миром [12].

Редко встречающийся сюжет с изображением усадебного парка можно обнаружить в рисунке тушью Петериса Калве «В парке» (ок. 1910 года), в нем художник воплотил заветную мечту о счастье, своеобразном символе райского сада.

Примерно в это же время становятся важными мотивами темы драмы и смерти, как, например, в творчестве Теодора Удерса, в частности, в его рисунках углем. В своих работах он с непосредственностью ведет свое выразительное повествование, утверждая, что человек конечен и что смерть – его вечный спутник. Скелеты пугают своей реальностью, как и пожилые люди на смертном одре, отец у гроба сына и распятый Христос. Это не просто фантазия художника, скорее, он создает свои символические рисунки как философ, говоря о неизбежном. Характерно, что это проявляется в символически окрашенных историях о сложных отношениях людей с повседневной жизнью: как они развивались, усложнялись, любя, тоскуя и борясь за свое существование. Кажется, что в работах скрывается предчувствие непредвиденных изменений, разрушающих человеческую судьбу, которые произошли в мире после смерти Удерса Первой мировой войной, революцией в России и битвой за независимость Латвии [19, 81.lpp.].

Образ скелета можно встретить в иллюстрации Густава Шкилтерса к стихотворению «Kara tiesa slēgta» («Военный суд закрыт») в 7-м номере журнала «Svari» («Весы») за 1907 год. Стихотворение было написано самим автором изображения. Здесь скелет является символом смерти. Это следует из того, что журнал «Svari» всегда быстро реагировал на все поли-

тические события, которые проходили на территории современной Латвии. Как раз в 1907 году военно-полевые суды, которые начали осуществлять свою работу годом ранее, прекратили свое действие. По сюжету стихотворения смерть, выпивая рюмку водки в корчме, говорит ее хозяину, что покидает Латвию, так как после закрытия военного суда земля покрыта трупами и теперь ей нужно искать другую работу.

Образ «мертвой головы» встречается в ряде журнальных заставок и книжных обложках, в том числе в заставке Яниса Зегнерса к разделу «Saur prizmi» («Сквозь призму») журнала «Stari» («Лучи»), а также концовке в 7-м номере журнала «Svari» за 1907 год, выполненной Язепом Гросвалдсом.

Череп в европейской культуре всегда являлся двояким символом: как смерти, так и противостояния ей. Но в эпоху модерна распространенной трактовкой образа «мертвой головы» было напоминание о бренности человеческого существования.

В завершении, следует подчеркнуть, что в графике Латвии конца XIX – начала XX в. активно использовались мотивы природы. Но при этом, латышских художников, интересовала не природа в целом, а её отдельные элементы. Все изображаемые природные явления толковались в символистском, мифологическом контексте. И здесь мифология выступает важным компонентом системы формирования национальной идентификации.

Среди мотивов значительное место занимали узнаваемые и привычные для латыша образы деревьев, цветов, животных, земноводных. Эти образы были наполнены символикой, понятной и актуальной для национального сознания. Кроме тем и мотивов, передающих смысл и красоту природы (национальной в том числе), важной и наднациональной темой для латышских художников была тема смерти и ее атрибутов. Символы природы в латышской графике рубежа XIX-XX вв., являют собой воплощение сокровенной мечты художников о вечности, которые восходят к символической тоске по «потерянному раю».

Рассмотренные в работе мотивы и образы, представленные в латышской графике и визуализирующие ценности латышского общества эпохи модерна, легли в основу понятия национальной идентичности.

References

- [1] Nietzsche F. The will to power: Experience reevaluation of all values / Friedrich Nietzsche. - SPb.: Alphabet, 2006. 448 p.
- [2] History of sociology in Western Europe and the USA / ed. Editor G.V. Osipov. - M.: Norma, 2001. 576 p.
- [3] Rodin O. Conversations about art / Auguste Rodin. - St. Petersburg: ABC, 2016. 320 p.
- [4] Zhidkov V.S. Art in the field of culture: the problem of borders / V.S. Zhidkov // Theory and Methodology of Modern Cultural Studies. - M-SPb.: The new chronograph - Eidos, 2009. P. 414-445.
- [5] Lamberg D. Simbolisms un jügendstils. Izstādes katalogs / Dace Lamberg. - Riga: Neputns, 1999. 6 p.
- [6] Lotman Yu.M. On the nature of art // Articles on the semiotics of culture and art. - SPb.: Humanitarian Agency "Academic Project", 2002. P. 265-271
- [7] Wolf N. Symbolism / Norbert Wolf. - M.: Art-Rodnik, 2010. 96 p.
- [8] Čālitis E. Mūsu mākslas motīvi. / Eduards Čālitis, Kārlis Krūza, u.c. // Dselme. 1906. 5. 193, 197 p.
- [9] Sarabyanov D.V. Art Nouveau Style: Origins. History. Problems / D.V. Sarabyanov. - M.: Art, 1989. 294 p.
- [10] Leonova N.E. The image of a lily in the art of modernity and in the poetry of I.F. Annensky // Bulletin of Novgorod State University. 2010. № 56. P. 40-43.
- [11] Davydova O.S. Iconography of Art Nouveau. Images of gardens and parks in the works of artists of Russian symbolism / Olga Davydova. - M.: BuksMArt, 2014. 512 p.
- [12] Kursīte, Janīna. "Zalktis" un jügendstils / Janīna Kursīte // Jügendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa. - Riga: Jumava, 1999. 171. 174 p.
- [13] Kļaviņš E. Jügendstila ikonogrāfija un Latvijas tēlotāja māksla / Eduards Kļaviņš // Jügendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa. - Riga: Jumava, 1999. P. 121-130
- [14] Zlydneva, N. The Motive of the Wave in Art Nouveau / Natalya Zlydneva // European Symbolism / ed. ed. I.E. Svetlov. - SPb.; Aletheia, 2016. P. 424-436
- [15] Starododova A.A. Symbolism of ornament in Latvian national belts // Culture and Time. 2005. № 3. P. 198-207.
- [16] Encyclopedia of Symbolism: Painting, Graphics and Sculpture. Literature. Music / J. Cassou, P. Brunel, F. Claudon and others - M : Republic, 1999. 429 p.
- [17] Zhuchkova A.V. The image of a frog as a symbol of the hero's internal transformation in Russian and German folklore / Anna Zhuchkova // Bulletin of Slavic cultures. 2014. № 4 (34). P. 107-115.
- [18] Maximilian Voloshin. Faces of creativity / comp. V.A. Manuilov, V.P. Kupchenko A.V. Lavrov. Series "Literary Monuments" - Moscow: Nauka, 1988. 600 p.
- [19] Leitis A. Teodors Ūders / Aivars Leitis. - Riga: Neputns, 2016. 112.p.

Библиографический список:

- [1] Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Фридрих Ницше. – СПб.: Азбука, 2006. 448 с.
- [2] История социологии в Западной Европе и США / отв. редактор Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2001. 576 с.
- [3] Роден О. Беседы об искусстве / Огюст Роден. – СПб.: Азбука, 2016. 320 с.
- [4] Жидков В.С. Искусство в поле культуры: проблема границ / В.С. Жидков // Теория и методология современной культурологии. – М-СПб.: Новый хронограф – Эйдос, 2009. С. 414-445.
- [5] Lamberg D. Simbolisms un jügendstils. Izstādes katalogs / Dace Lamberg. – Riga: Neputns, 1999. 6 p.
- [6] Лотман Ю.М. О природе искусства // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 265-271
- [7] Вольф Н. Символизм / Норберт Вольф. – М.: Арт-Родник, 2010. 96 с.
- [8] Čālitis E. Mūsu mākslas motīvi. / Eduards Čālitis, Kārlis Krūza, u.c. // Dselme. 1906. 5. 193, 197 p.
- [9] Сарабьянов Д.В. Стиль модерн: Истоки. История. Проблемы / Д.В. Сарабьянов. – М.: Искусство, 1989. 294 с.
- [10] Леонова Н.Е. Образ лилии в искусстве модерна и в поэзии И.Ф. Анненского // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 56. С. 40-43.
- [11] Давыдова О.С. Иконография модерна. Образы садов и парков в творчестве художников русского символизма / Ольга Давыдова. – М.: БуксМАрт, 2014. 512 с.
- [12] Kursīte, Janīna. «Zalktis» un jügendstils / Janīna Kursīte // Jügendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa. – Riga: Jumava, 1999. 171. 174 p.
- [13] Kļaviņš E. Jügendstila ikonogrāfija un Latvijas tēlotāja māksla / Eduards Kļaviņš // Jügendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa. – Riga: Jumava, 1999. P. 121-130.
- [14] Злыднева, Н. Мотив волны в искусстве модерна / Наталья Злыднева // Европейский символизм / отв. ред. И. Е. Светлов. – СПб.; Алтейя, 2016. С. 424-436
- [15] Старододова А.А. Символика орнамента в латышских национальных поясах // Культура и время. 2005. № 3. С. 198-207.
- [16] Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / Ж. Кассу, П. Брюнель, Ф. Клодон и др. – М.: Республика, 1999. 429 с.
- [17] Жучкова А.В. Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре / Анна Жучкова // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 107-115.
- [18] Максимилиан Волошин. Лики творчества / сост. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко А.В. Лавров. Серия «Литературные памятники» – М.: Наука, 1988. 600 с.
- [19] Leitis A. Teodors Ūders / Aivars Leitis. – Riga: Neputns, 2016. 112. p.

Щербакова Е.Н.*Преподаватель кафедры русского языка
Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии М.С. Штеменко.*

Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников*

Аннотация. Данная статья направлена на формирование интереса среди молодого поколения к историческому прошлому Родины, воспитание уважения к учительскому труду в период Гражданской и Великой Отечественной войн, повышение значимости профессии учителя для общества. В статье рассматривается вклад Кузнецовой (Васнецовой) Марии Николаевны, учителя, кавалера ордена Ленина, представителя древневятского рода Васнецовых - священников, учителей, художников в просвещение подрастающего поколения в военные годы. Актуальность данной темы состоит в том, что в преддверии 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне активизировались процессы фальсификации ее истории и итогов. Поэтому очень важно воспитывать у молодого поколения уважение к подвигу, совершенному советским народом. В связи со сложной социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране, ценность учительского труда падает. Следовательно, необходимо воспитывать уважение к работе педагогов, которые благодаря своему самоотверженному труду спасли военные поколения школьников от безграмотности, которые и сегодня продолжают совершать подвиги, помогая преодолевать своим ученикам возникающие у них проблемы. Цель статьи: расширить знания молодежи о Гражданской и Великой Отечественной войнах; познакомить с подвигом учителей, трудившихся в те грозные годы на благо Родины; расширить представление о знаменитом роде Васнецовых, показать, что история данной фамилии таит в себе много загадок, разгадка которых еще предстоит. Исследование данной проблемы производилось посредством методов, связанных с наблюдением, обобщением, сбора информации. Материал статьи может представлять интерес для историков-профессионалов, владеющих методикой монографических исследований, а также для широкого круга людей, интересующихся сохранением истории и культуры своего Отечества.

Ключевые слова: война, епархиальное женское училище, образование, Отечество, род, Родина, священник, семья, учитель, школа.

Shcherbakova E.N.*Teacher of the Russian language Department
of the Krasnodar higher military school named after General of the army M.S. Shtemenko.*

Cultural analysis of the life and work of Maria Vasnetsova, a representative of the ancient Vyatka family of Vasnetsov, priests, teachers, artists

Abstract. This article is aimed at creating interest among the younger generation in the historical past of the Motherland, fostering respect for teaching during the civil and great Patriotic wars, and increasing the importance of the teaching profession for society. The article considers the contribution of Kuznetsova (Vasnetsova) Maria Nikolaevna, a teacher, a knight of the order of Lenin, a representative of the ancient Vyatka family of Vasnetsov-priests, teachers, artists in the enlightenment of the younger generation during the war years. The relevance of this topic is that on the eve of the 75th anniversary of the Victory of the soviet people in the great Patriotic war, the processes of falsification of its history and results have become more active. Therefore, it is very important to educate the younger generation to respect the feat performed by the soviet people. Due to the difficult socio-economic situation in the country, the value of teachers' work is falling. Therefore, it is necessary to cultivate respect for the work of teachers who, thanks to their selfless work, saved many generations of schoolchildren from illiteracy, and who continue to perform feats today, helping their students overcome their problems. The purpose of this article is to expand young people's knowledge about the civil and great Patriotic wars; to acquaint with the heroism of the teachers who worked in those terrible years for the country; to expand the idea of the famous kind Vasnetsov, to show that the history of this surname is fraught with many mysteries, the secret of which still remains. The material of the article may be of interest to professional historians who know the methods of monographic research, as well as to a wide range of people interested in preserving the history and culture of their country. The Vasnetsovs are talented artists, outstanding teachers, and priests who have made a huge contribution to the development of spiritual and material culture in Russia. As a rule, our knowledge of this glorious genus is

* © Щербакова Е.Н., 2020.

Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников

limited only to the knowledge of the work of the brothers artists: Viktor Mikhailovich and Apollinari Mikhailovich. However, no less remarkable are other representatives of this genus, who have left a noticeable mark on our history and now contribute to the preservation of Russian spirituality, science and culture. One of them will be discussed in this article. Goals of this article: on the example of selfless service to the Motherland Kuznetsova (Vasnetsova) Maria Nikolaevna to expand the idea of the famous Vasnetsov family, to show that the history of this surname is fraught with many mysteries, the solution of which is still to be found. The material of the article may be of interest to professional historians who know the methods of monographic research, as well as to a wide range of people interested in preserving the history and culture of their country.

Key words: war, diocesan women's school, education, fatherland, family, homeland, priest, family, teacher, school.

К 75 – летию Великой Победы.

Васнецовы – талантливые художники, выдающиеся учителя, священники внесли огромный вклад в развитие духовной и материальной культуры России.

«Родовым гнездом» знаменитой фамилии является с. Ошеть Нолинского уезда Вятской губернии. Туда в 1690 году был направлен первый священнослужитель династии – Дмитрий Игнатьевич Васнецов (1661-1721), на голой пустоши основавший деревянную Спасскую церковь, приход которой более трехсот лет окормляли священнослужители рода Васнецовых.

Как правило, наши знания об этом славном роде ограничиваются лишь знанием творчества братьев-художников: Виктора Михайловича и Аполлинария Михайловича. Однако не менее замечательны и другие представители этого рода, которые оставили заметный след в нашей истории и ныне вносят свой вклад в сохранение российской духовности, науки и культуры. Об одной из них и пойдет речь в данной статье.

Практически весь род был священническим, наделенным от природы художественными способностями.

Достоверно известно, что приверженность педагогическому направлению от священнических корней и по сей день сохранилась по линии сына священника Космы Дмитриевича Васнецова (1695-1748) [1], к коей и принадлежит Кузнецова (Васнецова) Мария Николаевна.

Мария Васнецова родилась 4/7 февраля 1899 года в с. Чумой Сарапульского уезда, в духовной семье. Восприемницей (крестной матерью) стала тетя, Мария Никаноровна Шкляева [3].

Отец, Васнецов Николай Федорович (1867-1941), священнослужитель, родился 4 февраля 1867 года в с. Сезенево Слободского уезда, в семье священника Васнецова Федора Гавриловича (1822-1905). В 1887 году окончил Сарапульское уездное училище. Духовное служение начал учителем в с. Русская Лоза в 1894 году. В том же году определен псаломщиком к Чумойской церкви Сарапульского уезда. В 1905 году посвящен в сан дьякона с оставлением на том же месте. В 1907 году, согласно прошению, перемещен в с. Зуру Глазовского уезда. Педагогическую ниву он и после перевода к Митрофановской церкви не оставил. С 1910 года допущен Уездным

отделением к преподаванию Закона Божьего в Зуринской церковно-приходской школе, а с 1913 года – в Квадровозском земском училище. Известно, что он понимал разговорную речь удмуртов, и сам немного говорил на их языке.

Мать, Васнецова (Шкляева) Юлия Никаноровна, родилась в 1870 году в с. Чутырь, в семье дьякона и законоучителя Никанора Антоновича Шкляева (1844-1909).

В семье было шестеро детей: Василий (1895-1915), Агния (1896-1899), Мария (1899-1983), Серафима (1901-1902), Людмила (1903 г.р.), Капитолина (1905 г.р.), и всем родители старались дать образование.

В с. Чумое семья Васнецовых прожила 13 лет, с июля 1894 года по май 1907 года.

Жили в новом доме, построенном на церковной земле.

В жизни семьи Васнецовых Николая Федоровича и Юлии Никаноровны были свои радости, но была и боль горьких утрат: смерть отца Юлии Никаноровны (15 марта 1901 года), смерть отца Николая Федоровича (1 ноября 1905 года). Гораздо более тяжелой утратой стала смерть детей: Агнии (8 декабря 1899 года) и Серафимы (19 февраля 1902 года).

Начало нового столетия для семьи, с одной стороны, складывалось благополучно: посвящение отца, Николая Федоровича, в сан дьякона, относительное материальное благополучие, уважение прихожан, стабильность жизни; с другой – цепь трагических событий.

В мае 1907 года Николай Федорович Васнецов подает прошение о переводе его в с. Зуру.

22 мая 1907 года, согласно прошению, Николай Федорович перемещен к Митрофановской церкви с. Зуры. Семья Васнецовых поселилась в церковном доме, построенном для причта на церковной земле. Недвижимого имущества у семьи по-прежнему не было, но материальный доход семьи вырос.

Мария получила начальное образование, поступила в Вятское епархиальное женское училище и в 1910 году была зачислена в первый класс.

Вятское епархиальное женское училище было открыто в 1863 году, тогда в училище было принято 40 воспитанниц. На момент поступления Марии училищу исполнилось 29 лет. В тот год было принято 90 воспитанниц (два отделения по 40 человек).

Училище уже было признано одним и лучших женских училищ Вятского края. Срок обучения составлял 6 лет, что соответствовало примерно современным 9-ти классам. После окончания 6-ти классов воспитанницам вручались аттестаты и присваивалась специальность «домашняя учительница», а также предоставлялось право преподавать в начальных классах по тем предметам, по которым стояли хорошие и отличные оценки. По желанию после окончания 6-ти классов воспитанницы имели право продолжить обучение в педагогических седьмых классах первого и второго года обучения, открытых в конце XIX века, выпускницы которых становились народными учительницами.

До 1917 года обучение в епархиальном училище было бесплатным. Оплата производилась только за проживание в училищном общежитии. Предусматривались и меры помощи. Кроме того, были учреждены именные стипендии. Часто в качестве жертвователей выступало духовенство.

Вопрос об оказании помощи, выделении стипендий, о содержании воспитанниц рассматривался один раз в год и пересматривался ежегодно.

Следует отметить, что помощь оказывалась не всем, а только нуждающимся. В 1917 году данный вопрос не рассматривался.

Мария Васнецова за проживание в общежитии платила ежегодно 100 руб. - сумма по тем временам немалая, однако в числе должников никогда не значилась. Лишь однажды из-за дороговизны, вызванной обстоятельствами военного времени, в 1916 году дьякону на вакансии псаломщика с. Зуры Николаю Васнецову было выделено 75 руб.

Такие же суммы были выделены всем состоящим на вакансии псаломщиков [3].

Училась Васнецова Мария успешно, без переэкзаменовок.

В отличие от женских гимназий в Вятском епархиальном училище не преподавались в обязательном порядке иностранные языки, но предоставлялось право изучать их на добровольной основе и за дополнительную плату. То же самое можно сказать относительно обучения игре на музыкальных инструментах. Мария обучалась игре на фисгармонии. Программы же по истории, словесности были более глубокими, чем в гимназии. При училище работала образцовая начальная школа, в которой ученицы старших классов проходили длительную педагогическую практику, и поэтому выпускницы училища были очень хорошо подготовлены к практической работе в учебных заведениях.

В 1918 году Вятское епархиальное женское училище упразднено.

Все здания были муниципализированы и переданы 10-ой пехотной школе. С 1 мая 1918 года в бывших корпусах училища было открыто бесплатное общежитие Вятского городского совета для безработных. И только в 1924 году здание бывшего

епархиального женского училища было передано Вятскому педагогическому университету.

Завершить обучение в педагогических классах Марии не удалось. Революция, Гражданская война сломали жизненные планы.

До закрытия училища оставалось менее 5-ти месяцев, а уже в марте 1919 года с. Зура становится местом боевых действий развернувшейся в стране Гражданской войны (1917-1922/1923 гг.).

Мария, получив аттестат об окончании полного шестилетнего курса обучения (с 1910 по 1916 гг.) в Вятском епархиальном женском училище, стала учительницей, отзывалась на призыв работать в школах грамоты и отдавала работе вечерние часы, относясь к делу более, чем добросовестно. Параллельно с ликвидацией неграмотности среди взрослого населения она участвовала в работе по налаживанию системы народного образования. Для привлечения сил общественности организовывались «недели помощи школе». Мария принимала активное участие в общественной жизни, поэтому пользовалась авторитетом среди населения [2].

В 1921 году она знакомится со своим женихом Кузнецовым Алексеем Васильевичем, а вскоре они венчаются.

Вот «Запись о венчании 30 августа 1921 года:

Кузнецов Алексей Васильевич, 28 лет, вторым браком, Шарканская волость с. Сюрсовой.

Васнецова Мария Николаевна, 21 год, дочь диакона Николая Васнецова Митрофановской церкви с. Зуры.

Поручители: по жениху – заведующий Зуринской почтовой конторой Воробьев Гавриил Васильевич, Лазарев Павел Михайлович, с. Зура.

По невесте – Русских Петр Митрофанович, с. Зура, Русских Василий Васильевич, с. Зура» [3].

Венчал священник Александр Фаворский с дьяконом Николаем Васнецовым.

Молодая семья некоторое время проживала в с. Дебесы, на станции Чепца Кезского района УАССР, где у них родились и выросли трое сыновей: Николай (1922-2008), Виктор (1925-1991) и Василий (1927- 2007). Затем, в 1940 году, семья переехала на станцию (ныне поселок) Саракташ, Чкаловской (Оренбургской) области. Старший сын, Николай Алексеевич Кузнецов, после окончания первого курса исторического факультета Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина был призван в Красную армию. Перед самой Великой Отечественной войной он окончил Читинскую школу младших авиаспециалистов (6.1940-5.1941) и принимал участие в боевых действиях сначала на Юго-Западном фронте в качестве авиамеханика ближнебомбардировочного авиационного полка в обороне города Киева, в составе 451-го штурмового авиационного полка – в боях в районе городов: Осташково, Селижарово Калининской области

(5.1941-7.1042). Затем, после обучения в Воздушно-десантном училище им. Красной армии в городе Москве (7.1942-5.1943), воевал на Северо – Западном, 3-ем Украинском фронтах. В 1943 году 6-ая Воздушно-десантная бригада принимала участие на Карело-финском направлении по освобождению города Лодейное поле, форсированию реки Свирь, вела бои по направлению города Петрозаводска (Николай Алексеевич участвовал в качестве инструктора по укладке парашютов), но была отозвана на переформирование в город Ногинск Московской области. На базе 6-ой Воздушно-десантной бригады была сформирована 99-ая Гвардейская Воздушно-десантная дивизия. С 1944-1945 гг. дивизия в составе 9-ой Воздушно-десантной армии участвовала в освобождении городов Венгрии и Австрии. Николай Алексеевич принимал участие в качестве начальника склада горюче-смазочных материалов дивизии в разгроме 11-ой танковой немецкой дивизии под озером Балатон, во взятии ряда городов Венгрии и Австрии (5.1943-8.1946). После окончания Великой Отечественной войны 9-ая Воздушно-десантная армия ушла из Венгрии на территорию СССР и дислоцировалась в Московской области, на станции Фруктовая.

В августе 1946 года Николай Алексеевич был направлен на учебу в интендантское военно-морское училище г. Выборга (8.1946-10.1950), по окончании которого служил на Северном Флоте.

Подполковник, имеет правительственные награды: два ордена «Красная Звезда», «Орден Отечественной войны второй степени» и медали [2].

Средний сын, Виктор Алексеевич Кузнецов, после окончания саракташской средней школы участвовал в народном ополчении. После Великой Отечественной войны окончил бухгалтерский техникум, а в 1952 году переехал в Краснодар и работал начальником снабжения Управления «Южстальконструкции».

Младший сын, Василий Алексеевич Кузнецов, во время войны учился в саракташской средней школе и работал токарем на заводе. После войны, в 1946 году, поступил в авиационную школу города Чирчик (Узбекистан), где готовили летчиков тяжелой авиации. По окончании ее служил в городах: Конотопе, Нежине, Пряну, Кингисеппе, Петрозаводске, Тбилиси, пос. Урелики.

Майор, имеет государственные награды – медали, грамоты.

В Саракташе семья проживала с 1940 по 1954 гг.. Мария Николаевна работала учительницей начальных классов в средней школе № 1 пос. Саракташ.

Эта деревянная школа строилась добротно. Она была двухэтажной, очень удобной, светлой и красивой. Первых учеников школа приняла 1-го сентября 1936-го года. Это было единственное двухэтажное здание поселка, его украшение. В школе обучалось

от шестисот до девятисот восемнадцати человек. В годы Великой Отечественной войны число учащихся значительно уменьшилось из-за материальных трудностей, но в послевоенные годы был учебный бум. Так, в 1946/47 учебном году число учащихся достигло тысячи двадцати двух человек, 1949/50 – девятисот двадцати человек. С 1947 года начала функционировать вечерняя школа.

В классах обучалось по сорок – сорок пять человек, иногда за одной партой сидели три ученика. Учебных пособий было недостаточно: две спиртовки, один большой транспортёр, один большой глобус и один малый и т.д. Но в 1946 году школа выпускала четырнадцать журналов и двенадцать газет. Вот так страна возрождалась после военной разрухи и старалась воспитать грамотное поколение, способное восстановить разрушенную страну.

Здание было электрифицировано, отопление печное. Занятия шли в две смены, нередко в три. Население поселка тогда составляло пять тысяч сто сорок четыре человека [4].

В это суровое для страны время Мария Николаевна продолжала учить детей, вкладывая в них все свои силы и богатейшие знания. За свой многолетний учительский труд награждена орденом Ленина и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [2].

Мария Николаевна является ветераном саракташской средней школы. С 1954 по 1983 гг. проживала в г. Краснодаре. Умерла 13 августа 1983 года в г. Темрюке Краснодарского края. Летом 2015 года внуки перезахоронили Марию Николаевну из Темрюка на Краснодарском военном почетном кладбище как кавалера ордена Ленина.

Закончить статью хочется «Штрихами к портрету М.Н. Кузнецовой» от А.И. Полунина:

Она из рода Васнецовых,
Их род из глубины веков,
Немало в нем людей толковых,
И все достойны теплых слов.
Она среди них не исключенье,
Ее отметила Страна:
И за заслуги в обучение
Была не раз награждена!
Ей орден Ленина вручили,
Отметив многолетний труд;
В войну за доблесть наградили –
Медаль не каждому дадут!
Немало грамот получила,
Подарки были и почет,
Любовь и Славу заслужила...
И Слава до сих пор идет!
Всю жизнь работе посвятила,
Ей отдавая много сил,
Детей немало обучила,
Всем помогая, кто просил.

Она семью всегда любила,
 Вершила добрые дела,
 Детей порядочных взрастила
 И внуков к целям довела.
 Кто знал ее, всегда любили:
 В семье, в среде учеников,
 Ее характер не забыли,
 И не забыли дел и слов [4].

References

- [1] vasnetsov.foundation
- [2] Vasnetsov. Ancestors and descendants - interweaving of fates: Sat. / MBUK "Igrinsk Central Library System", Igrinsk Central District Library named after Mitrea Cedar; comp. N.V. Dubovtseva; tech. ed. A.V. Khokhryakova. - The game, 2017.
- [3] Vasnetsovs and Shklyaevs on Igrinsky land / MBUK "Igrinsky centralized library system"; compiled by E.Z. Abramovich; computer verification N.V. Dubovtseva; Obolzhka, technical editor A.V. Khokhryakova. - Game, village: (Udmurt Republic): Igrinsky Central District Library, 2020.
- [4] This school cannot be forgotten!: Supplement to the second edition. - [b.m.]: Publishing decisions, 2019. 62 p. The author of the idea and compiler L.Ya. Krutsky.

Библиографический список:

- [1] vasnetsov.foundation
- [2] Васнецовы. Предки и потомки – переплетение судеб: сб. / МБУК «Игринская ЦБС», Игринская центральная районная библиотека им. Кедр Митрея; сост. Н.В. Дубовцева; техн. ред. А.В. Хохрякова. – Игра, 2017.
- [3] Васнецовы и Шкляевы на Игринской земле /МБУК «Игринская централизованная библиотечная система»; составитель Е.З. Абрамович; компьютерная верстка Н.В. Дубовцева; обложка, технический редактор А.В. Хохрякова. – Игра, поселок: (Удмуртская Республика): Игринская центральная районная библиотека, 2020.
- [4] Эту школу забыть невозможно!: Дополнение ко второму изданию. – [б.м.]: Издательские решения, 2019. 62 с. Автор идеи и составитель Л.Я. Крутских.

Гольман Т.И.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Архипова И.В.

Кандидат психологических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Бэйти В.

Финансовый аналитик корпорации IBM, г. Армонк, США.

Шифр специальности: 22.00.08 Социология управления.

9. Содержание, функции и структура культуры управления. Влияние управленческой культуры на реальное поведение людей.

10. Социокультурные и социально-политические факторы развития управленческой культуры.

Современные проблемы формирования управленческой культуры*

Аннотация. В успешной деятельности современной организации немаловажную роль играет сильная организационная культура, построенная на нормах и ценностях, наборе убеждений, поддерживаемых стратегией развития организации. Сотрудники должны четко знать, как адекватно реагировать на любые неопределенные ситуации и быть уверенными в вознаграждении за приверженность ценностям компании.

В статье рассматриваются ключевые элементы организационной культуры и влияние управленческой культуры на бизнес-направленность международной компании.

Ключевые слова: организационная культура, управление человеческими ресурсами, культура управления.

Golman T.I.

PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Eco-nomics and Management, FSEE (Federal State Educational Establishment) VPO «Novosibirsk State Pedagogical University», Novosibirsk.

Arkhipova I.V.

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Economics and Management, FSEE (Federal State Educational Establishment) VO «Novosibirsk State Pedagogical University», Novosibirsk.

Baity V.

Financial analyst, Cloud Platform plan and portfolio lead, IBM Corporation, Armonk NY.

Contemporary problems of forming a management culture

Abstract. Successful organization depends on creating a strong organizational culture built on a shared set of beliefs, norms and values supported by strategy of development (development strategies) and structure of a modern enterprise. For a company to work effectively, it's suggested (implied) that employees clearly know how to respond to any situation and are confident that they will be rewarded for their commitment to the company's values.

The article examines key focus elements of organizational culture, role of human resources in establishing, assessing and managing one, using suggestions and business focus of an international company.

Key words: organizational culture, human resource management, management culture.

Culture is a vague notion and is often an uncertain aspect of the organization. Although the topic of organizational culture has been extensively discussed in scientific literature, there is no generally adopted

* © Гольман Т.И., Архипова И.В., Бэйти В., 2020.

Современные проблемы формирования управленческой культуры

Figure 1. Structural elements of management culture.

definition of culture. Instead, there are many different views on what management culture is.

Culture is consistent, observable patterns of behavior in organizations. Aristotle said, "We are what we repeatedly do." This view elevates repeated behavior or habits as the core of culture and deemphasizes what people feel, think or believe. It also focuses our attention on the forces that shape behavior in organizations, and so highlights an important question: are all those forces (including structure, processes, and incentives) "culture" or is culture simply the behavioral outputs¹?

Organizational culture, or lack of it, can help determine or shape the success or failure of an organization. It is the human elements that drive the services and products that define an organization. Organizational culture refers to the types of activities that go on behind the corporate front of a company and often contributes to its success, it is unique, and it cannot be transferred to competitors. It is a strategic intangible scheme that incorporates basic assumptions and represents the collective values, beliefs and principles which define the behavior, operation, and activities of an organization (its vision, habits, norms, assumptions, systems, language, symbols, etc.). Factors influencing culture within the enterprise are type of employees, history, national culture, type of product produced, market, technology, and strategy. In other words, the organizational culture incorporates norms, beliefs and behaviors that contribute to the unique psychological and social environment of a business that has been put into place in the organization. Management culture is several structural elements shown on in the figure 1.

If an organization's culture is going to improve the organization's overall performance, the culture must provide a strategic competitive advantage, and beliefs and values must be widely shared and firmly upheld. A strong culture can bring benefits such as enhanced trust

and cooperation, fewer disagreements and more-efficient decision-making². Organizational Culture is the result of a perception within the company that its employees all share.

Business executives play a vital role in forming and sustaining management culture. Company leaders are essential to the design and messaging of their workplace culture. However, the relationship between leadership and culture is not one-sided. While leaders are the principal architects of culture, an established culture influences what kind of leadership is possible³. Consequently, the executives themselves should fit into an enterprise's culture not to fail in their positions.

HR plays an instrumental role in fostering a high-performance organizational culture, by recruiting selected applicants who will share company's values and will be able to thrive in the existing culture. It is responsible for the development of training, orientation and performance management programs that define and strengthen the organization's core values, ensuring organizational ethics are defined and practiced; enables communication and feedback channels; provides continuous learning and training, encouraging empowerment and teams; defines essential responsibilities and accountabilities in order to carry out this essential role; and sustains appropriate recognitions go to workers who incorporate the values truly and fully. Encouraging employee motivation and loyalty to the company will create a healthy culture. Training should be provided to all employees to help them understand the new processes, expectations, and systems⁴.

Because organizational culture is hard to define, enterprises may have difficulty maintaining consistency in their communication about culture. Employees may also find it difficult to recognize and message cultural inconsistencies they perceived. Below are several of the cultural characteristics that differentiate enterprises and contain the following as shown on the figure 2.

A management culture usually shapes over time, formed by the company's leadership and by actions and beliefs that have contributed to past successes. Managing a culture of any size enterprise takes deliberate efforts to maintain components of the culture that sustain organizational effectiveness. A business's overall way of doing and approaching things, like rituals, customs, behavioral norms, traditional, symbols are the evident indication of its culture. The existing management culture is usually due to characteristics that have worked well in the past and evolved overtime.

The management of a culture begins with recognizing a company's traits or "artifacts", which are in the core of business' processes, activities, and philosophies

² Understanding and Developing Organizational Culture. // URL: <https://www.shrm.org/ResourcesAndTools/tools-and-samples/toolkits/Pages/understandinganddevelopingorganizationalculture.aspx>

³ Schein, Edgar H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 2010. Print.

⁴ Cummings, Thomas G. & Worley, Christopher G. (2004), Organization Development and Change, 8th Ed., South-Western College Pub.

¹ Michael D. Watkins. What Is Organizational Culture? And Why Should We Care? Web. 15 May 2013 // URL: <https://hbr.org/2013/05/what-is-organizational-culture>

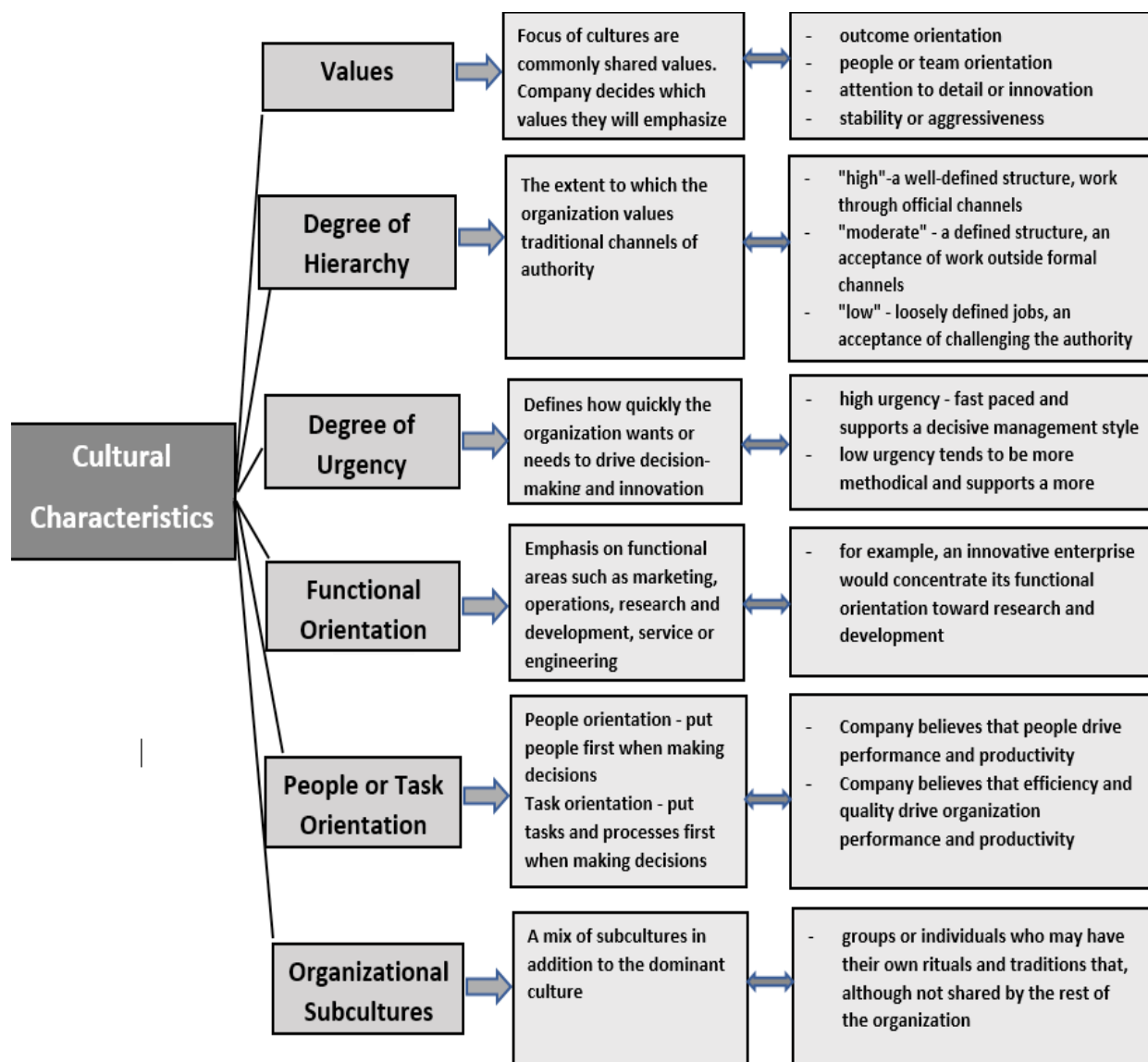

Figure 2. Main characteristics of management culture.

that identify how an enterprise does business on the daily basis. Culture management starts by approaching the process of gaining an initial understanding of common traits and evaluating its importance keeping in mind business objectives.

Human resources have an important role in ensuring that a company's established culture will continue and flourish. When an enterprise does a proficient job evaluating its culture, it can then proceed to establish HR programs, policies, and strategies that reinforce and strengthen its core norms, purpose and values.

HR professionals have many tools for developing and sustaining a high-performance organizational culture, including hiring practices, onboarding efforts, recognition programs and performance management programs. HR's biggest challenge is deciding how to use these tools and how to allocate resources appropriately⁵.

⁵ Understanding and Developing Organizational Culture. // URL: <https://www.shrm.org/ResourcesAndTools/tools-and-samples/toolkits/Pages/understandinganddevelopingorganizationalculture.aspx>

The central role that HR plays in helping an organization capitalize on its culture is in hiring. HR has an opportunity to select people who fit the way the organization operates.

Reward and recognition programs are key techniques HR can use to stimulate employees to behave in accordance with the organization's values and culture.

Employees who share beliefs and expectations tend to exceed those in environments that lack coherence and common goals. Performance management programs can significantly affect culture by outlining defined expectations of the employees and assuring a feedback tools that informs workers about correct behavior.

Assessing organizational culture is a crucial step in developing sound HR strategies that support enterprise objectives and goals. After identifying the key dimensions of culture company wants to enforce, company should develop a cultural assessment instrument which would enable members of the organization to rate one on the key cultural dimensions, administer the assess-

ment in the form of survey at all levels, functions and geographical units of the organization; conduct employee focus group to assure that not only top management leaders agree on the organization culture; discuss culture until agreement achieved on key issues. Organizational culture is also seen as an expression of the organization's mission and as a collective product of human thinking and behavior⁶.

Cultural evaluations, audits, assessments, and activities such as feedback, may also help expose cultural inconsistencies. Then executives and human resource professionals can eliminate the discrepancies. For example, evaluating customer service issues it is important to focus on employees amount of interactions with customers, training they obtain in regards to customer service, evaluate how much time workers devote to visiting customer sites.

Research suggests that national culture has a greater effect on employees than the culture of their organization. Organizational leaders and HR professionals should understand the national cultural values in the countries in which the organization operates to ensure that management and HR practices are appropriate and will be effective in operations in those countries. National cultural differences should be considered when implementing organizational culture management initiatives in global businesses⁷.

IBM corporation is focused on an aspirational culture, which is essential to its organization's success. As a top-performing company, their clearly defined culture includes these characteristics: custom-centric, agile, inspirational, innovative.

IBM suggests that achieving an aspirational culture is the single most critical success factor for strategic HR transformation and digital reinvention. Company concludes that culture cannot be static, and as you embark on a digital reinvention journey, at the heart of the transformation is continuous and accelerated culture change.

IBM focused on four dimensions of organizational culture that collectively determine how employees experience it; mind-set, values, behaviors, and tangibles, which translates into what employees think, feel, do, and see.

The IBM Framework for culture change suggests organizations need a comprehensive, actional plan to define, measure and deploy a culture that drives business results. The Framework for continuous and accelerated culture change, which can be applied at both the enter-

prise and business unit level should be able to: measure and quantify the current culture; track improvement over time and link it to a scorecard; engage and involve leaders; implement broader, more strategic HR process strategies (for example, in recruiting, talent management and learning); Monitor and reinforce culture⁸.

IBM focused on understanding the key elements of the current culture, and then work forward an aspirational culture in order to preserve the energy and commitment of the workforce. Doing this though interviewing employees and inviting everyone to complete a structure survey. In addition, performing detailed quantitative and qualitative analysis to understand the culture and the perceived key threats.

Consequently, business leaders of all levels identified culture as an essential asset to performance. Challenge companies face today are the changes in competition, the needs and desire of future employees, and internal changes could pose a threat to a culture that has helped to attract and retain the best and the brightest employees.

References

- [1] Arkhipova I.V. Anthropological point of view on corporate standard / I.V. Arkhipova // Modern communication space: analysis of the state and development trends: materials of the International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, April 22-24, 2015): in 2 p. / Ed. I.V. Arkhipova: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Novosibirsk State Pedagogical University - Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2015. Part 1. P. 10-13.
- [2] Cummings, Thomas G. & Worley, Christopher G. (2004), Organization Development and Change, 8th Ed., South-Western College Pub.
- [3] Schein, Edgar H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 2010. Print.
- [4] Michael D. Watkins. What Is Organizational Culture? And Why Should We Care? Web. 15 May 2013 // URL: <https://hbr.org/2013/05/what-is-organizational-culture>
- [5] Understanding and Developing Organizational Culture. // URL: <https://www.shrm.org/ResourcesAndTools/tools-and-samples/toolkits/Pages/understandinganddevelopingorganizationalculture.aspx>
- [6] IBM Talen Acquisition. Organizational Culture Change and Digital Reinvention. // URL: <https://newcareer.visme.co/projects/vdjw46qz-organizational-culture-change-and-digital-reinvention-one-sheet#s1>

⁶ Arkhipova I.V., Anthropological point of view on corporate standard / I.V. Arkhipova // Modern communication space: analysis of the state and development trends: materials of the International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, April 22-24, 2015): in 2 p. / Ed. I.V. Arkhipova: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Novosibirsk State Pedagogical University - Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2015. Part 1. P. 10-13.

⁷ Understanding and Developing Organizational Culture. // URL: <https://www.shrm.org/ResourcesAndTools/tools-and-samples/toolkits/Pages/understandinganddevelopingorganizationalculture.aspx>

⁸ IBM Talen Acquisition. Organizational Culture Change and Digital Reinvention. // URL: <https://newcareer.visme.co/projects/vdjw46qz-organizational-culture-change-and-digital-reinvention-one-sheet#s1>

Рызбаева А.А.

Аспирант Кемеровского государственного института культуры, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

К вопросу о ценностном содержании творчества великих сказителей Сибири*

Аннотация. В данной статье рассматриваются ценностные основания творческого наследия сказителей Сибири. При анализе героических сказаний автор обратил внимание на исполнительские особенности коренных народов данного региона. Благодаря достаточности отдаленности различных цивилизаций устно-поэтическое творчество стало важным источником для сравнительно-исторических исследований.

Ключевые слова: героический эпос, творческое наследие, сказители, коренные народы Сибири, традиционная культура, фольклор.

Ryzbaeva A.A.

Graduate student of Kemerovo state Institute of culture, lecturer of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

On the question of the value content of the creativity of the great storytellers of Siberia

Abstract. In this article the value bases of creative heritage of storytellers of Siberia are considered. In analyzing the heroic tales, the author drew attention to the performance characteristics of the indigenous peoples of the region. Due to the sufficiency of remoteness of different civilizations, oral poetry has become an important source for comparative historical research.

Key words: heroic epic, creative heritage, storytellers, indigenous peoples of Siberia, traditional culture, folklore.

Актуальность заявленной темы, в современных условиях определяется значением творчества великих сказителей, не только как богатого наследия коренных народов, но и основы для сохранения и дальнейшего развития сказительского искусства молодыми исполнителями. В эпических текстах наглядно демонстрирует воспитательный потенциал традиционной культуры. Благодаря этому молодое поколение не утрачивает интерес и уважительное отношение к своим национальным истокам.

Например, героический эпос коренных народов Сибири является памятником устного народного художественного творчества и составляет основу традиционного мировоззрения и менталитета. Сохранение и трансляция жанров эпических сказаний, позволяло передавать молодому поколению национально-культурные, культурно-исторические и нравственные идеалы самобытной духовной культуры. Это была, по сути, массовая устная школа, в которой педагогами выступали выдающиеся мастера слова – певцы-сказители. В их повседневной практике сильнейшим рычагом воздействия на слушателей являлись художественные образы.

Проиллюстрируем данное положение на примере творчества сказителей из числа различных этносов Сибири. Так, одним из выдающихся *кайчи*

(исполнитель) алтайского народа был Николай Улагашевич Улагашев. Родился он 17 марта 1861 года в долине Сыры-Кокши Чойского района в семье охотника. Именно в детские и юношеские годы Николай Улагашев воспринимал и запоминал огромное количество крупных героических сказаний. В результате такого каждодневного напряженного сказительского труда: воспроизведения эпоса грудным мощным гортанным голосом, привели его к трагическим последствиям, т.к. данный вид исполнительства ведет к огромным физическим перегрузкам. В 16 лет после продолжительной болезни, он ослеп. Его желание и любовь к устно-поэтическому творчеству не сломала болезнь. За сравнительно небольшой период времени со слов Улагашева записаны несколько десятков героических сказаний, сказок, песен. В их число входят такие шедевры героического эпоса как: «Алып-Манах» (Богатырь Манах), «Алтай-Буучай», «Малчы-Мерген» (Пастух Мерген), «Козюйке и Баян» и многие другие. За высокие достижения в социально-культурной деятельности, проявления гражданской доблести он был награжден 1939 году Знаком Почёта. Умер Н. У. Улагашев в возрасте 86 лет в 1946 году [1].

В среде хакасского народа одним из крупных мастеров сказительских импровизаций является

* © Рызбаева А.А., 2020.

К вопросу о ценностном содержании творчества великих сказителей Сибири

выдающийся хайджи-нымахчи Семен Прокопьевич Кадышев. Он родился 16 сентября 1885 году в улусе Тарча Ширинского района. У него сложился обширный репертуар, мастер исполнял произведения различных жанров: героический эпос, сказки, исторические предания, легенды, народные песни и песни-состязания. Он знал большое количество пословиц, поговорок и загадок. Также он являлся хорошим знатоком древних обычаев и обрядов хакасов. Но предпочтение Семен Прокопьевич отдавал героическому эпосу. В его репертуаре более 30 героических сказаний, из которых многие опубликованы и даже переизданы. По данным исследователей, по линии отца фамилия Кадышевых примерно с середины XVIII века славилась как род потомственных сказителей, имеющих богатую традицию исполнительского мастерства на народных инструментах – *чатхане* и *хомысе*. Его учителями из рода Кадышевых были такие сказители как Пугача Кадышев, Сло Кадышев (дядя), Прона Кадышев (отец), Анча Байдошева (бабушка), а также сказители, которые не являлись родственниками, например, Хара Матпый Балахчин, Семен Абдорин, Егор Павлович Кондеев [2].

В возрасте примерно 25-30 лет Семен Прокопьевич впервые решается исполнить героическое сказание своим друзьям. После одобрения первого выступления последовали многочисленные приглашения слушателей - ценителей алыптых - ныхахов.

Героические сказания в исполнении Семена Прокопьевича отличаются композиционной стройностью, идейно-художественной цельностью, традиционностью, богатством поэтического языка. Применение сказителем разных эпических формул, устойчивых оборотов, словосочетаний не нарушает единства поэтического впечатления, а способствует созданию гармонии в фольклорном повествовании. В героических сказаниях, исполненных С. П. Кадышевым, в центре эпоса оказывается герой, типизирующий наилучшие качества своего народа, в деяниях которого образно выражается исторический путь его социума.

Манера и стиль исполнения фольклорных произведений у каждого сказителя индивидуальны и обусловлены как местными традициями, так и талантом исполнителя. По мнению фольклориста традиционной культуры хакасов, В. Е. Майногашевой, Семен Прокопьевич Кадышев обладал морем народных знаний. В этих знаниях хранилась великая нравственная заповедь хакасского народного эпического творчества - долг сильного защищать слабого, быть гуманным, справедливым.

Семен Прокопьевич Кадышев внес огромный вклад в фонд хакасского фольклора. Посвятивший себя сказительскому искусству и выросший в среде сказителей, он не только творчески исполнял традиционный фольклор прошлого, но и создавал новые произведения, тем самым продолжая развивать и

обогащая устное поэтическое творчество своего народа.

Среди тувинских сказителей особое место занимает сут-хольский самородок Маннай Намзыраевич Ооржак. Произведения устного народного творчества исполнялись мастером почти во всех жанрах. Это, например героические сказания, сказки и мифы, легенды и предания, благопожелания. Сюда же относятся народные песни, загадки, пословицы и поговорки, скороговорки.

Маннай Намзыраевич Ооржак родился в 1892 году в селе Манчурек Сут-Хольского района. Маннай научился рассказывать сказку у своего деда Дыгырыка, который перенял свой репертуар от матери - знаменитой сказительницы из рода тос-карак из Шекпээра по-прозвищу Тоолдаар-Кадай («Старуха, рассказывающая сказки»). В 20 лет стал признанным сказителем. Помимо сказительского дара, Маннай обладал также подлинными шаманскими («хам») и знахарскими («оьтчу») способностями, у него было прозвище «Куу-Хам» («Серый шаман»), но долго и тщательно это скрывал.

В его репертуаре насчитывается 26 эпических сказаний и сказок, множество произведений других жанров. Выход эпического творчества Манная на всероссийскую арену состоялся в 1994 году, после опубликования тома «Тувинские народные сказки» в 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», который был составлен автором этих строк. В этот том вошла сказка «Чечен-Маанай, Тенек-Дулун» («Изящный Маанай и Шаловливый Дулун»), записанная Маннаем. В 1997 году в той же серии в томе «Тувинские героические сказания», составленном С. М. Орус-оол, опубликовано в его исполнении героическое сказание «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», насчитывающее 5060 стихотворных строк [3].

Выдающийся представитель шорского народа, Владимир Егорович Таннагашев родился 10 декабря 1932 году в улусе Курья в низовьях реки Мрассу на территории Горно-Шорского национального района, административно входившего в то время в Западно-Сибирский край. Отец его, Егор Иванович, как и многие тогда шорцы-мужчины, был охотником. Матерью Владимира Егоровича была Анастасия Николаевна, в девичестве Сабанаева, уроженка д. Калачево, что недалеко от современного г. Новокузнецка.

С раннего детства слушал и запоминал Владимир Егорович сказания шорских сказителей, которые жили в соседних поселках. Своим учителем считал Амзорова П. Н. Освоив, богатейший поэтический язык шорских сказаний, он рассказывал отрывки из них своим друзьям и родным. В последние 15 лет он часто выступал на различных мероприятиях и на традиционных шорских праздниках - Пайрамах - исполнял горловым пением отрывки из сказаний

под аккомпанемент музыкального инструмента - комуса.

В 1999 году в Абакане на выездном семинаре-секретариате он был принят в члены Союза писателей России как знаток и хранитель шорского поэтического слова. В памяти Владимира Егоровича хранилось около 80-ти сказаний. В самозаписях и аудиозаписях хранятся сказания у ученых Л.Н. Арбачаковой, Д.А. Функ. Несколько сказаний В.Е. Таннагашева подготовлены к изданию и опубликованы. В 2007 году Владимир Егорович Таннагашев - последний шорский сказитель ушел из жизни [4].

Таким образом, представители данных этносов играли огромную роль в сохранении устно-поэтического творчества (сказительства) и передачи его молодому поколению. Ценностное содержание творчества великих сказителей Сибири определяется содержащимися в нем устойчивыми эстетическими взглядами, присущим традиционной культуре пониманием прекрасного и, как следствие, особым стилем художественного мышления. Особо следует отметить, на наш взгляд, и художественный способ освоения мира и своей истории. То есть, в эпосе отражены традиционные морально-нравственные устои, народная мудрость, которые не теряют актуальность и в настоящее время: они вдохновляют молодых сказителей, мотивируя их на разработку новых сюжетов.

References

- [1] Traditions of antiquity deep in the Museum of the Altai narrator N.U. Ulagasheva // <https://culture-altai.ru> // URL: <https://culture-altai.ru/glavnaya/all-news/predaniya-stariny-glubokoj-v-muzee-altajskogo-skazitelya-n-u-ulagasheva>
- [2] Chistobaeva Nadezhda Stepanovna Semen Prokopyevich Kadyshhev (1885-1977) // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 12-1 (66). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semey-prokopievich-kadyshhev-1885-1977>
- [3] The thread of time by storytellers is woven // BezFormata.Com // URL: <https://kizil.bezformata.com/listnews/nit-vremen-skazitelyami-tketsya>
- [4] Tannagashev Vladimir Egorovich // Tadarlar.ru // URL: <https://tadarlar.ru/shoriya/shor-kizhi/vladimir-egorovich-tannagashev>

Библиографический список:

- [1] Предания старины глубокой в Музее алтайского сказителя Н.У. Улагашева // <https://culture-altai.ru> // URL: <https://culture-altai.ru/glavnaya/all-news/predaniya-stariny-glubokoj-v-muzee-altajskogo-skazitelya-n-u-ulagasheva>
- [2] Чистобаева Надежда Степановна Семен Прокопьевич Кадышев (1885-1977) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semey-prokopievich-kadyshhev-1885-1977>
- [3] Нить времен сказителями ткется // BezFormata.Com // URL: <https://kizil.bezformata.com/listnews/nit-vremen-skazitelyami-tketsya>
- [4] Таннагашев Владимир Егорович // Тадарлар.ру // URL: <https://tadarlar.ru/shoriya/shor-kizhi/vladimir-egorovich-tannagashev>

Ултургашева Н.Д.*Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.***Турамурадова И.Г.***Кандидат культурологии, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГИК (Кемеровский государственный институт культуры).*

Фольклор коренных народов южной Сибири в контексте функционирования традиционной художественной культуры*

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения традиционного и инновационного слоев современной традиционной народной художественной культуры. Предложен авторский подход к определению основных структурных элементов народной художественной культуры. Раскрывается значение традиционной культуры как регулятора внутренних связей, консолидирующих этническую общность.

Ключевые слова: фольклор, жанр, коренные народы, мировоззрение, сказки, обряды, народный календарь.

Ulturgasheva N.D.*Doctor of Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.***Turamuratova I.G.***Candidate of Cultural Studies, Lecturer, Department of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State Institute of Culture.*

Folklor of indigenous peoples of southern Siberia in the context of functioning of traditional artistic culture

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ratio of traditional and innovative layers of modern traditional folk art culture. The author's approach to determining the basic structural elements of folk art culture is proposed. The significance of traditional culture, as a regulator of internal relations consolidating an ethnic community.

Key words: folklore, genre, indigenous peoples, worldview, tales, ceremonies, folk calendar.

Современный фольклорный процесс – составная часть культурного (шире – духовного) процесса. Его ядром является бытование произведений народного художественного творчества в многообразных формах, востребованных сегодняшней действительностью. Современный фольклор характеризуется мозаичностью, поливекторностью, активным взаимодействием различных по происхождению и способу функционирования (устных и письменных) явлений. Он представляет творчество (как любительское, так и профессиональное) всех социальных слоев и этнических общностей [1, с. 112].

Не случайно проблема сохранения жанров фольклора была обозначена в нормативных актах ЮНЕСКО. В 1989 г. на Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры было выработано следующее определение фольклора:

фольклор (или традиционная и народная культура) – есть совокупность основанных на традициях культурного сообщества творений, выраженных группой или индивидуумами и признанных в качестве отражения чаяний сообщества, его культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации или другими способами. Его формы включают, в частности, язык, литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества [2].

Фольклор коренных народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, телеутов, тофаларов, хакасов, шорцев и др.) является частью их духовной культуры, так как в его основе лежат религиозно-философские, этнические, эстетические и др. традиции, утверждавшиеся веками. Необходимо заметить, что

* © Ултургашева Н.Д., Турамурадова И.Г., 2020.

Фольклор коренных народов южной Сибири в контексте функционирования традиционной художественной культуры

под фольклором мы понимаем не систему жанров, обрядов, а реальную действительность, которая оказывает мобилизирующее воздействие на общность народов, на их историческую судьбу. Одновременно – это самостоятельная форма духовной практики, развивающейся по своим законам.

Объединение древних тюрков, которые основали государство, получившее название Тюркского каганата, произошло в конце 20-х и начале 30-х годов VI в. Из письменных источников известно, что в пустынях и горных степях Центральной Азии проживали тюрко-язычные племена, которые являлись одними из древнейших обитателей Саяно-Алтайского нагорья и потомки которых вошли в этнический состав тувинцев, алтайцев, хакасов. Общий уровень культуры племен был довольно высоким для того времени, даже несмотря на кочевой образ жизни, о чем свидетельствует наличие у них рунической письменности. Памятники этой письменности известны по находкам в Монголии (древнетюркские, орхонские и уйгурские надписи VIII в.), на Алтае (на отдельных предметах из древнетюркских погребений) и др. В Туве известно свыше 40 рунических надписей на камнях и на скалах, составленных на тюркском языке. Целый ряд древнетюркских надписей в Хакасии содержит описание исторических событий, связанных с социальной организацией, развитостью и практическим смыслом традиционной обрядности, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию. Опасаясь гнева богов, древний человек пытался защититься от всяких невзгод, поэтому он приносил им жертвы, совершал обряды и ритуалы, чтобы умиротворить, задобрить всемогущие силы природы. Во избежание нарушения космического порядка, древние тюрки должны были постоянно искупать вину за убийство животных, за сломанное дерево, за сорванный цветок, т. е. за нарушение или разрушение живой природы [3, с. 103].

Без сомнения, проблема человека в традиционном мировоззрении Саяно-Алтайских тюрков центральная. Весь фольклор пронизан сюжетами взаимопревращений человека в птицу, животное, гору, предметы быта. Наиболее частые персонажи эпоса народов Саяно-Алтая – золотая кукушка, белая волчица, серый волк, рыба – Кир-Палых, белый лебедь и др. Распространены сюжеты, где они выступают прародителями людей, родов. Об этом же говорят многочисленные легенды о побратимстве человека и животных [4, с. 19]. Вера в то, что природа – явление одушевленное, олицетворение её сил, было основной особенностью мифологических представлений о мире. Эта вера и составляла главный смысл язычества.

Язычество – вера во множество богов, покровительствующих природным стихиям. Это часть огромного общечеловеческого комплекса воззрений, обрядов, верований, которая послужила ос-

новой для всех позднейших мировых религий. В русском языке этот термин происходит от слова «языки», т.е. народы, племена. Язычество можно считать первобытной религией. И, наконец, языческие корни – первая и основная примета в развитии архаического фольклора [5, с. 44].

Народные сказки, песни, героические сказания, свадебные обряды, праздники, народная вышивка, художественная резьба по дереву, камню, кости – все это может быть исторически осмыслено только с учетом древнего миропонимания. Языческая романтика придавала особую красочность народной культуре. С язычеством связана орнаментика архитектуры, утвари и одежды. Языческими мотивами проникнуты сложные, многодневные свадебные обряды. Значительная часть песенного репертуара проникнута языческим мировоззрением. Живой неувыдаемой формой обрядового танца, сопровождаемого музыкой, являются народные праздники [6, с. 45].

Основные языческие обряды, праздники и песни тюрко-язычных племен Южной Сибири связаны с традиционным видом хозяйствования – кочевым скотоводством, разведением лошадей, овец и крупного рогатого скота. Для определения времен года племена Саяно-Алтайского нагорья пользовались народным календарем. «Зелень травы им служила отличительным признаком» – говорится в летописи. Но представители каганской верхушки датировали письма годами «животного» цикла. Каждый год носит название животного (год лошади, год овцы, год змеи, год мыши и т.д.). Эти названия следуют в строго определенном порядке и повторяются через 12 лет. Имеется сообщение летописи, что в 586 году тюркской верхушке был пожалован китайский календарь [7, с. 103.]

Годовой цикл у тюрко-язычных народов Южной Сибири и Саяно-Алтая понимался как аналогия жизни человека: отрезки дня, времена года и топографические элементы отождествлялись с частями человеческого тела [14, с. 138]. Например, в тувинском и шорском языках слово «баш» – голова (хак. «пас» – голова, алт., шорс. – «баш», казахс., киргизс. – «бас») означало одновременно «вершина», «главенство», «начальство», «чыл пажы» – начало, голова года (хак. «чыл пазы» – голова года, алт. – «жыл пазы»). Исчисление времени по величине фаз Луны у алтайцев, тувинцев, хакасов наиболее древние. Полный цикл изменения формы видимой части Луны считался одним месяцем – ай. По размеру лунного диска определялся конец старого месяца и начало нового, а натренированный глаз без особого труда узнавал, какое сегодня число.

Отзывчивое к природным ритмам дерево воспринималось как точка отсчета пространственных и временных координат. Не случаен в алтайских и тувинских загадках образ дерева-календаря называется «золотым тополем», «тупым священным сандаловым

деревом посреди золотого, синего озера». Месяцы – «12 ветвей». Дни года – «365 шелестящих листьев» (лунный год состоит из 354 суток). В каждом из двенадцати синодических месяцев (промежутки времени между двумя последовательными одноименными фазами Луны, например, полнолуниями) было поочередно 29 и 30 суток (лунный месяц равен приблизительно 29,5 суткам); времена года не совпадали с астрономическими, поэтому високосные года имели 13 месяцев [8, с. 166].

Начало и конец месяца: «15 веток (дни) мокрых, сочных (т. к. со 2 по 15 лунный диск постоянно растет), 15 сухих (т. к. с 16 по 29) диск постоянно уменьшается». Дни месяца: «на каждой ветви по 30 птиц». Часы суток: «в каждом птичьем клюве по 24 зерна» [9, с. 138].

Археологические материалы Хакасско-Минусинской котловины, относящиеся к VI-X вв., значительно дополняют письменные известия. Они подтверждают, что земледелие было здесь плужным, с применением не только местных сох и деревянных плугов с медными сошниками, но и сложных плугов с чугунными отвалами, которые начали привозить в Южную Сибирь уже с V века. В другом источнике сказано: «С помощью лошадей и людей пашут плугом, сеют пять хлебов», т. е. тюрки Саяно-Алтая знали плужное земледелие [10, с. 74].

Народный календарь коренных народов Сибири (алтайцев, телеутов, тувинцев, хакасов, шорцев), несет на себе черты языческого характера.

У хакасов, к примеру, была своя система измерения времени и пространства. До присоединения к России они пользовались своим календарем. Еще в период Кыргызского государства, как сообщали восточные летописи, население с помощью «двенадцати животных считают годы». В настоящее время память о двенадцатилетнем животном цикле – «муче» сохранили только люди преклонного возраста. Каждый год носил имя определенного животного и, согласно народным представлениям, имел свои признаки и особенности. Например:

1. Куске чылы (год мыши) – хороший, теплый год;
2. Инек чылы (год коровы) – холодный год;
3. Тулгу чылы (год лисицы) – плохой год;
4. Хозан чылы (год зайца) – холодный год;
5. Килески чылы (год ящерицы) – хороший год;
6. Чылан чылы (год змеи) – теплый год;
7. Чылгы чылы (год лошади) – теплый год;
8. Кизи чылы (год человека) – холодный год;
9. Хой чылы (год овцы) – холодный год;
10. Танах чылы (год курицы) – хороший год;
11. Адай чылы (год собаки) – год недостатка молочных продуктов (качинцы, диалект. группа);
12. Турна чылы (год журавля) – теплый хороший год (сагайцы, диалектн. группа);
13. Сосха чылы (год свиньи) – трудный год (качинцы);

14. Оски чылы (год козы) – хороший год (сагайцы).

Из пяти «муче» складывался век – «пукул», в котором насчитывалось 60 лет. Каждый из пяти «муче» носил определенную световую символику, соответствующую пяти стихиям: синий (кок) – цвет неба, красный (хызыл) – огня, белый (ах) – воды, черный (хара) – земли и зеленый (от кок) – растительности. Подобное представление, вероятно, было заимствовано от монголов.

Год начинался с периода весеннего равноденствия. Хакасская система счета времени (тус, самал) фиксировала короткие промежутки светового дня, суточный период, месяцы и лунные годы. Вместо минут и часов употребляли следующие понятия: «инек мууренче» – время мычания коровы; «хан пысанча» – время, когда сварится кровяная колбаса; «чай хайнаанча» – время, за которое вскипает чай; «тамкы тартханча» – время выкуривания одной трубки табака; «пир хазан сыхханча» – время перегонки одного казана айрана, что соответствовало полутора часам. Летом солнечными часами у хакасов служила юрта, двери которой строго ориентировались на восток, а внутреннее убранство имело традиционное расположение. Когда солнце поднималось на «длину повода коня», то лучи освещали внутренний круг дымохода. В это время скот выгоняли на пастбище. Затем солнце, поднявшись на «высоту аркана», проникало к женскому изголовью кровати, что соответствовало летом 8-9 часам утра. Это считалось временем завтрака. Далее солнечный луч, медленно продвигаясь по северной (женской) стороне, освещал первую буфетную полку (кичиг илгор) и к обеду достигал второй полки (улуг илгор). К четырем часам вечера луч падал на кадку с айраном. В это время надо было пригонять домой телят. Наконец, солнце скользило по верхней части дымохода над дверью и исчезало из юрты. Это означало, что солнце опустилось на «длину повода коня» и наступала пора загонять скот в хлева и доить коров [11, с. 195-196].

О звуковом календаре тувинцев исследователь В.Ю. Сузукей пишет следующее «...Почти со всех сторон окруженная горными хребтами Тува расположена на стыке сибирской тайги и степей Центральной Азии. Климат резко континентальный. Высокогорные ущелья, тайга, леса, долины рек и степи – везде свои специфические звуки, краски, запахи. Пространственное распространение звука, издаваемого человеческим голосом, неоднозначно, порою, оно зависит от погодных условий дня или сезона года. ... Народные приметы, накопленные в процессе наблюдения за окружающей природой, являются очень чутким и точным живым, своеобразным звуковым календарем, игравшим немало важную роль в жизни кочевника. Функциональная специфика звукового календаря в полной мере раскрывается лишь в контексте сезонных циклов пере-

кочевков. Известно, что соответственно сезонам года кочевники имеют четыре основных пастбища: зимнее, весеннее, летнее и осеннее (весеннее и осеннее пастбища иногда территориально совпадают).

Зимняя стоянка (кыштаг) – обычно расположена в седловинах гор, закрытых от зимних ветров. Предвестниками зимней непогоды для кочевников были голоса вороны (каарган) и дятла (тарга). Ворона, к примеру, много кричит к затяжной непогоде, причем возможны даже буря или резкое похолодание. В этой связи особый интерес представляют автобиографические миниатюры известного писателя и ученого М. Б. Кенин-Лопсана, где он вспоминает меткие замечания своей бабушки о явлениях природы. В разные дни она улавливала разницу в пении дятла. Она говорила: «Если голос дятла звучит высоко и пронзительно, то похолодает; если голос дятла звучит низко, как каргыраа, то будут стоять теплые дни».

Поздней зимой, в теплые зимние вечера, в тишине, после вечерних забот и хлопот, в юрте становится слышно «камлание» зайцев (кодан), т. е. звуки похожие на барабанную дробь, издаваемые зайцами. В таких случаях тувинцы говорят: «Зайцы начали камлание, значит, скоро снег растает. Идет весна!» [12, с. 270-272].

Древнетюркская письменность – индикатор высокого уровня цивилизации, достигнутого нашими предками, была оставлена нам в качестве духовно-материального и исторического наследства. Она способствует возрождению культур тюркских народов, проживающих в Сибири. Признаки современного фольклора слабо аргументированы, применение устности, коллективности, вариативности к современному художественному творчеству сужает его сферу. Современный фольклор уже не соответствует основным признакам традиционного народного искусства и представляет собой такое явление, сущность которого предстоит открыть.

В современной традиционной народной художественной культуре, на наш взгляд, очевидны два взаимодополняющих слоя – традиционный и инновационный. А. С. Каргин, по сути, проанализировав современную народную художественную культуру, выделил в ней два направления – традиционное и инновационное, по жанровым, стилевым, видовым функциям и их элементам. С учетом всего изложенного, автор предлагает следующее определение основных структурных образований народной художественной культуры:

1. Фольклор (устно-поэтический, музыкально-драматический) – бытовая, традиционная для этноса духовная философия. Это эстетическая культура, отражающая его менталитет, сложившаяся в результате многовекового коллективного творчества – путем устной коммуникации, проявляющаяся в бесконечной множественности индивидуально-личностных вариантов.

2. Неофольклор – бытовое художественное творчество неформализованного досугового характера, включающее одновременно формы фольклора, массового и профессионального искусства, художественной самодеятельности отличающейся эстетическим многообразием, стилевой и жанровой неустойчивостью и выступающее второй волной в современной фольклорной культуре.

3. Фольклоризм, или вторичный фольклор, – сценическая форма фольклора, подготовленная и осмысленная с учетом закономерностей демонстрации зрителям, слушателям как художественного явления.

4. Художественная самодеятельность – социально-организованное творчество, ориентированное на воспроизводство и развитие существующих образцов (произведений, изделий) элитарной, массовой или фольклорной культуры посредством специального обучения части населения художественным навыкам и умениям.

5. Декоративно-прикладное и художественно-прикладное искусство, изобразительный фольклор – овеществленный, материализованный слой народной художественной культуры, отражающий в образно-эстетической форме самосознание, менталитет этноса, имеющий как фольклорные, так и специализированные формы.

6. Архаическая культура – имеет древнее крестьянское происхождение и связана с эпохой земледельческого календаря.

7. Традиционная культура – определяет качественные и наиболее устойчивые, сложившиеся, проявившие свою безусловную ценность параметры (качества, свойства, характеристики) народной культуры; это культура, ставшая общезначимой для всех или, по крайней мере, для большинства социальных групп.

8. Аутентичная культура – наиболее типичский слой культуры, существующий в любой маргинальной сфере. Это первичная, изначальная и сохранившая свою актуальность народная культура, образец и символ самого ценного в эстетическом и духовном отношении слоя культуры любой социальной группы. Поэтому можно говорить об аутентичной культуре крестьянства, рабочих, интеллигенции и т. п. Понятие «аутентичная» и «традиционная» тесно соприкасаются в характеристике народной культуры.

Суть диалектики традиционного и инновационного в народной художественной культуре тюркоязычных народов Южной Сибири и Саяно-Алтая заключается в том, что при создании целостной национальной культуры происходит органическое вращивание индивидов-носителей традиционной культуры – в новую культуру. При этом традиционная культура, складывавшаяся веками, в основном, играет роль регулятора внутренних связей, консолидирующих этносоциальную общность. В

этом случае новая культура, образующаяся путем творческого переосмысления инонационального культурного опыта, направлена на межнациональное культурное сотрудничество [19, с. 17.]

References

- [1] Kargin A.S. Pragmatics of folklore. Collection of articles, reports, essays. M. - GRTSRF, 2008. 112 p.
- [2] Courier of UNESCO. UNESCO regulations, 1989. Recommendations for the preservation of folklore.
- [3] Potapov L.P. History of Tuva. - M.: 1964. Volume 1. 103 p.
- [4] Ziva V.F. Mythological sources of folk art culture // Folk art culture. Textbook, under. ed. T.I. Baklanova, E.Yu. Sagittarius. M.: 2000. 44 p.
- [5] Ziva V.F. The mythological sources of folk art culture ... 44 p.
- [6] Ziva V.F. The mythological sources of folk art culture ... 45 p.
- [7] Kurbatsky G.N. Tuvans in their folklore. - Kyzyl, 2001. 103 p.
- [8] Shur Y.I. Stories about the calendar. - M.: 1962. P. 26-30.
- [9] Kurbatsky G.N. Tuvans in their folklore. - Kyzyl, 2001. 138 p.
- [10] Kyzlasov L.R. The history of Khakassia from ancient times to 1917. M.: 1993. 74 p.
- [11] Butanaev V.Ya. Traditional culture and life of the Khakass. Abakan, 1996. P. 195-196.
- [12] Suzukev V.Yu. Artistic transformation of the sounds of nature in the folklore of Tuvans. (About the sound calendar of a nomad). Scientists notes. Vol. XX. TIGI. Kyzyl, 2004. P. 270-272.
- [13] Kargin A. S. Folk art culture. M. 1997. S. 17-18.
- [14] Butkevich A.V., Velikson M.S. Eternal calendars. - M.: 1984. P. 166-169.

Библиографический список:

- [1] Каргин А.С. Прагматика фольклористики. Сборник статей, докладов, эссе. М. - ГРЦРФ, 2008. 112 с.
- [2] Курьер ЮНЕСКО. Нормативные акты ЮНЕСКО, 1989. Рекомендации о сохранении фольклора.
- [3] Потапов Л.П. История Тувы. – М.: 1964. Том 1. 103 с.
- [4] Зива В.Ф. Мифологические истоки народной художественной культуры // Народная художественная культура. Учебник, под. ред. Т.И. Баклановой, Е.Ю. Стрельцовой. М.: 2000. 44 с.
- [5] Зива В.Ф. Мифологические истоки народной художественной культуры ... 44 с.
- [6] Зива В.Ф. Мифологические истоки народной художественной культуры ... 45 с.
- [7] Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. - Кызыл, 2001. 103 с.
- [8] Шур Я.И. Рассказы о календаре. – М.: 1962. С. 26-30.
- [9] Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. - Кызыл, 2001. 138 с.
- [10] Кызласов Л.Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.. М.: 1993. 74 с.
- [11] Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. С. 195-196.
- [12] Сузукев В.Ю. Художественная трансформация звуков природы в фольклоре тувинцев. (О звуковом календаре кочевника). Ученые записки. Вып. XX. ТИГИ. Кызыл, 2004. С. 270-272.
- [13] Каргин А. С. Народная художественная культура. М. 1997. С. 17-18.
- [14] Буткевич А.В., Великсон М. С. Вечные календари. – М.: 1984. С. 166-169.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Протоиерей Димитрий Лескин

Доктор философских наук, кандидат богословия, профессор.
Ректор Поволжского православного института, руководитель Духовно-просветительского центра
ОАО «АВТОВАЗ», член Общественной палаты Российской Федерации.

**Нужна ли нам была Великая победа:
к фальсификации истории последних десятилетий^{1, *}**

Аннотация. Доклад на XXVIII Международных Рождественских образовательных чтениях «Великая победа: наследие и наследники». Москва, 2020 г.

Ключевые слова: Москва, война, победа, богословие образование.

Archpriest Dmitri Leskin

Doctor of Philosophical Science, Professor, Rector of the Volga Orthodox Institute
of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, Member of the Public Chamber of the Russian Federation.

Do we need a great victory: to falsify the history of recent decades

Abstract. Report at the XXVIII International Christmas Educational Readings «The Great Victory: Heritage and Heirs.» Moscow, 2020.

Key words: Moscow, war, victory, theology of education.

Как известно, историю пишут победители. Считающий себя победителем в холодной войне западный мир и, в первую очередь, Соединенные Штаты Америки уже несколько десятилетий транслируют свою версию хода и итогов Второй мировой войны в качестве безальтернативной. При этом совершенно очевидной становится ускоряющаяся трансформация понимания роли и места в победе над нацистской Германией всех участников антифашистской коалиции. В первую очередь, речь идет о попытке минимизировать вклад в победу Советского Союза. Для того чтобы обеспечить это весьма агрессивное стремление переписать историю, используются различные средства, вплоть до откровенной фальсификации и информационных вбросов, ничтожных по содержанию, но весьма результативных по итогам восприятия массовым сознанием. Наш доклад будет посвящен рассмотрению этих печальных тенденций, отчетливо проявившихся в последние годы.

Отец советской историографии М.М. Покровский не раз утверждал, что «история - это политика, опрокинутая в прошлое». На основании этого принципа в советское время и особенно в 1920-1930 гг. развивалась советская историческая наука. Всем памятно, что до 1930 гг. изучение дореволюционной истории

России было исключено из школьной программы. Всеми доступными средствами формировалось представление о России как об «империи зла» и «тюрьме народов», безнадежно отсталом в политическом и экономическом развитии государстве. Фактически у России отнимали ее тысячелетнее прошлое. И хотя данный курс не раз подвергался корректировке, а «школа Покровского» была осуждена за вульгаризацию и «ненаучность» подходов, тем не менее тенденция очернительства российского прошлого совершенно ясно прослеживалась в течение всего советского периода. Поэтому, столкнувшись сегодня с теми действиями в отношении истории России, которые весьма откровенно демонстрируют современная западная историография и, в еще большей степени, политизированная околосторонняя публицистика, мы не должны сильно удивляться и негодовать, утверждая, что «такого не было никогда, и вот опять...».

Тем не менее необходимо признать, что фальсификация событий и итогов Великой Отечественной войны (все чаще мы слышим о попытках отказаться от самого этого названия и заменить его, например, на «нацистско-советскую войну») достигла сейчас столь огромных размеров, что можно говорить о стремле-

¹ Доклад на XXVIII Международных Рождественских образовательных чтениях «Великая победа: наследие и наследники». Москва, 2020 г.

* © Протоиерей Димитрий Лескин, 2020.

Нужна ли нам была Великая победа: к фальсификации истории последних десятилетий

нии отнять Великую победу у народа, который принес на ее алтарь самую великую и страшную жертву.

К огромному сожалению, это «историческое противостояние» является сегодня не уделом некоторых, пусть и влиятельных, политических сил западного мира, но фактически «мейнстримом», в который вовлечены ведущие лидеры и партии многих стран, средства массовой информации, образовательные и научные центры, деятели искусства и культуры, и который дозрел уже до символических акций «поругания» отбившейся от рук России.

Так, в 2009 году Европарламент объявил день 23 августа (дату подписания «Пакта о ненападении») Днем памяти жертв сталинизма и нацизма, ставя между ними знак равенства. В сентябре 2019 года, когда в Европе широко отмечалось 80-летие начала Второй мировой войны, Президента Российской Федерации В.В. Путина попросту не пригласили в Польшу, ставшую центром проведения мемориальных мероприятий. В то время как лидеры всех западных стран, собравшись вместе, скорбели о начале самой чудовищной в истории человечества мировой бойни, лидер страны-победительницы был исключен из участников события. И это символическое действие, обнаружившее не только неуважение к главе государства и неприятие тех процессов, которые в нем происходят сегодня, но и готовность фактически перечеркнуть вклад нашей страны в победу над фашизмом, значит больше, чем многие другие заявления лидеров европейских держав.

Памятны и те высказывания, которые прозвучали в августе-сентябре 2019 года, например, совместное заявление высокопоставленных делегаций прибалтийских государств, что для них Вторая мировая война закончилась не в 1945 году, а в годы краха СССР, когда советские войска покинули Литву, Латвию и Эстонию и «оккупационный режим» рухнул. При таком взгляде большевистская Россия была для прибалтов большим злом, чем фашистская Германия, о чем откровенно свидетельствуют руководители и правящие политические силы этих государств, организуя парады «ветеранов» СС и демонтируя памятники советским солдатам.

Немало было сказано в последние годы и о том, что Советский Союз наравне с фашистской Германией несет ответственность за десятки миллионов жертв и все кровавые преступления, которые совершались в 1939-1945 гг., что Россия является не столько победителем, сколько инициатором, вместе с Германией, мировой войны. Особенно много говорится в последнее время о «Пакте о ненападении», подписанном в Москве в августе 1939 года, который якобы развязал руки Гитлеру и спровоцировал его на начало военных действий. Сталин фактически подтолкнул Гитлера к объявлению Второй мировой войны.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на вышедшую недавно острополюемическую книгу французского ученого Оливье Шмитта «Почему Путин

— наш союзник? Анатомия французской страсти». Аргументация причин войны, приводимая деятелем европейской исторической науки, завораживает. Вот как он интерпретирует, например, упомянутый пакт «Молотов – Риббентроп»: «Берлин пять лет (с 1934 по начало 1939 года) пытался добиться альянса с Варшавой для нападения на СССР, но так и не достиг успеха. В то же время Риббентропу потребовалось всего три дня в 1939 году, чтобы СССР с энтузиазмом принял альянс, итогом которого стало уничтожение Польши. После поражения польских войск Красная армия устроила совместный парад с Вермахтом, тогда как офицеры НКВД выслеживали и ликвидировали польскую элиту». Отстаивая право на подписание «Пакта о ненападении» советской стороной, Владимир Путин оскорбляет Польшу – первую жертву Второй мировой, вытесняет последовавшие за этим «убийства на задний план и даже оправдывает их, вычеркивая польские жертвы из истории».

Для автора важно проследить связь «режима Путина» со сталинизмом и развенчать российскую интерпретацию Второй мировой войны как базовую мифологию, на которой держится политический строй современной России. Так, мы находим в книге следующие утверждения: «Долгое время прославление «Великой Отечественной войны» (в кавычки название ставит сам О. Шмитт) позволяло представить СССР в качестве эпицентра сопротивления фашистским силам...», «одной из главных тем исторического ревизионизма Кремля является Вторая мировая война...», проправительственные российские ученые занимаются «фальсификацией в интересах властей», по заказу которых готовят единый школьный учебник по истории, и пр.

О. Шмитт приходит к выводу, что в современной России присутствует «негласное принятие нацизма», идущее параллельно с прославлением сталинизма. Он ставит знак равенства между Парадом Победы 9 мая и акцией «Бессмертный полк», «призванными прославлять величие Кремля» и «гомофобскими кампаниями», которые выступают «средством защиты от западной цивилизации». Россия «бесстыдно называет оппозиционеров «фашистами» и «нацистами», но в то же время поддерживает европейских ультраправых». Возвышение Великой Отечественной войны выгодно Кремлю, вставшему на путь реваншизма. «Нынешний российский политический климат с прославлением агрессии против Грузии и Украины очевидным образом подталкивает к возвышению этого периода истории русских, в котором прослеживается пугающее сходство с современной Россией...». Правящий режим опирается на воспоминания о войне в весьма утилитарных целях, пытаясь сформировать положительный образ сталинизма в российской истории, которому лидер современной России вполне сочувствует и сознательно ориентируется, выстраивая свой курс управления страной. Таков главный вывод, который делает автор этой

весьма любопытной и, естественно, не одинокой в литературном пространстве Европы книги.

Если университетский преподаватель (Оливье Шмитт – профессор университета Южной Дании) пользуется весьма ненаучными методами в интерпретации истории, то что говорить о продуктах массовой культуры? Ежегодно на Западе выходит множество художественных и документальных псевдоисторических фильмов, посвященных Второй мировой войне. Значительное место в последние годы в этом процессе занимает Германия, еще до недавнего времени несколько сдерживаемая чувством исторической вины. Однако, видимо, это уже в прошлом. Вот пример. В 2013 году по немецкому центральному телеканалу ZDF был показан трехсерийный фильм о войне «Наши матери, наши отцы», ставший настоящим шоком для многих зрителей. Стараниями немецких кинематографистов советские солдаты предстали перед зрителями карателями, расстреливающими раненых и насилующими беззащитных женщин. В то же время солдаты Вермахта выглядят в фильме как настоящие спасители. На оккупированных советских территориях они помогают населению продуктами, участвуют в восстановлении хозяйств. Советские дети с удовольствием протягивают руку в нацистском приветствии. Просмотрев фильм, можно сделать вывод, что зверства, проходившие на захваченных территориях, – дело рук «злых эсэсовцев», а солдаты Третьего Рейха – невинные жертвы пропаганды Геббельса и суровых обстоятельств.

Подобные информационные манипуляции приводят к тому, что в массовом сознании эта подспудная перелицовка истории трансформируется в совершенно причудливые и весьма прискорбные образы. Так, значительный процент современных японцев считает, что уничтожение атомными взрывами Хиросимы и Нагасаки – дело рук Советской армии. Естественно, это не озвучивается официально, но оторванное от исторической действительности и незаинтересованное в подлинных знаниях молодое поколение подсознательно считывает направляемый к ним посыл, тем более, если он сделан профессионально и технологично.

Сегодняшний провал в исторических (и не только) знаниях и минимальная приобщенность к своему прошлому (родовому, национальному, культурному) не требуют доказательств – увы, они очевидны. Интересными мыслями в этой среде поделилась недавно историк Элен Каррер д'Анкокс, секретарь Французской академии, иностранный член РАН. С горечью она отмечает, что в наши дни нигде в мире люди историей уже не интересуются. «Люди живут в ином мире – не в том, который был еще каких-нибудь 30 лет назад. С окончанием холодной войны интерес к прошлому прошел. Нынешнее молодое поколение европейцев очень плохо знает историю. Выступая в разных странах, я не раз задавала вопрос аудитории: «Вы знаете о том, что был Советский Союз?». И

чаще всего звучал примерно такой ответ: «Да, что-то такое когда-то было». Так и события Второй мировой войны для многих – это как будто Древний мир. Я в течение долгих лет преподавала в Сорбонне и сама наблюдала за тем, как уходила историческая память. Так происходило не только во Франции, но и во всей Европе. В мире стало много самой разной информации, и в ее потоке исторические темы занимают все меньше и меньше места. Будучи по жизни оптимистом, в вопросе о возможном расширении в будущем интереса к истории я пессимист. Надеюсь, что у граждан России историческая память более крепкая и глубокая...».

Об исторической памяти граждан России стоит сказать несколько слов отдельно. В последние десятилетия появилось огромное количество литературы, стремящейся опровергнуть и переписать устоявшийся взгляд на Великую Отечественную войну, «дегероизировать» ее. Речь идет не только о серии нахмуренных книг Виктора Суворова (В.Б. Резуна), которые с определенными оговорками можно включить в жанр «фолк-хистори», имеющий весьма отдаленное отношение к исторической науке, но и о сотнях вполне респектабельных академических и учебных изданий. Достаточно упомянуть двухтомный учебник по истории России XX века под редакцией проф. А.Б. Зубова для студентов МГИМО, получивший широкое распространение и в других вузах России, где само имя Великой Отечественной войны настойчиво меняется на «советско-нацистскую», или сборник документов «Фашистский меч ковался в СССР», изданный Ю.Л. Дьяковым и Т.С. Бушуевой, в котором название говорит само за себя. Поэтому совершенно закономерным, хотя и приведшим к международному скандалу, явлением стала речь в германском Бундестаге десятиклассника новоуренгойской гимназии № 1 Николая Десятниченко, которую позволим себе привести с минимальными сокращениями, настолько она характерна.

«Здравствуйте. Меня зовут Николай Десятниченко. Я учусь в гимназии в городе Новый Уренгой. Мне предложили участвовать в проекте, посвященном солдатам, погибшим во времена Второй мировой войны. Это меня очень заинтересовало, так как я увлекаюсь с детства историей и своей страной, и Германии.

Я сразу начал искать соответствующую информацию. Сначала посетил городской архив и библиотеку, затем пытался найти истории немецких солдат в Интернете и других источниках. Однако позже в сотрудничестве с Народным союзом Германии по уходу за военными захоронениями я узнал и подробно изучил биографию Георга Йохана Рау.

Он родился 17 января 1922 года в многодетной семье. На фронт Георг ушел в чине ефрейтора и сражался в качестве солдата ПВО в Сталинградской битве 1942–1943 годов. Георг был одним из 250 тысяч немецких солдат, которые были окружены Советской армией в так называемом советском котле.

После прекращения боёв он попал в лагерь для военнопленных. Только 6 тысяч из этих военнопленных вернулись домой, и Георга среди них не было.

Долгое время родные немецкого солдата считали его пропавшим без вести. Лишь в прошлом году семья Георга получила информацию от Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями, что солдат умер от тяжёлых условий плена 17 марта 1943 года в лагере для военнопленных в Бекетовке. Возможно, он был похоронен среди 2006 солдат близ этого лагеря.

История Георга и работа над проектом тронули меня и подтолкнули к посещению захоронения вблизи города Копейска. Это чрезвычайно огорчило меня, поскольку я увидел могилы невинно погибших людей, среди которых многие хотели жить мирно и не желали воевать. Они испытывали невероятные трудности во время войны, о которых мне рассказывал мой прадедушка, участник войны, который был командиром стрелковой роты. Воевал он недолго, так как был тяжело ранен.

Отто фон Бисмарк сказал: «Всякий, кто заглянул в стекленеющие глаза солдата, умирающего на поле боя, хорошо подумает, прежде чем начать войну». Я искренне надеюсь, что на всей Земле восторжествует здравый смысл и мир больше никогда не увидит войн.

Спасибо за внимание».

Это смешение понятий и фактов, личной позиции (точнее, позиции педагогов, помогавших готовить доклад) и заказа грантодателя весьма симптоматично, так же, как и первоначальные попытки руководства школы и местного департамента образования оправдаться объяснениями, что работа выполнена в соответствии со всеми требованиями (полевые исследования, работа в архиве, презентация и пр.).

Н. Десятниченко, вероятно, помимо собственной воли, оказался глашатаем на международном уровне тех внутрироссийских сил, которые выступают против советско-российской интерпретации истории Второй мировой войны и называют мероприятия, в которых 9 мая каждого года традиционно участвует вся страна, «победобесием». И если несовершеннолетнего гимназиста, который, как пишут СМИ, после скандала «похудел на семь килограммов», обвинять не совсем корректно, то сделать выводы из доклада и острой дискуссии, в которой приняли участие многие весьма уважаемые люди, включая главу Ямало-Ненецкого автономного округа и пресс-секретаря Президента России мы обязаны.

Совершенно очевидно, что все вышеприведенные сведения хорошо вписываются в отчетливую стратегию, целью которой является стремление лишить Россию звания морального оплота против фашизма и победителя гитлеризма, осудив ее как инициатора Второй мировой войны. Дивиденды, которые авторы и «промоутеры» борьбы с русской исторической памятью хотят получить, отнюдь не теоретического свойства. Увязав современное положение нашей страны с событиями 80-летней давности и обвинив Рос-

сию в реваншизме, реабилитации сталинизма, нео-империализме, навязывая стереотип восприятия нашей страны как непредсказуемой, чуждой нравственным принципам и презирающей общечеловеческие ценности, эти деятели стремятся маргинализировать и исключить Россию из пула мировых держав, обладающих моральным авторитетом. Если Россия – вековая «империя зла с устоявшимися традициями деспотии, рабства и мздоимства», то долг прогрессивного человечества – превратить ее в изгоя мировой политики и лишить возможности развития как суверенного государства. Реализовать это невозможно без размывания у народа исторической памяти и очернения его прошлого, особенно некоторых событий, которые приобрели в народном сознании «мифологический» статус, а Великая Отечественная война является той, быть может, единственной страницей русской истории, относительно которой у нас имеется, в целом, общественный консенсус и которая обладает огромным объединяющим общенациональным потенциалом. Поэтому и агрессия против нее весьма велика.

Сейчас нам приходится бороться за казавшиеся еще недавно самоочевидными постулаты: что войну развязал не СССР, а нацистская Германия; что для нашей страны эта война была освободительной и справедливой; что решающий вклад в разгром фашизма внес советский народ, советские солдаты и полководцы; что фашизм совершил чудовищные преступления во всем мире, а наша страна заплатила за победу над ним огромную цену; что его античеловеческая идеология никогда не может быть оправданной. Вопрос защиты исторического наследия победы в Великой Отечественной войне от искажений и политических спекуляций – это вопрос сохранения нашей идентичности, вопрос выживания России как суверенной цивилизации, и потому у страны должен быть солидарный решительный ответ тем, кто публично пытается фальсифицировать нашу историю и дать ей ложное прочтение.

Всем памятливы замечательные слова В.О. Ключевского: «История не учительница, а надзирательница, она ничему не учит, но больно наказывает за невыученные уроки». Если мы утратим память о Великой победе, если окончательно лишимся осознания себя наследниками победителей, если позволим бесчестно и нагло растаптывать свою историю и ограничимся только эмоциональными возмущениями и официальными протестами МИДа, как это зачастую происходит сейчас, то в результате можно очень серьезно проиграть в глобальной перспективе, несмотря на то, что правда на нашей стороне. Идеосфера – то пространство, в котором мы должны научиться сражаться и побеждать, зная о том, что в прошлом и настоящем нам нечасто удавалось выигрывать в идеологических и информационных войнах. Но Бог не в силе, а в правде. И без исторической памяти, без крепкого укоренения в нашем наследии и культуре справиться не получится.

Калабекова С.В.*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной академии.*

Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма*

Аннотация. Объектом анализа статьи является феномен экстремизма, а предметом – особенности религиозного экстремизма. Автором дается анализ понятия «религиозный экстремизм», показывается его отличие от других типов экстремизма, рассматриваются условия его возникновения. Исследуются социальные, экономические, культурные факторы, способствующие появлению идеологии экстремизма, ее негативное воздействие на индивидуальное и массовое сознание и поведение. Исследуются процессы политизации религии, ее отождествление с этническим фактором. Показывается, как явление экстремизм используется в качестве способа достижения определенных целей. Методологическую основу исследования составили диалектические принципы объективности и конкретности, которые позволили провести анализ феномена экстремизма как целостного явления. Научная новизна состоит в обосновании следующих положений: 1) религиозный экстремизм относится к числу явлений, обусловленных социальными и политико-экономическими условиями; 2) причины возникновения религиозного экстремизма могут быть объяснены психо-эмоциональными факторами; 3) религиозный экстремизм может быть использован как инструмент реализации устремлений разного рода.

Ключевые слова: религиозный ренессанс, экстремизм, религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм, религиозная деятельность, радикализм, конфронтация, насилие, интолерантность, агрессия.

Kalabekova S.V.*Candidate of philosophy, associate Professor, associate Professor of philosophy and Humanities of the North Caucasus state Academy.*

Some aspects of religious extremism

Abstract. The object of the article is the phenomenon of extremism, and the subject is the features of religious extremism. The author analyzes the concept of «religious extremism», shows its difference from other types of extremism, and considers the conditions for its occurrence. Social, economic, and cultural factors that contribute to the emergence of the ideology of extremism and its negative impact on individual and mass consciousness and behavior are studied. The author studies the processes of politicization of religion and its identification with the ethnic factor. It shows how the phenomenon of extremism is used as a way to achieve certain goals. The methodological basis of the research is based on the dialectical principles of objectivity and concreteness, which allowed us to analyze the phenomenon of extremism as a whole. The scientific novelty consists in the substantiation of the following provisions: 1) religious extremism is one of the phenomena caused by social and political-economic conditions; 2) the causes of religious extremism can be explained by psycho-emotional factors; 3) religious extremism can be used as a tool for realizing various kinds of aspirations.

Key words: religious renaissance, extremism, religious extremism, religious-political extremism, religious activity, radicalism, confrontation, violence, intolerance, aggression.

В современном мире, в котором достаточно большое количество разделительных линий самого различного характера и воздействия, проблематика религиозного экстремизма является научно актуальной и практически востребованной. Необходимость изучения его социальной природы и вызываемых им последствий обусловлена огромным влиянием, которое он оказывает на сознание и поведение индивидов и социальных групп. Проявления религиозного экстремизма многообразны, они обнаруживаются практически во всех странах

мира, а угрозы, проистекающие на его почве, носят деструктивный характер.

В научной литературе под «религиозным экстремизмом» зачастую понимаются весьма отличающиеся друг от друга явления, сущностное разнообразие которых в полной мере не рефлексировано» [7, с. 178]. Но общей характеристикой феномена экстремизма является понимание его как агрессивного и интолерантного социального действия, направленного на нарушение социального порядка и стабильности социума и безопасности государ-

* © Калабекова С.В., 2020.

Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма

ства. В сущностном плане экстремизм выступает в формах: идеологии, пропагандирующей приверженность крайним взглядам; практической деятельности, отрицающей легальные способы достижения поставленных целей; системы социальных и мировоззренческих установок; институционализированной социальной организации. В самом общем виде религиозный экстремизм можно определить как «тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении...представлен течениями, возникшими: 1) внутри определенной конфессии в результате радикализации существующих...норм...; 2) вне сложившихся конфессий в результате синкретизации разных учений или создания новой доктрины...» [8, с. 1220]. Именно идеология лежит в основе экстремистской деятельности, поскольку является инструментом сплочения радикально настроенных лиц и групп людей, стремящихся к реализации поставленных целей. В мире, в котором существуют глубокие социальные различия, приводящие к возникновению конфликтов и противостояний разного рода, идеологические установки, в том числе и религиозные, нередко принимают экстремистскую форму.

Существуют различные мнения относительно того, является ли экстремизм идеологией или же он есть совокупность социальных действий, определяемых целями и конкретно-историческими обстоятельствами. Представляется, что экстремизм есть, прежде всего, идеология, совокупность взглядов и идей, и в этом качестве он разрабатывает и актуализирует различные способы решения сложных вопросов с наименьшими потерями, что делает его привлекательным в глазах определенной части населения. И как всякая идеология, экстремизм имеет постоянные источники своего воспроизводства, тем более что проявления девиации многообразны, а в своей негативной и радикализированной форме она служит нередко основой возникновения экстремистских настроений. И здесь важным является определение того, что считать нормой, поскольку в разных сообществах представления об одной и той же социальной норме могут серьезно различаться, да и само содержание экстремизма зависит от специфики исторического и социального контекста. Это определяет и то, кого следует отнести к числу экстремистов – в одной ситуации он может быть воспринят как нацеленный на изменения индивид, а в другой – как разрушитель общественных отношений. Это говорит о том, что использование понятия экстремизма «носит в той или иной мере субъективный и конструируемый характер. Одно и то же действие...может рассматриваться и как «борьба за свободу» и как «экстремизм»... В силу этого употре-

бление термина «экстремизм» может носить характер «наклеивания ярлыков» [9].

В трактовке религиозного экстремизма существует множество подходов, раскрывающих те или иные его стороны. Некоторые понимают под этим явлением «деятельность сторонников крайних мер в сфере межрелигиозных и внутриконфессиональных отношений, находящую свое выражение в насильственных попытках представителей той или иной религии навязать иноверцам собственную систему религиозных мировоззрений с целью отречения от своих основных постулатов, нередко с применением физического или психологического насилия» [6, с. 71]. Для других, это «взгляды, имеющие нетолерантный, нетерпимый характер, легитимизирующие применение насилия по отношению к приверженцам иных взглядов, а также деятельность насильственного характера» [9]. Как видим, явление религиозного экстремизма – это не только проблема, связанная с объективно существующими причинами, но и с явлениями субъективного характера. Речь идет о контексте, в рамках которого происходит интерпретация идей экстремизма, поскольку именно он позволяет дать более или менее четкую его характеристику.

Религиозный экстремизм, как любой другой, содержит в себе элементы, с помощью которых «разворачивается» его действие. Это, во-первых, религиозная идеология, которая отличается крайним радикализмом и которая проповедует религиозную нетерпимость, а также враждебность по отношению к другим конфессиям. Во-вторых, религиозная психология, структуру которой образуют особенности психического склада, совокупность социальных и эмоциональных компонентов – область чувств, как известно, играет чрезвычайно важное значение. В-третьих, религиозная деятельность в форме практик, обусловленная соответствующей идеологией, а также системой мировоззренческих и ценностных установок, направленных на достижение целей, которые находятся в конфронтации с социумом и его требованиями. Сложности определения сущности экстремизма (в том числе и религиозного) могут быть обусловлены существующими разногласиями и отсутствием единства взглядов на эту сложную проблему. Следствием такого положения дел являются неточность его употребления научным знанием и обыденным мышлением, неопределенность применения. Кроме того, понятие религиозного экстремизма может быть представлено в широком и узком смысле. В первом случае речь идет о социальном феномене религиозного экстремизма и его основных характеристиках, а во втором случае он является одним из способов идентификации.

В чистом виде религиозного экстремизма не бывает, он не проявляется как исключительно самостоятельное явление, а находится в связи с раз-

личными формами экстремизма, такими как политический, этнический, националистический и т. д. Существующее разграничение, таким образом, носит условный характер. Когда речь идет о религиозном экстремизме, имеют в виду одновременно и политический экстремизм (религиозно-политический экстремизм), поскольку религия и политика тесно связаны между собой, оказывая друг на друга значительное воздействие. Кроме того, религия является не только частью политики (она и есть сама политика), но и фактором, определяющим политическую жизнь и характер протекания политических процессов. Всякая религиозная деятельность преследует политические, экономические и социокультурные цели, и применение термина «религиозно-политический экстремизм» вполне оправдано и корректно. Но, с точки зрения некоторых исследователей, «такое суждение представляется справедливым лишь отчасти, поскольку подобная логика приводит, например, к отрицанию существования этнического экстремизма... Многое определяет и социальная среда, и политические элиты..., важен экономический вопрос» [2].

В любом случае симбиоз религии и политики при определенных – негативных – условиях может иметь своим следствием возникновение угроз для функционирования социума и его подсистем и в первую очередь для бытия этнических групп.

Причины появления экстремизма, в том числе и религиозного, многообразны. Это в первую очередь экономические факторы: низкий уровень социально-экономического развития, бедность и вызываемое ею социальное расслоение, наличие полюсов богатства и бедности (численность бедного населения неуклонно растет в современном мире), невозможность реализации материальных и культурных потребностей. Глобализация экономики приводит к тому, что государства т. н. золотого миллиарда навязывают свою волю слаборазвитым странам, которые зачастую выступают в качестве сырьевых и экономических доноров, что разрушительным образом сказывается на их развитии. Так, в странах арабского Востока, для которых характерны высокий уровень социальных противоречий и политическая нестабильность, обусловленные неравномерностью развития процессов глобализации, не случайно возник феномен исламского экстремизма и фундаментализма (хотя некоторые исследователи не согласны называть экстремизм исламским, а мусульман – экстремистами). Происходит процесс политизации ислама, который все больше усиливается по мере продвижения западной идеологии и ценностей в пространство исламского мира и систему его ценностей. Кроме того, во многих из них ислам является государственной и традиционной религией, отрицательное отношение к которой демонстрируют многие политические игроки, особенно в ситуации мощного наплыва

мигрантов в западные страны, среди которых оказывается немало лиц, разделяющих экстремистскую идеологию. Отсюда крайне радикальные проявления религиозного экстремизма – разжигание ненависти, нарушение социальных и правовых норм, нежелание сотрудничать с государственными структурами власти и управления, агрессивное продвижение или насаждение собственных верований и представлений в качестве абсолютных.

Бытует мнение о том, что сама религия не приводит к появлению экстремизма, а наоборот, она противостоит ее проявлениям. По мнению М.Я. Яхьяева, «религиозный экстремизм как превращенная форма истинной религиозной веры всегда проявляется на основе конкретной идеологии. В истории религий периоды экстремистских идеологических метаморфоз были всего лишь отдельными моментами их исторической эволюции. Путем, ведущим к экстремистской метаморфозе религии в целом или отдельных ее толков, является селективная актуализация обнаруживающихся в религии ростков экстремизма» [10, с. 64]. История развития цивилизации свидетельствует о том, что религия может создавать условия для появления идей и практик, близких к экстремистским. Так, католическая религия в ходе эволюции способствовала, с одной стороны, утверждению принципов гуманизма, а с другой – появлению религиозного фанатизма, выражением которого были противостояния на религиозной почве. Не последнюю роль играла идеология религиозного превосходства, итогом которой была религиозная нетерпимость, выливавшаяся в противостояниях антагонистического характера. Точка зрения, что божественной истиной обладает лишь собственная религиозная группа, приводила к тому, что бог, которому она поклонялась, объявлялся в качестве исключительного и абсолютного творца. Подобные представления нередки и сегодня, они могут и становятся основой экстремистских настроений и действий. В религии, таким образом, могут присутствовать элементы, позволяющие отнести их к разряду экстремистских, хотя ни одна религия этот термин не использует.

Немало причин возникновения религиозного экстремизма, которые имеют отношение к социальной сфере: преобладание в социальных процессах горизонтальной социальной мобильности, в результате чего возможности социального продвижения становятся предельно ограниченными. Пребывание в низших социальных стратах, в маргинальных слоях (аутсайдерских) приводит к формированию чувств социального негодования, отчуждения, а также к возникновению конфликтов разного содержания, в том числе и религиозных. Не последней из причин является разрыв между ожиданиями индивида (группы) и реальным положением дел, иными словами – разрыв между желаемым и реальным. Выходом из такой ситуации

нередко становится принятие экстремистской идеологии, в том числе и в неосознанной форме, под давлением требований социальной среды.

Одной из особенностей религиозного экстремизма является присущий ему радикализм, сущность которого состоит в агрессивном неприятии социальных норм и традиций, сложившихся как внутри самой религиозной группы, так и в другой – близкой по религиозным канонам, либо далекой от нее. В результате возникающего противостояния растет социальная напряженность, а сама группа, пропагандирующая экстремистские идеи, вырабатывает систему доктринальных и практических установок, ориентированных на коренное реформирование отношений с другими конфессиями. Происходит формирование образа экстремиста, для которого характерны абсолютная преданность делу, готовность идти на крайние меры, в том числе и ценой своей жизни, принятие образа жизни, противостоящего господствующему, а значит, ведущего к появлению конфликтов с обществом и его установками. Нельзя не сказать об одной особенности мышления экстремиста: это человек с зауженным мировоззрением и деформированным самосознанием, и это не позволяет ему принять законы и нормы общества, а значит, осуществить полноценную интеграцию. Результатом становится отчуждение – как социальное, так и культурное, нравственное и т. д. В стремлении сохранить свою идентичность, утвердить ее в глазах социального окружения человек, придерживающийся экстремистских взглядов, выход из ситуации видит в применении радикальных методов, в том числе и через механизм насилия.

Религиозный экстремизм преследует цели как социальные, так и собственно религиозные, свидетельством тому, как отмечено, явление исламского экстремизма, число сторонников которого постоянно растет. А человек, который придерживается экстремистской идеологии, руководствуется не столько рациональностью, сколько чувствами. Находясь под давлением навязанных ему принципов, далеких от реальности, но облекаемых, к примеру, в формы патриотизма и борьбы за свободу, он выступает в качестве инструмента реализации чьих-то целей. Это позволяет утверждать, что эмоциональная составляющая экстремистской идеологии (или экстремистская психология) оказывает на человека «принудительное» воздействие, особенно в ситуации давления коллективного разума или толпы. Сообщество экстремистски настроенных лиц (или «мы») противостоят «они» – те, кто не разделяет эти установки и ценности, и в итоге возникает конфликт между «мы-они», который нередко выливается в действия конфликтного характера. Негативных явлений в современном мире более чем достаточно, и это создает условия для возникновения экстремизма и появления экстре-

мистов. Так религиозный экстремизм, как и любой другой, относится к числу социальных явлений, которые обладают свойством самовоспроизводимости. Важную роль в этих процессах играет фактор манипуляции, для которой характерны: «1) воздействие на психику человека; 2) скрытость своего воздействия, в том смысле, что о наличии манипуляции объект воздействия не подозревает; 3) субъект-объектный характер отношений» [3, с. 95]. А поскольку в обществе множество структур, которые способны осуществлять манипулирование – реклама, маркетинг, различные современные технологии, – то общество воспроизводит экстремистскую идеологию и практику, а значит, увеличивается численность сторонников экстремизма.

В современных условиях, характеризующихся явлением, получившим название религиозного ренессанса, происходит политизация религии: она становится инструментом решения многообразных проблем, особенно в ситуации, когда религиозное и этническое отождествляются друг с другом. Политизация религии, придание ей национального образа нередко приводят к тому, что религия все больше приобретает статус идеологической категории. Процессы секуляризации и сакрализации, по-разному проявляясь в странах, противоречивым образом сочетаются друг с другом. В условиях расширяющейся глобализации налицо процессы перемешивания – культурного и этнического – населения, столкновение различных систем ценностей, что отрицательно сказывается на социальных взаимодействиях. Рост социальной напряженности, расширение пространства религиозной и этнокультурной нетерпимости, нежелание (или неготовность) принять образ жизни и систему принципов и социальных норм других групп, столкновение интересов участников глобального процесса и т. д. подтверждают факт того, что принципы мультикультурализма и толерантности не всегда оказываются востребованными, а формирование единого европейского дома становится трудно разрешимой проблемой.

References

- [1] Getz R.N. Political extremism: the position of vision in modern scientific literature // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2011. № 4-2 (10). P. 43-47.
- [2] Zhuravsky A. Religious extremism: reality or fiction? // URL: https://www.religare.ru/2_2080.html (07.26.2019).
- [3] Kuzin A.V. Manipulation as a leading method of social interaction // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2011. № 4 (10). Part 2. P. 93-96.
- [4] Meleshko E.D., Chesnova E.N., Afonsky V.I. Features of the definition of religious extremism in domestic science // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2017. № 3 (77). Part 1. P. 93-97.
- [5] Merkulov P.A., Prokazina N.V. Extremism in the conceptual apparatus of social and humanitarian knowledge // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2016. № 6. Volume 11. P. 117-124.

- [6] Pluzhnikov E.N. The political process in modern RUSSIA: trends and prospects // Vestnik RUDN. - Series: Political Science. 2010. № 1. P. 71-78.
- [7] Ryzanov D.S. Religious extremism, religious and political extremism and religious fundamentalism: general, special, individual // Bulletin of the Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious studies. " 2014. Volume 7. P. 177-184.
- [8] Religious studies. Encyclopedic Dictionary. // URL: [https:// abuss.narod.ru/Biblio/zabreligio/zab_je.htm](https://abuss.narod.ru/Biblio/zabreligio/zab_je.htm) (07.31.2019).
- [9] Sergeyev S. A. Research on extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences. // URL: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (07.27.2019).
- [10] Yahyaev M.Ya. On the issue of extremism in Islam // Islamic studies. - 2015. № 2. Volume 2. P. 64-76.

Библиографический список:

- [1] Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2 (10). С. 43-47.
- [2] Журавский А. Религиозный экстремизм: реальность или фикция? // URL: [https:// www.religare.ru/2_2080.html](https://www.religare.ru/2_2080.html) (26.07.2019).
- [3] Кузин А.В. Манипуляция как ведущий способ социального взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. -2011. № 4 (10). Часть 2. С. 93-96.
- [4] Мелешко Е.Д., Чеснова Е.Н., Афонский В.И. Особенности определения религиозного экстремизма в отечественной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Часть 1. С. 93-97.
- [5] Меркулов П.А., Проказина Н.В. Экстремизм в понятийном аппарате социально-гуманитарного знания // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 6. Том 11. С. 117-124.
- [6] Плужников Е.Н. Политический процесс в современной РОССИИ: тенденции и перспективы // Вестник РУДН. – Серия: Политология. 2010. № 1. С. 71-78.
- [7] Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Том 7. С. 177-184.
- [8] Религиоведение. Энциклопедический словарь. // URL: [https:// abuss.narod.ru/Biblio/zabreligio/zab_je.htm](https://abuss.narod.ru/Biblio/zabreligio/zab_je.htm) (31.07.2019).
- [9] Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. // URL: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (27.07.2019).
- [10] Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. – 2015. № 2. Том 2. С. 64-76.

Глоба А.А. (архимандрит Александр Глоба)*Аспирант, соискатель. Кафедра Богословия МДА. Московская Духовная Академия Русской Православной Церкви.***Отношение христианства к суррогатному материнству***

Аннотация. В статье анализируется вопрос, как христианство относится к стремлению человека самому быть Творцом. Ведь именно так, с точки зрения религии, можно охарактеризовать явление современной медицины - экстракорпоральное оплодотворение.

В современном мире женщина может забеременеть без полового акта, врачи пересаживают сердце и так далее. Это обстоятельство свидетельствует о том, что человек из раба божьего превращается в Творца. Характеризует ли христианская религия таких индивидов, вроде людей, которые строили Вавилонскую башню? Поиск ответа на данный вопрос и является центральной задачей настоящего исследования.

Ключевые слова: христианство, религия, этика, суррогатное материнство, женщина, семья, беременность, грех, человек, покаяние.

Globa A.A. (archimandrite Aleksader Globa)*Graduate student, department of Theology. Moscow Theological Academy Russian Orthodox Church.***The attitude of Christianity to surrogacy**

Abstract. The article analyzes the question of how Christianity relates to a person's desire to be a Creator himself. Indeed, from a religious point of view, it is possible to characterize the phenomenon of modern medicine - in vitro fertilization.

In the modern world, a woman can become pregnant without intercourse, doctors transplant a heart, and so on. This circumstance testifies to the fact that a person from the servant of God turns into the Creator. Does the Christian religion characterize individuals such as the people who built the Tower of Babel? Finding the answer to this question is the central task of this study.

Key words: Christianity, religion, ethics, surrogacy, woman, family, pregnancy, sin, man, repentance.

Еще сто лет назад человек не имел возможности зачать и родить ребенка никаким альтернативным способом, кроме естественной беременности. Многим семьям оставалось только молиться и ждать чуда.

Сегодня, овладевая науку, человечество все меньше полагается на волю Божию и зашло в этом так далеко, что со временем может начать создавать себе подобных даже без яйцеклеток, сперматозоидов и матки, взяв за основу клетки уже существующего человека. Но религия - более консервативная за науку. Как современная христианская церковь смотрит на зачатие из пробирки - этот и другие сопутствующие вопросы являются предметом настоящего исследования.

Постоянно растущая распространенность бесплодия во всем мире привела к развитию альтернативных репродуктивных технологий (АРТ). В данном случае суррогатное материнство выступает в качестве альтернативы, когда бесплодная женщина или пара не может размножиться.

Проблематика репродуктивных прав челове-

ка неоднократно становилась предметом научного анализа. Ее характеристику находим в исследованиях М.В. Антокольской, О.Н. Балашова, Е.А. Баллаевой, П.А. Вундер, В.А. Геодакяна, Ю.А. Дмитриева, Л.Н. Завадской, Э.В. Исаковой, Л.А. Кайгородовой, В.С. Корсака, Л.Н. Кузьмичева, Б.В. Леонова, Л.Б. Максимовича, О.А. Хазовой и других ученых.

Фактически все они утверждают, что, суррогатное материнство - это договоренность, при которой суррогатная мать зачинает и рождает ребенка для другой пары или человека. При суррогатном материнстве эмбриона, оплодотворенного экстракорпоральным оплодотворением, имплантируют в матку суррогатной матери, которая вынашивает и рождает ребенка. Суррогатное материнство может быть коммерческим или альтруистическим, в зависимости от того, получает ли суррогатная мать материальное вознаграждение за свою беременность.

Коммерческое суррогатное материнство является законным в Индии, Украине и Калифорнии, в то время как оно незаконно в Англии, многих штатах США и в Австралии, которые признают только аль-

* © Глоба А.А. (архимандрит Александр Глоба), 2020.
Отношение христианства к суррогатному материнству

труистическое суррогатное материнство. Напротив, такие страны, как Германия, Швеция, Норвегия и Италия, не признают никаких соглашений о суррогатном материнстве.

На первый взгляд, суррогатное материнство кажется привлекательной альтернативой, поскольку бедная суррогатная мать получает очень необходимые деньги, бесплодная пара обретает своего долгожданного биологически связанного ребенка, а страна зарабатывает иностранную валюту. Но реальная картина раскрывает горькую правду.

Из-за отсутствия надлежащего законодательства как суррогатные матери, так и предполагаемые родители так или иначе эксплуатируются, а прибыль получают посредники и коммерческие агентства. «Во всей системе нет прозрачности, и существует вероятность вовлечения в юридические проблемы из-за непредсказуемых норм, регулирующих суррогатное материнство» [7, с. 54].

Существует ряд моральных и этических вопросов, касающихся суррогатного материнства. Ощущается острая необходимость в разработке и применении законов для родителей и суррогатной матери. Часто суррогатное материнство представляют, как некий метод лечения бесплодия. С ним невозможно согласиться, потому что лечат бесплодие при обнаружении физиологических показателей бесплодия у мужчины или женщины в браке.

Желание получить ребенка любой ценой, особенно ценой убийства других эмбрионов (причем - не чуждых, а собственных детей) - это уже явно граничит не только с моральной, но и с психической патологией. Для неверующего человека здесь проблем нет - главное, чтобы все было так, как он хочет. Но для христианина любой конфессии недопустимым является мнение о собственном счастье ценой счастья, или тем более - жизни других людей.

Православная и Католическая церковь одинаково не одобряет отцовства из пробирки по той причине, что искусственное оплодотворение связано с оплодотворением многих эмбрионов, один из которых в конце концов отбирают, а остальные утилизируют, что с точки зрения церкви является убийством. А цель, даже благородная, не может оправдывать средств, в данном случае - убийства. Кроме того, представители Православной и Католической церкви считают, что ребенок должен быть плодом полового акта мужчины и женщины.

Протестанты занимают менее радикальную позицию в вопросе суррогатного материнства. Протестантская церковь поддерживает все, что называется естественным в зачатии и рождении ребенка, а также в лечении супругов, и в принципе не против искусственного оплодотворения именно из биоматериала мужа и жены.

Альтернативой «детям из пробирки» три христианские конфессии предлагают детей из приюта. Духовенство, особенно православное, утвержда-

ет, что бесплодие для христианина может стать и благословением, потому что такой человек может дарить свою любовь тем, кого не любят. И если Бог дает желание, но супруг или супруга не имеет здоровья и возможности родить ребенка, то таким людям лучше пойти в детдом за детьми, потому что они - Божьи также и нуждаются в родителях одинаково, как и родители в детях. «В мире живет много детей, которые нуждаются в родительской опеке. И если супружеская пара желает делиться своей любовью, то можно усыновить ребенка, стать приемными родителями. Ведь с этими детьми уже поступили несправедливо - кто-то их оставил, отказался от них» [4].

Суррогатное материнство - это новый вызов для Церкви. Таким завуалированно-гуманным образом происходит разрушение традиционных библейских семейных ценностей. Рождение детей от суррогатной мамы для, к примеру, звезд шоу-бизнеса в наше время стало эффективной пропагандой нетрадиционной морали. Поэтому Церковь не может относиться к этому явлению с радостью, как это делают, например, любители сенсаций - телеканалы.

«Русская Православная Церковь считает суррогатное материнство недопустимым как на коммерческой, так и на безвозмездной основе, поскольку таким образом деторождение «унижает человеческое достоинство» [2]. Для Православной Церкви ситуация, в которой ребенок вынашивается «на заказ» - неприемлема. Таким образом деторождения травмирует женщину, так как ее «материнские чувства попираются».

Молитвами чина венчания Православная Церковь в лице священника выражает веру в то, что чадородие является желанным плодом законного супружества, хотя это не единственная его цель. Наряду с «плодом чрева на пользу» супругам испрашиваются дары непреходящей взаимной любви. А также целомудрия, «единомыслия душ и телес». «Поэтому пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными» [6].

По словам Кипшидзе, «Младенцы, рожденные в результате использования технологии суррогатного материнства, ничем не хуже и не лучше других детей. Однако Церковь может крестить их только после покаяния тех, кто принимал решение о такой нетрадиционный способ деторождения» [3].

Католическая Церковь, как и Православная, считает, что, «если супруги не способны к зачатию ребенка, им следует смиренно принять свою бездетность. В подобных случаях супругам рекомендуется задуматься о возможности усыновления ребенка» [5].

Единственным допустимым средством медицинской помощи при бесплодии Церковь считает искусственное оплодотворение половыми клетками мужа. Такая процедура «не нарушает целост-

ности брачного союза, не отличается принципиальным образом от естественного зачатия. А самое главное - происходит в контексте супружеских отношений» [1].

В целом, период XX и начала XXI веков сказался идеологией экспериментов над людьми. Сначала экспериментировали нацисты, а в наше время стали актуальными дискуссии о суррогатном материнстве. Сегодня мы видим, как разрушается традиционная семейная мораль, традиционное общество, основой которого является семья и зарождается новый странный мир. Очевидно, что его будущее является несчастливим.

По большому счету, и Православная, и Католическая Церковь, с одной стороны, не дает директив человеку, как ему поступать в том или ином случае и говорит, что не может запрещать ей радость материнства и отцовства, а с другой - занимает жесткую позицию в отношении оплодотворения в пробирке.

Христианское духовенство рассматривает суррогатное материнство как повод для дальнейшего раздора общества. Священники и пасторы разных христианских конфессий сходятся во мнении, что эту услугу чаще всего предоставляют за деньги, поэтому - это торговля. А ребенок - не товар.

Церковь не одну тысячу раз видела чудо беременности и здорового рождения ребенка тогда, когда медики уже уверенно говорили, что шансов совсем нет. Поэтому, надо каяться, надеяться, молиться и верить в чудо.

References

- [1] Irenaeus, Bishop. Surrogacy is not an option, but rebellion against God. View of the Orthodox Church on surrogate motherhood // URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/11/02/surrogatnoe_materinstvo_ne_vyvod_a_bunt_protiv_boga (February 25, 2020)
- [2] V. Kipshidze. The Church supported the ban on surrogate motherhood degrading a woman // URL: https://tsargrad.tv/news/v-cerkvi-podderzhali-zapret-na-surrogatnoe-materinstvo-unizhajushhee-dostoinstvo-zhenshhiny_55459 (February 22, 2020)
- [3] Kipshidze V. The birth of a child is a righteous goal, but it cannot justify any means of achieving it // URL: https://tsargrad.tv/news/v-cerkvi-podderzhali-zapret-na-surrogatnoe-materinstvo-unizhajushhee-dostoinstvo-zhenshhiny_55459 (February 22, 2020)
- [4] Metropolitan Hilarion: the Church has more than a million saved lives // URL: <https://mospat.ru/ru/2019/12/06/news180947/> (February 23, 2020)
- [5] Does the Catholic Church support the position of the Orthodox Church regarding surrogate motherhood? // URL: <http://www.katolik.ru/vopros-otvet/120910-podderzhivaet-li-katolicheskaya-tserkov-pozitsiyu-pravoslavnoj-tserkovi-otnositelno-surrogatnogo-materinstva.html> (February 24, 2020)
- [6] Why is the Church against surrogate motherhood? // URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-cerkov-protiv-surrogatnogo-materinstva/> (February 24, 2020)
- [7] Svitnev K.N. Surrogacy: problems of legal regulation and enforcement // Journal "Legal Issues in Health Care". 2011. № 9. P. 52-61.
- [2] Кипшидзе В. В Церкви поддержали запрет на суррогатное материнство, унижающее достоинство женщины // URL: https://tsargrad.tv/news/v-cerkvi-podderzhali-zapret-na-surrogatnoe-materinstvo-unizhajushhee-dostoinstvo-zhenshhiny_55459 (дата обращения - 22 февраля 2020 года)
- [3] Кипшидзе В. Рождение ребенка - праведная цель, но она не может оправдывать любые средства ее достижения // URL: https://tsargrad.tv/news/v-cerkvi-podderzhali-zapret-na-surrogatnoe-materinstvo-unizhajushhee-dostoinstvo-zhenshhiny_55459 (дата обращения - 22 февраля 2020 года)
- [4] Митрополит Иларион: на счету Церкви не один миллион спасенных жизней // URL: <https://mospat.ru/ru/2019/12/06/news180947/> (дата обращения - 23 февраля 2020 года)
- [5] Поддерживает ли Католическая Церковь позицию Православной Церкви относительно суррогатного материнства? // URL: <http://www.katolik.ru/vopros-otvet/120910-podderzhivaet-li-katolicheskaya-tserkov-pozitsiyu-pravoslavnoj-tserkovi-otnositelno-surrogatnogo-materinstva.html> (дата обращения - 24 февраля 2020 года)
- [6] Почему Церковь против суррогатного материнства? // URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-cerkov-protiv-surrogatnogo-materinstva/> (дата обращения - 24 февраля 2020 года)
- [7] Свитнев К.Н. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования и правоприменения // Журнал «Правовые вопросы в здравоохранении». 2011. № 9. С. 52-61.

Библиографический список:

- [1] Ириной, епископ. Суррогатное материнство не выход, а бунт против Бога. Взгляд Православной Церкви на суррогатное материнство // URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/11/02/surrogatnoe_materinstvo_ne_vyvod_a_bunt_protiv_boga (дата обращения - 25 февраля 2020 года)

Рыбаков С.В.*Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.*

К теме границ между научной и религиозной формами сознания*

Аннотация. В статье сопоставлены научная и религиозная формы сознания. Указано, что границы между ними достаточно условны. При этом подтверждается оправданность критики, касающейся как примитивных разновидностей религиозности, так и упрощённых, сциентистских подходов к научным представлениям.

Ключевые слова: наука, религия, атеизм, архетипы сознания, духовно-религиозный опыт.

Rybakov S.V.*Doctor of historical sciences, Professor of the Department of Russian history. Ural Federal University.*

On the topic of the boundaries between scientific and religious forms of consciousness

Abstract. The article compares the scientific and religious forms of consciousness. It is indicated that the borders between them are conditional. The author confirms the validity of the criticism, which concerns both primitive varieties of religiosity and simplified approaches to scientific ideas.

Key words: science, religion, atheism, archetypes of consciousness, spiritual and religious experience.

Существующие в современном российском обществе подходы к вопросам религиозно-духовной жизни вписываются в широкий спектр пристрастий и мнений, отличающихся неоднозначностью, а часто и противоречивостью. Отчасти это объясняется воздействием на сознание людей различных идейных и психологических установок. По отношению к религиозности эти установки могут иметь и негативную, и позитивную, и нейтральную окрашенность.

Присутствие в нынешнем обществе критического отношения к любой религиозности в первую очередь объясняется тем, что на протяжении нескольких десятилетий в нашей стране доминировал атеизм, в отдельные периоды вполне официально преподносимый как «воинствующий». Постулаты воинствующего атеизма основывались на утверждении о том, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»¹. Марксизм, занимавший в СССР монопольные позиции, безоговорочно отвергал религиозность, связывая её с «самыми невежественными, тёмными, первобытными представлениями людей о сво-

ей собственной и об окружающей их внешней природе»². Основоположниками марксизма религия трактовалась как «превратное мировоззрение», «вздых угнетённой твари», «опиум для народа»³.

Нельзя утверждать, что критика марксизмом религии была совершенно необоснованной. Требуется уточнять, о каких видах, формах, уровнях религиозности идёт речь. Когда объектом критического анализа становятся низшие, примитивные формы религиозности, критика оказывается оправданной. Другое дело, что методология воинствующего атеизма сама была отмечена определённым упрощением. В её основе находилось теоретическое положение, согласно которому общественное сознание во всех его формах – мораль, право, идеология, религия – является только производным, вторичным от общественного бытия, детерминированного социально-экономическими факторами. Истоки и эволюцию религии марксистская наука связывала исключительно с социальными отношениями, называя религию «совокупностью всех общественных отношений»⁴ и утверждая, что она не имеет са-

1 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. 328 с.

* © Рыбаков С.В., 2020.

К теме границ между научной и религиозной формами сознания

2 Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 313.

3 Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414-415.

4 Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 2-3.

мостоятельной истории вне истории социальной⁵.

Реальная историческая практика свидетельствует: общественное сознание существует в рамках относительной автономии от социально-экономических процессов. Отсюда следует, что и религия связана не только с внешними условиями жизни человека. Она тесно соприкасается с психологическими, нравственными, экзистенциально-метафизическими сторонами человеческого бытия.

В части науки религиозная тематика воспринимается, как нечто не заслуживающее большого внимания. В то же время в научном сообществе есть учёные, стремящиеся к цельному знанию о мире и понимающие, что без представлений о религиозных системах задача получения полноценных сведений о человеческом обществе не выполнима в принципе и что религиозный опыт уже в силу своего исторического возраста содержит колоссальный запас познаний о мире и человеке, а раз так, то систематизация этих знаний служит благу науки.

Наука и религия занимают разные ниши общественного сознания. Религиозная мысль выражается иным языком, нежели мысль научная. Но именно по этой причине не следует думать, что между наукой и религией существует непримиримое противоречие. Язык религии своеобразен – так же, как своеобразен язык поэзии, музыки, технической мысли, мифологии и т.п. Нет никаких противопоказаний для изучения этого языка с помощью научных средств, в том числе – и с использованием достижений гуманитарной науки. Научный подход к проблемам религиозности способствует развенчанию многих касающихся религии мифов, сложившихся в обществе под влиянием вульгарного материализма.

Одним из них является миф о тотальной враждебности религии к науке. Религия в её развитом варианте не отрицает ценность познания – с той лишь оговоркой, что в религиозной традиции познание не является абстрактной целью, а служит укреплению духовно-нравственных начал в человеке и обществе. Именно с этих позиций французский физик и математик Б. Паскаль утверждал в XVII веке: «Если я не знаю основ нравственности, наука об окружающем мире не принесет мне утешения в дни горестных испытаний, а вот основы нравственности утешают и при полном незнании наук о предметах окружающего мира»⁶.

К числу всемирно известных учёных, являвшихся людьми религиозными, помимо Б. Паскаля, относились астрономы Н. Коперник и И. Кеплер; учёный-энциклопедист М.В. Ломоносов; физики-электротехники Л. Гальвани, А. Вольты, А. Ампер; основоположник генетики Г. Мендель; основоположник органической химии Ж. Дюма; микро-

биолог Л. Пастер; изобретатель радио А.С. Попов; физиолог И.П. Павлов; химик Д.И. Менделеев; физик и математик (а также богослов и священник) П.А. Флоренский; хирург Ф.Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука); теоретик космонавтики К.Э. Циолковский; создатель учения о ноосфере В.И. Вернадский и другие. Для этих одарённых людей наука не являлась самоцелью, не сводилась к систематизации и обобщению эмпирических данных, а воспринималась как один из путей постижения законов и тайн мироздания, как способ приобщения к абсолютной, целостной истине.

Жёсткого антагонизма между наукой и верой нет хотя бы потому, что научные знания зарождались и начали развиваться в тех исторических условиях, когда в общественном сознании господствовала религиозная картина мира. Важнейшие для человеческой истории научные открытия были сделаны верующими людьми. На протяжении веков дефицит научных знаний восполнялся за счёт религии, ставившей вопросы о космосе, природе, социальном бытии. И религиозные, и научные идеи черпались из познавательного материала, предоставляемого земной, реальной практикой. И те, и другие тяжело сопрягались с плоской ординарностью мысли, конфликтовали с воинствующим невежеством. На пути практического освоения мира люди обобщили огромный объём наблюдений, приобрели гигантский опыт, систематизировали его для передачи потомкам. Всё это делалось для торжества бытийного начала, для преодоления энтропии. Без веры в смысловую ценность этих целей их достижение было бы невозможным.

Без веры невозможно и развитие науки. Развёртывание исследовательского опыта представляет собой, по сути дела, процесс укрепления веры в правильность выбранной парадигмы исследования. Научное познание строится на доверии одних к опыту других. Ни одному деятелю науки не удалось и не удастся избежать вопроса о смысле его участия в научной работе и в научном поиске, а такого рода вопросы предполагают выбор определённой мировоззренческой позиции, закрепляемой с помощью веры в её правильность.

В нынешних условиях наука для собственного дальнейшего развития должна проявить интерес к другим, не являющимся научными формам познания. Сциентистская ограниченность науки не соответствует её собственным интересам. Противопоставляя себя развитым формам религиозности, базирующимся на абсолютных нравственно-этических ценностях, атеистическая наука рискует впасть в узко понимаемый «нейтралитет» по отношению к этической проблематике, увязнуть в релятивизме, в усреднённом восприятии сущностей, прийти к отчуждению от природы и человеческого бытия. Многие видные учёные хорошо видели такую опасность. Так, академик Н.П. Бехтерева писала: «Атеизм, как

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. 24 с.

⁶ Паскаль Б. Мысли. СПб., 1995. 70 с.

кажется его приверженцам, способствует науке. На самом деле вера может способствовать больше, чем атеизм. Атеизм как мировоззрение очень обедняет духовную жизнь человека и ставит преграды возможностям его познания»⁷.

Очевидно, что Н.П. Бехтерева была далека от мысли нападать на систему научных знаний, ведя речь только о поиске путей к дальнейшему совершенствованию науки. О таком поиске говорил также ректор МГУ, академик А.А. Садовничий: «Генеральное направление в развитии науки будет связано с повышением эффективности её прогностической функции. В этом проявится научная мудрость. Естественно, для этого потребуются новый, более совершенный научный инструментарий. Но главное будет в другом. В том, насколько тесно и органично удастся сблизить между собой науку (теоретическое знание), вненаучное знание (обыденное знание, практическое знание, мифы, легенды) и политику (прагматическое использование знания в интересах власти и рынка)»⁸.

Граница между светской и религиозной сторонами людского бытия достаточно условна, поэтому методология, базирующаяся на их строгом разграничении, далеко не всегда даёт успешные результаты. Наиболее наглядно это иллюстрируют исследования, обращённые к историко-культурной проблематике. Углубление знаний о реальных исторических процессах невозможно в отрыве от роли религиозно-духовных факторов, определивших различные «шифры» исторического бытования разных народов, логику и сюжетные линии каждой локальной истории. Русский философ И.А. Ильин писал: «Всякая народная культура есть живое органическое единство, корнящееся в религии. Почему? Потому что именно религия живет в неосознанных глубинах души, где инстинкт пробивается к своему духовному становлению и откуда творческий дух черпает свою жизненную силу. ...Тот, кто хочет понять сущность и своеобразие какого-нибудь народа, поступит правильно, если попытается заглянуть в сферу его религии и веры»⁹.

Влияние религиозных факторов на историческое развитие продолжается и поныне. Оно транслируется через общественные институты, народные традиции, ментальные архетипы. В части современной социологии закрепилось убеждение в том, что религиозные системы имели относительно значимость только на стадиях, предшествовавших научно-технической революции, а в современном общественном сознании они играют гораздо меньшую роль, нежели несколько веков тому назад. Внешне ситуация может выглядеть

именно так, однако при этом нужно учитывать принцип непрерывности исторического процесса – внутри него нет непреодолимых барьеров между разными стадиями и этапами развития. Даже самые радикальные изменения, происходившие в политической и экономической сферах той или иной страны, вовсе не означали радикальную ломку людского сознания. Оно всегда было менее восприимчиво к изменениям, нежели внешние формы государственно-общественной организации, поскольку ему присущи инерционность и тяготение к привычным, проверенным образцам. Сфера сознания имеет свою историю, отличающуюся от истории, определяемой внешне-событийной канвой.

Разумеется, в истории развития человеческого сознания имеются свои этапы и стадии. Однако начало какого-то этапа отнюдь не тождественно появлению «нулевой отметки», «чистого листа». Утопичность попыток тотально обновить людское сознание обусловлена тем, что оно «питается» не только внешними воздействиями, а располагает своеобразной «базой данных», полученных им путями, не фиксируемыми математическим инструментарием. В эту «базу данных» входят архетипы мышления и поведения, передающиеся из поколения в поколение не только за счёт целенаправленного обучения и воспитания, но и за счёт всей суммы нюансов, составляющих живую ткань бытия и проявляемых в языке, в музыке, в архитектуре, в природе, в климате и во многом другом. Очевидно, что среди факторов, воздействовавших на формирование архетипов, явно не последнюю роль играла религия.

История религии столь же длительна, сколь и история человечества, в ней с избытком хватало как положительных, так и отрицательных уроков. Процесс ценностного познания по самой своей сути не мог быть прямолинейно гладким и безболезненным, ибо связывался с преодолением противоречий и сомнений. Именно через такое преодоление и шло накопление духовно-религиозного опыта разных народов, складывалась иерархия жизненных ценностей, получали статус святынь определенные свойства бытия и нравственно-этические принципы.

Религиозный опыт человечества был противоречив: в процессе его накопления постоянно сталкивались влечение к истине, к светлоте началу и элементы схоластики, фанатизма, тёмные суеверия. Шла непрерывная духовная борьба между оптимизмом и отрицанием земных радостей, между свободным самоопределением человека и духовным рабством, созидательными и разрушительными импульсами, творческим началом и ощущением непреодолимого фатализма. Эмоциональная окраска религиозных догматов могла меняться в зависимости от исторических условий и местных особенностей.

7 Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. СПб., 1999. С. 10-11.

8 Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. 2006. № 2. 10 с.

9 Ильин И.А. О русской культуре // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М., 1996. С. 467-468.

Очевидно наличие разных уровней религиозного сознания. И поныне у кого-то религиозность не поднимается выше суеверий или механического выполнения обрядов. Примитивная религиозность, выраженная суевериями, оккультизмом, шаманством, лишена созидательных начал. В человеческом сообществе всегда были люди, которых подобная религиозность только отталкивала. Такие люди стремились освободить её от низших форм в пользу высших.

Немецкий философ Э. Фромм убедительно доказал, что нет религиозности вне её уровней и градаций, в свете которых разница между религией и атеизмом становится довольно зыбкой: «Легко увидеть, что многие проповедники веры в Бога являются по своей человеческой установке идолопоклонниками или лишены веры, в то время как некоторые наиболее пылкие “атеисты”, посвятив свои жизни благу человечества, делам братства и любви, обнаруживают веру и глубокую религиозность. Реально наличествует не конфликт между верой в Бога и “атеизмом”, но конфликт между гуманистической религиозной установкой и подходом, который равен идолопоклонству, независимо от того, каким образом последний выражается или каким образом маскируется в сознательном мышлении»¹⁰.

Религиозные системы Фромм разделил на авторитарные и гуманистические. Авторитарность он усматривал в религии, не связанной с духовной свободой, подчиняющей сознание человека «не духу, а букве», носящей рабский характер и являющейся капитуляцией перед действительностью. Религиозность, свободная от авторитарности, по Э. Фромму, связана с «переживанием единства человека с миром»¹¹, когда вера базируется на достоверности убеждений, на опыте чувств, а не на бездумном впитывании малопонятных формул. В такой религиозности нет места пессимизму и мизантропии, а преобладающими настроениями являются радость и доверие к жизни.

Тему религиозности нельзя раскрыть с помощью прямолинейных шаблонов. Религия – это не досужие рассуждения о сакральном, а непосредственный опыт переживания его, взаимодействия с ним. Историк и философ Л.П. Карсавин отмечал, что «религия – не область отвлечённых умствований, а существо жизни и бытия»¹². Религиозная вера – феномен духа, а не интеллекта, а духовность невозможно внедрить искусственно. На этом фоне может возникать фальшивая, фиктивная религиозность, представляющая собою имитацию религиозной веры, порождённую общественной «модой» или конформистскими умонастроениями.

¹⁰ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов: Антология. М., 1989. С. 217–218.

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Карсавин Л.П. О сущности русского православия // Соч. М., 1993. 359 с.

Догматические и обрядовые нормы одинаковы для верующих, принадлежащих к той или иной конфессии, но они не могут автоматически выровнять мировосприятие этих людей. Одни верующие согласны подчинить себя готовому поведенческому регламенту, другие ищут в религии освобождение от условностей и привычек повседневного бытования. Английский философ Бертран Рассел считал, что «суть религии – в свободе от ограничений, в стремлении к цельной жизни, освобождающей людей из тюрьмы суетных желаний и мелочных мыслей». К этому он добавлял: «Освобождение приносит только та религия, которая обходится без догматических оков»¹³.

Сознание, как общественное, так и индивидуальное, сплошь и рядом сопрягается с верой – даже если речь не идет о религиозных системах в их непосредственном выражении. Подобно религиозным взглядам, взгляды политические и идеологические базируются на вере, которая может приобретать разные степени выражения: от неосознанной симпатии до крайнего фанатизма. Создатели партийных программ, идеологических манифестов и деклараций чаще всего делают сознательный расчёт на то, что их идеи будут приняты на веру.

Философия, культура и идеология не просто генетически связаны с религией, они обязаны ей своим появлением и несут в своем генотипе многие её черты. Получив в ходе исторического развития автономию от религии, эти сферы сознания уже со своей стороны стали оказывать влияние на религиозные представления. Примечательно, что и научные теории при всем их рационализме не могут быть полностью свободными от постулатов или аксиом, в качестве принимаемых на веру исходных позиций.

На вере строится распространение знаний через систему образования. Не обладающая достаточным практическим опытом и приёмами познания молодёжь не имеет реальных возможностей всю сумму предлагаемой ей информации пропускать через сито критического анализа. Знания в памяти большинства обучаемых «оседают» в виде готовых схем. Развитие рационалистической науки без полновесной веры в истинность её положений и выводов невозможно: тотальный скептицизм разрушает любую систему знаний.

Полное неверие опасно для социума. Любая система власти, сколько-нибудь заинтересованная в своём устойчивом положении, опирается на правовую регламентацию и на этические нормы. И то, и другое является своеобразной апелляцией к доверию со стороны общества, а доверие – это подвид веры. Верой подкрепляется нравственный фундамент общественного устройства.

Вера принимает многообразные формы. Широко распространена вера в различные фетиши

¹³ Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. 23 с.

– причём, отнюдь не только у первобытных племён, но и у многих представителей современного общества. Э. Фромм писал: «Идолами бывают не только изображения в камне и дереве. Идолами могут стать слова, машины, вожди, государство, власть и политические группы. Наука и мнение ближних тоже могут быть идолами; для многих идолом стал сам Бог»¹⁴.

Проблема религиозности не решается «с наскока», к ней неприменимы категоричные, чёрно-белые трафареты. Религия может быть понята не столько как система догматов, сколько как особое состояние человеческой души, особый эмоциональный строй, в котором видение сущностей определяется не рассудочной логикой, а обострённой интуицией, ищущей своего выражения в творчески окрашенных действиях. Связывая себя с «началом всех начал», человек избавляется от примитивно-прямолинейного мышления, одухотворяется, воспринимает мир в координатах творчества, преодолевает власть биологических импульсов.

References

- [1] Ankylosing spondylitis N.P. Brain magic and the labyrinths of life. St. Petersburg: Notabene, 1999. 202 p.
- [2] Ilyin I.A. About Russian culture // Собр. Оп.: 10 vol. Vol. 6. Book. 2. M.: Russian book, 1996. P. 373-620.
- [3] Karsavin L.P. On the essence of Russian Orthodoxy // Soch. M.: Aletheya, 1993. P. 359-402.
- [4] Marx K. On the criticism of the Hegelian philosophy of law. Leading // Marx K., Engels F. Soch. Ed. 2nd. Vol. 1. M.: Politizdat, 1955. P. 219-362.
- [5] Marx K. Theses on Feuerbach // Marx K., Engels F. Soch. Ed. 2nd. Volume 42. M.: Political Publishing House, 1974. P. 261-266.
- [6] Marx K., Engels F. German ideology // Marx K., Engels F. Soch. Volume 3. Ed. 2nd. M.: Politizdat, 1955. P. 7-544.
- [7] Pascal B. Thoughts. St. Petersburg: Alphabet, 1995. 333 p.
- [8] Russell B. Why I'm not a Christian. M.: Politizdat, 1987. 332 p.
- [9] Sadovnichy V.A. Knowledge and wisdom in a globalizing world // Questions of Philosophy. 2006. № 2. P. 3-15.
- [10] Fromm E. Psychoanalysis and Religion // Twilight of the Gods: Anthology. M.: Politizdat, 1989. P. 143-221.
- [11] Engels F. Anti-Dühring // Marx K., Engels F. Op. Ed. 2nd. Volume 20. M.: Politizdat, 1961. P. 5-342.
- [12] Engels F. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy // Marx K., Engels F. Soch. Ed. 2nd. Vol. 21. M.: Politizdat, 1961. P. 269-317.

Библиографический список:

- [1] Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. СПб.: Нотабене, 1999. 202 с.
- [2] Ильин И.А. О русской культуре // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 373-620.
- [3] Карсавин Л.П. О сущности русского православия // Соч. М.: Алетея, 1993. С. 359-402.
- [4] Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 219-362.
- [5] Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Том 42. М.: Политиздат, 1974. С. 261-266.
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 3. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. С. 7-544.
- [7] Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука, 1995. 333 с.
- [8] Рассел Б. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. 332 с.
- [9] Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. 2006, № 2. С. 3-15.
- [10] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов: Антолог.

14 Фромм Э. Указ. соч. С. 218-220.

Напсо М.Д.*Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной академии.*

Религиозный ренессанс: некоторые аспекты*

Аннотация. Объектом анализа статьи является феномен религиозного ренессанса. Автором рассматриваются условия, ведущие к возрождению религии, исследуются религиозные тренды современного мира, явления секулярности и постсекулярности. Прослеживается зависимость протекания религиозных процессов от специфики исторического и социального контекста. Анализируются факторы, способствующие востребованности религиозных установок обществом постмодерна и процессами глобализации. Анализируется влияние феномена религиозного ренессанса на процессы этнокультурной идентификации.

Ключевые слова: религия, религиозный ренессанс, секулярность, постсекулярность, идентичность, духовность, глобализация.

Napso M.D.*Doctor of Sociological Sciences, professor of department of philosophy and humanities sciences North-Caucasus state academy.*

Religious renaissance: some aspects

Abstract. Object of the analysis of article is the phenomenon of the religious Renaissance. The author considers the conditions conducting to revival of religion, religious trends of the modern world, the phenomenon secularism and postsecularism are investigated. Dependence of course of religious processes on specificity of a historical and social context is traced. The factors promoting a demand of religious installations by a society of a postmodern and processes of globalisation are analyzed. Influence of a phenomenon of the religious renaissance on processes of ethnocultural identification is analyzed.

Key words: religion, religious renaissance, secularism, postsecularism, identification, spirituality, globalization.

Явление религиозного ренессанса (возрождения) становится объектом пристального внимания представителей социально-гуманитарного знания. Точки зрения относительно того, что понимать под данным феноменом и каковы его характеристики, разнятся, что можно объяснить как его сложностью, так и заложенными в нем смыслами. В современном мире отношение к религии двойственное. С одной стороны, нельзя не отметить того, что процессы религиозного возрождения реальны, и это наблюдается во многих странах и регионах. Происходящие в религиозной сфере изменения воспринимаются достаточно либерально, поскольку в этом видится стремление к возрождению традиционных элементов культуры. С другой стороны, немало и тех, для кого трансформации в лоне церкви не позволяют вести речь о ренессансе религии и сопряженных с ней практик. В любом случае термин «религиозный ренессанс» прочно утвердился как в научном познании, так и в общественном мнении.

В восприятии феномена религиозного ренессанса можно увидеть позитивные моменты, что можно

объяснить рядом факторов. Во-первых, возросший интерес к религиозной проблематике основан на «возвращении» религии в пространство индивидуальной и коллективной жизни, и это опровергает позиции тех, кто говорит о неизбежности религиозного упадка, более того – об отмирании религии. Налицо единство процессов сакрализации и секуляризации, но в обществе постмодерна секулярность оказывается подчиненной рациональности, в силу чего социальные структуры и социальные процессы оказываются вне пределов «достижимости» религии, которая все больше оттесняется в сферу частной жизни. Практика современной религиозной жизни иллюстрирует примеры того, что «возврат религии в сферу публичного в некогда секулярных обществах происходит уже в новом качестве, так как модернизационные процессы секуляризации привели как к трансформации личной религиозности индивида, так и к трансформации всей религиозной традиции» [1, с. 216]. Современность полна примеров и того, что модернизация может усиливать степень религиозности – как внешнюю, так и внутреннюю.

* © Напсо М.Д., 2020.

Религиозный ренессанс: некоторые аспекты

Так, в экономически развитых странах, исповедующих ислам, наблюдается повышенный интерес к религии, в том числе и в среде «секулярных» индивидов или групп населения.

Всплеск религиозной активности имел и имеет своим следствием одновременно и процессы идеализации и мифологизации сферы религиозного. Обращение к религии в таком контексте воспринимается как исключительно позитивное явление, поскольку ассоциируется, как отмечено, с возвращением к истокам. Во-вторых, религиозное возрождение воспринимается некоторой частью населения «как наиболее яркий символ «духовного», нехватку которого «секулярный» человек постмодерна ощущает... все сильнее» [2, с. 25]. Как ни парадоксально, господство секулярности не отменяет процессы религиозного возрождения, в результате чего формируется неоднозначный симбиоз религиозного и светского. Противоречивость их взаимодействия заключается в том, что религия все больше интегрируется в секулярный мир, обретая, таким образом, светские черты, а светское наполняется религиозным содержанием. В этом видятся несомненные плюсы: происходит взаимное обогащение религиозных и секулярных трендов, что отвечает духовным потребностям современного времени.

Но здесь прослеживаются и минусы: усиление религиозности сопровождается ослаблением позиции науки и рационального мышления, что мало согласуется с научно-техническим и технологическим прогрессом. В таких условиях религиозные догматы являются для многих не только устаревшими феноменами, они противоречат философии и идеологии прагматизма. Технологические прорывы подрывают основы религиозно-метафизических размышлений, возрастает уровень научного рационализма. Кроме того, религия все более политизируется, становится важнейшим феноменом, а также трендом политики и политическим агентом. Современные «реалии конца XX – начала XXI в. «вытащили» религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав невостребованные долгое время ее социальные роли» [3, с. 109-110] во всех областях жизни общества и индивида. Это не могло не породить различных мнений относительно ее возрастающей роли, особенно в условиях утверждения принципов секулярности.

Явление религиозного ренессанса характеризуется противоречивостью и неоднозначностью развития – с точки зрения как социальной природы, так и вызываемых последствий. Его можно определить как возвращение к истокам – духовным, этническим, культурным, нравственным, как необходимость «присутствия» в коллективном сознании, а также в индивидуальном поведении в качестве социальной и моральной установки, как необходимость обретения прежнего статуса, значимости, утрата которых приводит к ослаблению основ рели-

гиозности. В структуре религии, как известно, присутствуют и воздействуют друг на друга рациональное и чувственное, формальное и неформальное, психологическое и эмоциональное. Эти составляющие религии проявляются по-разному, но главное состоит в том, что присущее современному времени следование формальной стороне не означает наличия подлинной веры, «не гарантирует усвоения человеком духа соответствующей религии» [2, с. 29]. Это обстоятельство приводит к тому, что определение индивида в качестве истинно верующего человека становится достаточно затруднительным.

Современный мир, именуемый постсекулярным, характеризуется как сохранением традиционных религий, так и возникновением новых типов религиозности, что является одним из проявлений процессов религиозного возрождения. Появившись в секулярную эпоху, новые религиозные веяния получают дальнейшее развитие. Современное общество, несмотря на то, что декларирует особое отношение к вере, тем не менее, в отличие от традиционного, исходит из необходимости переориентации многих аспектов религиозной жизни, приведения их в соответствие с требованиями исторического контекста. Сегодня, в эпоху постмодерна, «уже нет трепета перед священным, оно уже не является неприкосновенным – модерн показал, что разрушать религиозные системы можно... Традиционные формы религии – костные, неповоротливые, неудобные – уже не удовлетворяют его. Человек постмодерна избирателен – он принимает в религии лишь ту ее часть, которую находит приемлемой для себя, лишь то, что не противоречит его картине мира. Человеку постмодерна нужна религия, которая будет для него удобной, которая отвечает его запросам» [4, с. 255]. Этим «запросом» являются заложенные в религии морально-этические принципы, благодаря которым происходит религиозное возрождение, с одной стороны, а с другой – она снижает уровень духовных переживаний индивида и общества в целом. Отсюда и всплеск религиозности и усиление религиозных чувств, наблюдаемые в некоторых странах. Эти процессы сопровождаются одновременно распространением псевдорелигиозных и квазирелигиозных верований, которые ассоциируются некоторой частью населения как подлинные, а значит – отвечающие духовным запросам.

Изменяющийся исторический и социокультурный контекст трансформирует религиозную сферу. Религия становится социально востребованным феноменом, особенно в условиях, когда индивид испытывает чувства социального отчуждения. Фактором, ведущим к проявлениям подобного рода, является чрезмерная жесткость социальных структур, которая, с одной стороны, придает социальным институтам и процессам излишнюю формализованность, а человеческой жизни – некую безликость. Обществу постмодерна присущ

индивидуализм, который характеризуется возникновением фобий разного рода, связанных с одиночеством, апатией, невостребованностью. Это и недостаток общения, результатом чего становится превращение частной жизни в подобие социальной клаузулы. Выход многими видится не только в возвращении к традиционным религиозным истокам, но и обращение к т. н. новым религиям, в которых пытаются найти ответы на жизненно важные вопросы. Религия все более проникает в область частной жизни, становится ее атрибутом, признаком «частной приватизации».

Мотивация индивида в вопросе его обращения к религиозной вере достаточно противоречива. Современный человек является существом секулярным, его сознание свободно от различных догм, в том числе и религиозных. Изменяется и отношение к феномену секулярности: она понимается, с одной стороны, как естественный процесс, в ходе которого роль религии ослабевает. С другой точки зрения, секулярность, если ее понимать в предельно широком значении – как мышление, свободное от диктата ограничений, способствует процессу «перезагрузки» религии – и как веры, и как социального института, и как мировоззрения. По мнению П. Бергера, «современность не обязательно секуляризирует; но она обязательно порождает плюрализм. Эпоха модерна характеризуется растущей множественностью, в рамках одного общества, разных убеждений, ценностей и мировоззрений. И эта множественность, безусловно, бросает вызов всем религиозным традициям...» [5, с. 9]. Но в такой ситуации необходимо одновременное «переформатирование» и социума: возврат религии в сферу публичности требует согласования религиозных и общественных интересов и установок, и в первую очередь с точки зрения минимизации возможных рисков. Поэтому, когда говорят о постсекулярности, имеют в виду процесс взаимной адаптации религий в их секулярном и традиционном значении, следствием чего является диалог между людьми, которые исповедуют разные религии и придерживаются разных систем религиозных ценностей. Последнее становится возможным, поскольку религиозные институты, благодаря использованию современных технологий, в том числе и маркетинговых, все больше интегрируются в социум. Это позволяет религиозным структурам «идти в ногу» со временем, отвечать на его вызовы, тем расширяя свое присутствие и влияние. Этим процессам способствуют и современные технологии, в частности Интернет, которые, с одной стороны, создают условия для трансформации религиозных представлений, для наполнения их адекватным времени содержанием, а с другой – придают религии поп-черты, благодаря которым она становится более удобной для использования в практике повседневности. В современном обще-

стве, именуемом обществом потребления, религиозные ценности и установки не перестают быть востребованными, поскольку отвечают общественным интересам. Религия, пишет Б. Тернер, «вполне совместима с секулярным консюмеризмом, о чем свидетельствуют религиозные рынки, предлагающие в широком смысле духовные, а не только узко церковные услуги» [6, с. 24-25].

В ходе процессов глобализации обнаруживаются закономерности, в которых отражаются основные религиозные тренды, к которым могут быть отнесены процессы секуляризации и «десекуляризации, респиритуализации, деприватизации» [7, с. 33], которые сопровождаются появлением новых религиозных воззрений и движений, серьезным образом видоизменяющих религиозную палитру всего мира и национальных государств. Изменяется характер взаимодействий между различными социальными институтами, зависимость между которыми вполне очевидна. Религии усиливают свое влияние через множественные и разнообразные механизмы, в том числе и маркетинговые, которые позволяют им расширять спектр своих «полномочий» в общностях, стремящихся к секулярности, вследствие чего религии все больше интегрируются в современный социальный контекст, что, несомненно, придает им более современные черты.

В современных религиях присутствуют противоположные и даже противостоящие друг другу идеи и смыслы – с позиции как веры, так и религиозной идентичности. Как отмечает И.Г. Каргина, анализируя взгляды историка религии Ф. Дженкинса, «институциональные позиции современной христианской религии значительно ослаблены, но *“институциональная слабость – не обязательно является индикатором общей религиозной апатии”*, и *“удивительным образом христианство продолжает как “призрак” присутствовать в европейском обществе”* [3, с. 112]. Можно сказать, что процессы секуляризации сопровождаются контрсекуляризацией, выражением чего является усиление интереса к религиозной сфере. Более того, религия продолжает оставаться «осевой» ценностью, с помощью которой продолжают поиски ответов на самые волнующие вопросы современной жизни, особенно если подходить к религии не догматически, а конструктивно. И в таком контексте Бог предстает существом, который обеспечивает индивиду духовную защиту и поддержку. Несмотря на то, что постмодернизм исходит из отрицания абсолютности любой ценности, в том числе и религиозной, авторитет религиозной традиции не подвергается сомнению, тем более что более весомых аргументов в пользу иной традиции общество так и не смогло выработать. Сегодня секулярность и светский взгляд на мир, религиозное и светское сознание сочетаются друг с другом противоречи-

вым образом, а светские формы жизни становятся более чувствительными к религиозным представлениям.

Современный мир изменяет не только отношение общества к религии и церкви, он трансформирует сферу функционирования социальных институтов. С одной стороны, налицо их растущее взаимодействие, а с другой – укрепление статуса одних и ослабление – других. Миграционные процессы и их расширение имеют своим следствием межконфессиональную конкуренцию. Происходит процесс сложного переплетения различных религиозных верований. Одновременно возникают условия для возникновения религиозного разнообразия, и это с необходимостью ставит проблему управления религиозными процессами, в том числе и по причине их отождествления с этническими. По мнению Б. Тернера, «государство, принимаясь регулировать религию в публичном пространстве, делает ее более значимой и заметной... По всему миру происходит сложное взаимодействие религии и национальной идентичности — от индуизма в Индии до католицизма в Польше и синтоизма в Японии, и таким образом религия становится частью внутренней структуры публичной сферы» [6, с. 31]. Как видим, концепт религии не потерял своего значения, а продолжает оставаться реальной и динамично развивающейся социальной материей.

References

- [1] Vinogradov A.D. A modern view of the position of religion in the framework of the concept of postsecularity. To the statement of the problem // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism. 2014. № 10 (132). P. 213-221.
- [2] Lebedev S.D. Religious renaissance as a social reality: towards the demythologization of a concept // Sociological Journal. 2007. № 2. P. 24-36.
- [3] Kargina I.G. Key trends in the study of modern religious manifestations of religiosity // Sociological studies. 2013. № 6 (350). P. 108-115.
- [4] Petrova K.Yu. The variety of types of religiosity in postmodern society / Pivovarov readings. Synthetic paradigm: science, philosophy, religious studies. Conference proceedings. November 01-03, 2018. - Yekaterinburg. 2019. 446 p. // URL: [https://pivovarovskie_chtenija\[1\].pdf](https://pivovarovskie_chtenija[1].pdf)-Adobe Reader (03.01.2020).
- [5] Berger P. Falsified secularization // State, religion, church in Russia and abroad. 2012. Volume 30. № 2. P. 8-20.
- [6] Turner B. Religion in a post-secular society // State, religion, church in Russia and abroad. 2012. Volume 30. № 2. P. 21-51.
- [7] Kargina I.G. Modern forms of religiosity as a subject of sociological analysis: an explication of the most significant trends // Sociology of Religion in the Society of Late Modern: Materials of the Second Russian Scientific Conference with International Participation. NRU «BelSU», April 18, 2012 - Belgorod, 2012. P. 32-43.

Библиографический список:

- [1] Виноградов А.Д. Современный взгляд на положение религии в рамках концепции постсекулярности. К постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 10 (132). С. 213-221.
- [2] Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24-36.
- [3] Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных религиозных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6 (350). С. 108-115.

- [4] Петрова К.Ю. Многообразие типов религиозности в обществе постмодерна / Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение. Сборник материалов конференции. 01–03 ноября 2018 года. – Екатеринбург. 2019. 446 с. // URL: [https://pivovarovskie_chtenija\[1\].pdf](https://pivovarovskie_chtenija[1].pdf)-Adobe Reader (дата посещения: 01.03.2020).
- [5] Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Том 30. № 2. С. 8-20.
- [6] Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Том 30. № 2. С. 21-51.
- [7] Каргина И.Г. Современные формы религиозности как предмет социологического анализа: экспликация наиболее значимых трендов // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Второй Российской научной конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 18 апреля 2012 г. – Белгород, 2012. С. 32-43.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Назаренко А.Ф.

Доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин.
Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

Категориальность философского познания – решающий фактор его самоопределения*

Аннотация. Статья посвящена выяснению основных детерминантов самоопределения философского знания. И таковыми автор считает знание собственно логическое, основоположником которого является Аристотель (имея в виду прежде всего его дедуктивную систему – силлогистику), и знание категориальное, внутренняя природа которого в значительной мере «прояснена» в философских системах Канта и Гегеля. Во взаимообусловленном единстве и знание логическое, и знание категориальное обеспечивают, согласно автору статьи, целостное постижение реальности в ее необходимых связях и отношениях, и преодолевают (в понятиях) неизбежное противоречие между миром материальным и миром идеальным.

Ключевые слова: категория, априоризм Канта, понятия Гегеля, метод восхождения от абстрактного к конкретному, абстрагирование, реальность противоречия, идея, общенаучное понятие, логика понятий, логика категорий, самоопределение философского знания.

Nazarenko A.F.

Doctor of Philosophical science, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
Department of Philosophy and Socio-Economic Disciplines.
St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg.

The categoricity of philosophical knowledge as a decisive factor in its self-determination

Abstract. The article is devoted to elucidating the basic determinants of self-determination of philosophical knowledge. The author considers logical knowledge to be such, the beginning of which was laid by Aristotle, and especially his deductive system, namely syllogistics, and categorical knowledge, whose internal nature is largely «clarified» in the philosophical systems of Kant and Hegel. In interdependent unity, both logical and categorical knowledge provides, according to the author of the article, a holistic comprehension of reality in its necessary connections and relationships, and overcomes the inevitable contradiction between the material world and the ideal world.

Key words: category, Kant's apriorism, Hegel's concepts, method of ascent from the abstract to the concrete, abstraction, reality of contradiction, idea, General scientific concept, logic of concepts, logic of categories, self-determination of philosophical knowledge.

Категориальность философского познания издавна являлась существенной чертой всех исторически сложившихся философских систем. Однако внутренняя природа самих категорий, как особо рода всеобщих понятий, принималась, по преимуществу, как сама по себе разумеющаяся данность. Принципиально новый подход, по нашему мнению, к истолкованию категориального знания осуществил впервые Кант. Если у античных мыслителей, например, у Аристотеля, почти полностью отсутствует исследование собственно гносеологической

проблематики, связанной с категориями, то у Канта она в центре внимания.

Категории, по Канту, – понятия рассудка, осуществляющие синтез многообразного «эмпирических понятий», которые через априорные формы пространства и времени, связаны с опытом, реальностью [10, с. 342]. И сам «механизм» синтеза многообразного Кант тоже объявил априорным [11, с. 145]. Как мы полагаем, априоризм не позволил Канту раскрыть реальную природу синтеза, осуществляемого с помощью категорий, но указание на сам факт

* © Назаренко А.Ф., 2020.

Категориальность философского познания – решающий фактор его самоопределения

синтеза, предпринимаемого человеческим умом для формирования наиболее общих (всеобщих) понятий о реальности в целях «овладения» этой реальностью, служит важным гносеологическим «указателем» к познанию внутренней природы философского категориального знания.

Следуя заданной теме статьи, отметим, что понятия Гегеля как «беспредельное сокращение по сравнению с единичностью вещей» [5, с. 90] и как «в себе и для бесконечное» [5, с. 280] есть, по существу, также наивысшее обобщение идей, о котором говорит Кант.

Всеобщность, с точки зрения классической логики, есть необходимейшая черта всякого понятия, но у самого Гегеля всеобщность рассматривается как «выход» мысли за пределы конечного, как единичного в «бесконечность». Далее, особенное выступает, у Гегеля, мерой диалектического единства всеобщего и единичного. И, таким образом, богатство определений, т.е. достигнутых знаний, аккумулируется всеобщностью и «конкретностью» гегелевских понятий. Отсюда вполне понятным становится характер всеобщности философских категорий и проистекающая из этой всеобщности степень универсальности категориального знания. Собственно, гегелевские «конкретные» понятия и воплощенная в них всеобщность как «душа конкретного» [6, с. 37] – это и есть категории. А если предположить, что методом их теоретического выведения является интенсивно и экстенсивно апробированный Гегелем и последующей философской мыслью метод восхождения от абстрактного к конкретному, то содержательная «наполняемость» действительно приобретет вполне ясные черты.

Нам нет нужды сколь-нибудь подробно останавливаться на всех «составляющих» этого метода, обратим внимание лишь на следующее. То абстрактное, которое обозначено как начало последующего восхождения мысли к конкретному, имеет, по сути, два смысла.

Первый, сугубо логический, подразумевает, что из всего многообразия свойств и отношений конкретного, как оно дано чувственному созерцанию, сознание человека выделяет, «выхватывает» и «удерживает» (с помощью вербализированных абстракций) лишь некоторые из них. Вследствие этого любая абстракция, любое понятие, сформированное по принципу «от эмпирии к общему» и взятое само по себе как отдельное мысленное образование, ограничено по своему содержанию и представляет собой фрагментарное, одностороннее и «выпрямленное» мыслью знание о реальных, конкретных предметах исследования. Именно в этом смысле Гегель в своей «Философской пропедевтике» замечает, что «...абстрагирование есть лишь негативная сторона мышления» [7, с. 92]. «Негативная сторона мышления», о которой говорит Гегель, – это второй, морально-оценочный смысл

абстрактного, подразумевающий «ущербность» первичных (неизбежно поверхностных поначалу) определений о конкретном как оно есть в своей данности, само по себе.

И действительно, при движении познания от такого рода конкретного в действительности к абстрактному в понятиях, целостное воспроизведение данного конкретного в мышлении сразу не удастся, так как абстрактные определения, то есть так называемые «эмпирические понятия» не перерастают еще рамок своего «разрозненного», «разорванного» существования, оставаясь лишь первым приближением к оригиналу. Разумеется, ничего «негативного» в этом нет, и логика со всеми своими наличными средствами довольно успешно «справляется» с необходимейшей задачей мышления в плане формирования абстрактного знания и в плане его структурно-смысловой организации, то есть с помощью логических приемов мыслей, через суждения и умозаключения.

Отмеченное выше означает, что логика «сопровождает» и «направляет» всякий мыслительный акт работы, когда встает задача формирования и структурирования (упорядочения) знания, как это убедительно показывают в своих исследованиях авторы практического руководства по развитию логического мышления детей [1, с. 43].

Когда мы анализируем такие продукты интеллектуального творчества, как философские категории, то обнаруживаем, что они являют собой особые формы интеграции знания, структурно-смысловая природа которых перерастает возможности сугубо логической их интерпретации. Дело в том, что философское знание, как знание о всеобщем, «затребовало» от познающего мышления нахождения таких форм, которые воплощали бы самые общие (универсальные) связи между различными «пластами» реальности, дабы воссоздать ее в присущей ей изначальной цельности (тотальности).

Другими словами, имеющееся абстрактное знание следовало синтезировать таким образом, чтобы возможным стало обнаружение искомых универсальных связей. Именно категории позволили осуществить такой синтез абстрактного знания. Они и есть «восхождение к конкретному», как «конечный» продукт деятельности мышления, опирающегося на этот метод. Категории являются, таким образом, сугубо духовными, и в этом смысле идеальными образованиями, «прорывом» из конечного в бесконечное, ибо духовное, раз возникнув, обладает существованием бесконечно-вечным, не ограниченным пространственно-временными границами.

Философия же в плане категориального синтеза обладает своей особой спецификой, выражающейся в том, что для философского анализа предельно общими являются два уровня реальности в ее всеобщих характеристиках – материальная (объективная) реальность и духовная, идеальная (субъективная)

реальность. И философские категории должны быть «сконструированы» таким образом, чтобы в них воплотились универсальные связи, способствующие постижению и мира материального, и мира духовного, в их противоречивом единстве. По этим основаниям можно было бы, как считает автор данной работы, и классифицировать философские категории.

Прежде всего выделим категории, преимущественно ориентированные на постижение материального (объективного) мира, как это сделал, например, Гегель в так называемой «объективной логике», изложенной им в «Учении о бытии» [5]. Видимо, естественной классификации «поддаются» и категории, преимущественно ориентированные на постижения явлений духовного, идеального порядка, как, например, категории, характеризующие гносеологическую проблематику. Такие же категории, как «противоречие», «всеобщее», «особенное», «единичное», «отрицание отрицания» и, видимо, все так называемые «парные» категории оказываются равнопригодными для постижения явлений как материального, так и идеального планов и противоречивого единства между ними.

Мы согласны с известной мыслью Гегеля, высказанной им в полемике с Кантом, о том, что всякое понятие, всякая категория антиномична, противоречива. Но следует учесть, что противоречие противоречию рознь. Так понятия (и сформированные на их основе по определенным правилам суждения и умозаключения), полученные как в условиях эмпирического обобщения (что характерно для индуктивной логики), так и в условиях дедуктивного обобщения, по преимуществу воплощают в себе противоречия между родом и видом, целым и частью, и таким понятиям всегда можно найти родственную, но более обширную предметную общность. Категории же, как синтез многочисленных абстрактных определений (понятий), «нацелены» на постижение противоречий предельных предметных общностей, являя собой усилия творческого ума в попытках связать в мыслях конечное с бесконечным, единичное с всеобщим. Эти усилия творческого ума увенчались созданием таких предельно общих понятий – категорий, которые отражают не характеризующие признаки (свойства) вещей, предметов, явлений, но связи, объединяющие в одно целое различные предметные общности и «преодолевающие» глобальное противоречие между материальным и идеальным.

Отмеченное «глобальное» противоречие, будучи осознанным, было доминантным для философских размышлений многих мыслителей. Платон «разрешил» это противоречие с помощью созданного им мифологического мира идей; Аристотель – с помощью энтелехии, как определенного метода достижения цели, осуществляемого нематериальным деятельным началом; Ф. Бэкон нашел способ разрешения все возможных противоречий в индукции; Р. Декарт элиминировал эту проблему в формулу «Я

мыслю, следовательно существую», «подкрепленной» интеллектуальной интуицией и «врожденным» идеями; Лейбниц искал «примирения» противоположностей материального и идеального в монадах; Кант – в антиномиях «чистого разума».

Только Гегель в конструируемых им конкретных понятиях – категориях, обнаружил их неизбежное развитие к Абсолютной идее, где все возможные противоречия могут быть «сняты» и «разрешены», но само противоречие при этом «есть корень всякого движения и жизненности» [5, с. 65].

Но надо ли конструировать философские категории, как это происходит у Гегеля? Разумеется, мысленное конструирование – исторически ставшая «естественная» реализация потенций Разума; в этом смысле логика Аристотеля с ее понятиями, суждениями и умозаключениями и выстроенная Гегелем логика категорий, одинаковы.

Однако, одинаково ли эти логики «работоспособны» относительно осмысления реальности? Традиционная (классическая) логика и ее современные математические варианты давно доказала свою плодотворность и практическую результативность. Что же касается логики категорий Гегеля (и вообще категорий), то повсеместного энтузиазма в признании их исключительной значимости и такой же необходимости для познающего мышления пока не наступило. А между тем, вне категориального знания реальность столь же непостижима, как непостижима, например, природа мышления вне языка логики [13, с. 157-180].

Поскольку категории представляют собой такие мысленные обобщенности, какие только возможные человеческому мышлению и лишены при этом «видимой» эмпирической достоверности, постольку они не поддаются ни «верификации», ни «фальсификации», провоцируя тем самым «обвинения» в их абсолютной бесполезности. Но человеческий разум всегда был исподволь «устремлен» на поиск универсальных взаимозависимостей всех структурных подразделений реальности, выдвигая с помощью категорий различные мыслительные конструкции на этот счет.

Видно, таким образом, что человеческое мышление никогда не останавливается лишь на отражении сходного, тождественного, одинакового для класса предметов, которое фиксируется с помощью отдельно взятых формально-логических понятий, но стремится при этом также осмыслить универсальную всеобщность и взаимосвязь «всего и вся», отражаемую категориями. Поэтому именно категория есть особая понятийная конструкция, репрезентирующая собой не признаки явлений предметного мира, а их всеобщие универсальные противоречивые связи и отношения. Но так как связь есть взаимообусловленное отношение одного с другим, то философские категории, фиксирующие предельные, наивысшие по универсальности связи (отношения) представляют собой качественно новый тип всеобщности. Зна-

чит, с точки зрения диалектики, вопрос не в том, что является более общим – понятие или категория, а в том, что «качество» общего (всеобщего), как оно отражено в понятиях и категориях, различно.

Если понятиями отражается абстрактная всеобщность признаков, субординированных в единое целое, мысленное образование, то в категориях отражается фиксированная конкретная всеобщность универсальных связей (отношений) между различного рода конкретностями (реальностями).

Каким же способом можно выразить в мышлении всеобщую универсальную связь и всеобщую обусловленность «всего и вся»? Как убедительно показал Гегель, это можно сделать исключительно путем «единения» противоположных определений. Именно это отчетливо демонстрируют философские категории – особого рода понятия, которые наряду с тождеством включают и момент различия, наряду со своим собственным содержанием включают и «свое» другое, имманентную себе противоположность. Поэтому-то категории «конкретны»: в «снятом» виде они содержат все «богатство» внутренне противоречивого процесса познания того или иного конкретного уровня развивающейся, живой реальности. Следовательно, категории являются наиболее адекватной формой философского постижения вещей.

Именно отраженная и «схваченная» категориями предельная общность делает их устойчивыми по форме и относительно стабильными, исторически медленно меняющимися по содержанию, как бы не подвергаемому резким переменам. Оттого иногда создается иллюзия «вечной» категориальной «сетки» философского знания. Между тем «сетка» категорий зависит, во-первых, от уровня развития всего комплекса наук, которые постоянно уточняют старые и открывают новые виды всеобщих связей предметного мира, и, во-вторых, – от уровня развития самой философской науки, которая своим содержанием должна быть «сориентированной» так, чтобы учесть и отразить радикальные перемены в естественно-научной картине мира. Этого философия достигает с помощью категорий (уточняя старые и формируя новые), отражающих, как мы уже отмечали, всеобщую связь и взаимную обусловленность всех форм движущейся и развивающейся реальности. Поэтому на «революцию» в естествознании философия отвечает единственно возможным для нее способом – созданием, точнее сказать, выработкой новых категорий. Так, есть определенные основания в пользу того, чтобы придать философский статус таким общенаучным понятиям, как «информация», «гармония», «цель» и «целостность».

Особенно интересным представляется подход к изучению природы интеллекта в контексте ментального (умственного) опыта личности, где само понятие интеллекта приобретает универсальный (категориальный) смысл [14, с. 75-103].

Однако справедливо отмечая влияние естествоз-

нания на философию, нельзя упускать из вида собственную, относительно самостоятельную логику развития самой философии с ее всеобщими категориями, репрезентирующими органичное единство противоположных определений (типа «качество» – «количество», «содержание» – «форма», «сущность» – «явление», «причина» – «следствие» и т.д.). Исходя из этой логики, следует выяснить, какой всеобщий (философский) смысл содержится в упоминавшихся выше понятиях – «информация», «целостность» и др. и как «перевести» содержание этих понятий на специфически философский категориальный язык. Другими словами, требуется установить, переводимы «без остатка» новые общенаучные понятия на язык уже существующей системы категорий или у них есть такое содержание, которое не сводится к известной «сетке» категорий, а требует создания дополнительного языка, т.е. языка новых категорий. В этом состоит, как нам представляется, реальная и необходимая взаимосвязь между философией и естествознанием.

Но дело состоит в том, что философия не прямо и непосредственно связана с естествознанием и понятиями (категориями), являющимися его продуктами. Точкой взаимосвязи философии и естествознания является, по нашему мнению, то, что называют «общенаучными понятиями», выражающими наиболее существенные связи междисциплинарных (частных) наук. Именно общенаучные понятия обеспечивают «жизненные» токи в философии, являясь ближайшим резервом формирования нового философского категориального знания, как на это указывают известные исследователи этого вопроса [8].

Философские категории, являющиеся определенным связующим звеном между философским знанием и знанием естественно-научным (через общенаучные понятия) и определяя общую линию их взаимодействия (взаимообогащения), детерминируют также диалектику развития самого философского знания. Речь идет о следующем. Как мы отмечали, в философских категориях отражается и закрепляется знание о всеобщих, универсальных, необходимых, закономерных связях и отношениях предметного мира; они являют собой «узел», своеобразный «центр», вокруг которого системно объединяются между собой понятия той предметной области, универсально-всеобщую связь которой и репрезентируют собой категории. Потому категории и придают «стройность» и «переливчатость» соподчиненных данной категории системы понятий, или, как это можно проследить, например, при разработке категории «детерминизм» [9, с. 49-59].

Системообразующая роль философских категорий проявляется в следующем. Категория «развитие», например, «замыкает» на себя такие понятия, как «изменение», «движение», «направленность», «обратимость», «необратимость», «устойчивость», «изменчивость»; категория «противоречие» необ-

ходимо разворачивается посредством таких понятий, как «тождество», «различие», «противоположность», «единство противоположностей», «борьба противоположностей» и т.д. Отсюда следует, что разрешение вопроса о том, когда и при каких условиях понятия становятся гибкими, подвижными, релятивными, следует, видимо, искать на пути выяснения внутренней структуры категориального знания, выступающего своеобразным снятием односторонности, «сухости», «окаменелости» отдельно взятых понятий.

В свете сказанного выше ясно, что понятийное знание вне категориального остается незавершенным, фрагментарным. Категориальное, в свою очередь, может быть понято лишь в той связи, в какой оно является синтезом предваряющего его понятийного значения. Категория, как и всякое понятие, «возвращает» предмет, с одной стороны, «к своей неслучайной существенности», а с другой, – обозначает тот «центр», вокруг которого познающий субъект формулирует стройную целостную систему знания, воссоздающего конкретное во всей его полноте.

Значит, диалектичны понятия не сами по себе, а в общей системе категориального (в собственно понятийного) звания, и только категории дают возможность осознать истинную жизненность и объективную значимость понятийного знания. Обнаруживается также, что категориальное знание по своей сути предполагает понятийное, равно как и понятийное осознается в рамках категориального знания.

И понятия, и категории подчинены в конечном счете отображению «богатства» налично существующего, развивающегося через противоречия реального мира. Логико-гносеологически это происходит посредством абстрагирующей (обобщающей) деятельности познающего мышления, формирующего на этом пути диалектически связанную систему понятий – категорий, взаимопредполагающих, взаимопереходящих друг в друга. Если то, что раньше считалось категорией, перестало соответствовать ее гносеологическому (и онтологическому) критерию, то она перестает выполнять функцию категориального знания, превращаясь при этом в «рядовые» понятия, как это произошло, например, с понятиями «первоначало», «вдохновлявших» на поиски «философского камня». Возможно и обратное превращение. Когда понятие отражает такие существенные свойства, обобщение которых перерастает рамки их возможного «бытия» в форме понятия, и требует признания их в качестве всеобщих и универсальных, присущих всем формам реального мира, тогда «рядовое» понятие «оборачивается» категорией, как это происходит в ходе становления любой категории [2, с. 172-189].

Подобное различие понятийного и категориального состава знания объясняет и следующее.

Категория как предельно общее понятие, конкретно-всеобщая абстракция, возникает только в условиях развитого понятийного знания, когда общее свойство, зафиксированное понятием, перестает быть «приписанным» только одному какому-нибудь особенному понятию. В этом смысле можно сказать, что понятия своим относительным знанием о природе той или иной конкретной истины поставляют мышлению меру такой абсолютной истины, которая фиксируется и отображается философским категориальным знанием.

Поэтому науки образуют свою зрелость лишь с точки зрения того, в какой степени они осознанно оперируют категориальным знанием, выступающим как бы тем идеалом, к которому стремится всякое истинное познание. В связи с этим можно сказать, что внутренняя логика развития понятий, описывающих одну и ту же предметную область, ведет к такому их обобщению, при котором конструируется всеобщность (универсальность) философских категорий. При этом категория не отбрасывает тех понятий, на основе которых она сформировалась, но и не сводится к ним полностью. Это хорошо можно проследить, например, при формировании категории «силы» в физике [3], категории «элемента» в химии [12], категории «живого вещества» в биологии [4] и др.

Таким образом, логическое знание и знание категориальное в историческом его становлении являются основными детерминантами самоопределения философского знания. Во взаимоотношенном единстве, при ведущей роли знаний категориального они обеспечивают целостное постижение реальности в ее необходимых связях и отношениях. При этом и логику понятий (так условно обозначим то, что обыкновенно понимают под термином «логика»), и логику категорий (условно говоря – диалектику как логику постижения противоречий), как убедительно показывает весь историко-философский контекст, в общем и целом определяет и объединяет теория идей с ее «стремлением» разрешить (преодолеть) противоречие между материальной и духовной (идеальной) реальностями.

И если классическая аристотелевская логика «разрешает», преодолевает указанные противоречия на уровне (если можно так сказать) «эмпирического» сознания, привязанного к опытному знанию и фактам повседневной жизни, то логика категорий пытается «разрешить», «преодолеть» противоречия на высших «этажах» сознания, там, где формируется знание о всеобщих универсальных связях и отношениях предметного мира. В этой связи крайне интересным представляются, например, мысли Карла Густава Юнга, основателя аналитической психологии, о роли разрешения противоречий в широком контексте психического [15, с. 292-293].

К сказанному выше необходимо, как нам пред-

ставляется, вернуться к истолкованиям термина «идея». Есть ли это также самостоятельный внутренний детерминант самоопределяющегося философского знания, а если есть, то в каких логических формах он эксплицируется? В античности (у Платона и Аристотеля) «теория идей» была синонимом самого философского знания, позже «идеи» стали трактоваться как носители разумного, духовного знания (например, монады Лейбница можно рассматривать исключительно как разумные «существа», не имеющие, однако, «ни плоти, ни крови»), Кант также интерпретировал идеи в пределах только *ratio*, но уже формально, в смысле строго определенных принципов (по терминологии Канта – трансцендентальных) синтеза категориального знания, свойственных исключительно разуму.

Гегель вернул идеям как бы их изначальный смысл, но уже не только в качестве носителей истинно философского знания, а и «верховных» его устроителей. Например, Абсолютная идея Гегеля, как абсолютно разрешенное противоречие всех возможных противоречий, в себе самой содержит абсолютно все возможные «модели» своего инобытия, самоопределяясь поначалу в абстрактных логических определениях, а через них по «ступенькам» категорий достигает всего возможного богатства разумного. Видно, таким образом, что гегелевские идеи, как таковые, определенной логической формы не имеют, и принимая то «вид» понятий, то «вид» категорий, являют собой принципы организации не столько философского знания, сколько философского «видения» мира в его всеобщих связях и опосредованиях, достигая тем самым «... единство понятия и реальности» [6, с. 21]. В этом смысле идеи имеют статус выше, чем категории, ибо выступают для них организующим принципом, будучи и «творцом природы» [6, с. 214], и «чистым знанием» [5, с. 125].

Пожалуй, именно гегелевское понимание идей было подхвачено и «закреплено» последующей философской традицией, хотя и «идеи», как чисто логические понятия и философские идеи – категории, как решающий фактор самоопределяющегося философского знания могут «пробуждать» не только разум в его поисках адекватных и свойственных ему форм самоопределения (через категории наук и философии), но и все другие виды и роды истинно человеческого творчества с опорой на наглядность, интуицию, порой – иррациональное, как это имеет место в музыке, живописи, архитектуре, ваянии и т.д., имея вид, выражаясь гегелевским языком, то «логического» [6, с. 289, 309], то «практического» понятия [6, с. 281, 282, 284, 288].

References

- [1] Belyaev V.Ya., Maraita V.F., Okonishnikov P.N. and others. How to become Aristotle: A practical guide to the development of logical thinking of children. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. 320 p.

- [2] Borisov V.N. The levels of the logical process and the main directions of their research. - Novosibirsk: Nauka, 1967. 212 p.
 [3] Bourne M. Physics in the life of my generation. - M.: Publishing house of foreign countries. literature, 1963. 536 p.
 [4] Vernadsky V.I. The beginning and eternity of life. - M.: Owls. Russia, 1989. 704 p.
 [5] Hegel. The science of logic in 3 volumes / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. - M.: Thought, 1970. Volume 1. 502 p.
 [6] Hegel. The science of logic in 3 volumes / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. - M.: Thought, 1972. Vol. 3. 372 p.
 [7] Hegel. Works of different years in 2 t. / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. - M.: Thought, 1971. Volume 2. 630 p.
 [8] Gott V.S., Zemlyansky F.M. Dialectics of the development of the conceptual form of thinking: Monograph. - M.: Higher. School, 1981. 319 p.
 [9] Ivanov V.G. Determinism in philosophy and physics. - Leningrad: Science, 1974. 184 p.
 [10] Kant I. Works in 6 volumes / I. Kant. - M.: Thought, 1965. Volume 3. 591 p.
 [11] Kant I. Works in 6 volumes / I. Kant. - M.: Thought, 1965. Volume 4. 544 p.
 [12] Kedrov B.M. Development of the concept of an element from Mendeleev to the present day. - Leningrad: Gostekhizdat, 1948. 247 p.
 [13] Halpern D. Psychology of critical thinking. - St. Petersburg: Peter, 2000. 512 p.
 [14] Cold M.A. Psychology of intelligence. Paradoxes of research. - 2nd ed., Revised. and add. - St. Petersburg: Peter, 2002. 272 p.
 [15] Jung K.G. Collected works in 19 vol. / Phenomenon of the spirit in art and science. / Per. with him. - M.: Renaissance, 1992. Vol. 15. 320 p.

Библиографический список:

- [1] Беляев В.Я., Марарица В.Ф., Оконешников П.Н. и др. Как стать Аристотелем: Практическое руководство по развитию логического мышления детей. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 320 с.
 [2] Борисов В.Н. Уровни логического процесса и основные направления их исследования. – Новосибирск.: Наука, 1967. 212 с.
 [3] Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 536 с.
 [4] Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М.: Сов. Россия, 1989. 704 с.
 [5] Гегель. Наука логики в 3 т. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Мысль, 1970. Том 1. 502 с.
 [6] Гегель. Наука логики в 3 т. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Мысль, 1972. Том 3. 372 с.
 [7] Гегель. Работы разных лет в 2 т. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Мысль, 1971. Том 2. 630 с.
 [8] Готт В.С., Землянский Ф. М. Диалектика развития понятийной формы мышления: Монография. – М.: Высш. школа, 1981. 319 с.
 [9] Иванов В.Г. Детерминизм в философии и физике. – Ленинград: Наука, 1974. 184 с.
 [10] Кант И. Сочинения в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. Том 3. 591 с.
 [11] Кант И. Сочинения в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. Том 4. 544 с.
 [12] Кедров Б.М. Развитие понятия элемент от Менделеева до наших дней. – Ленинград: Гостехиздат, 1948. 247 с.
 [13] Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Питер, 2000. 512 с.
 [14] Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. 272 с.
 [15] Юнг К.Г. Собрание сочинений в 19 т. / Феномен духа в искусстве и науке. / Пер. с нем. – М.: Ренессанс, 1992. Том 15. 320 с.

Ардашев Р.Г.

Кандидат юридических наук. Иркутский государственный университет.

Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти*

Аннотация. В статье рассматривается иррациональность общественного мнения, возникающая на основе взаимодействия с представителями органов власти. Рассматриваются внешние условия в виде общественного мнения и личные стратегии адаптации к меняющимся условиям социального воспроизводства.

Ключевые слова: общественное мнение, иррациональные стратегии, взаимодействие с органами власти, страхи, потеря доверия, теории заговора.

Ardashev R.G.

PhD in Law. Irkutsk State University.

The irrationality of public opinion: fears of interaction with government representatives

Abstract. The article considers the irrationality of public opinion, arising from interaction with representatives of government bodies. External conditions in the form of public opinion and personal strategies of adaptation to changing conditions of social reproduction are considered.

Key words: public opinion, irrational strategies, interaction with authorities, fears, loss of confidence, conspiracy theories.

Общественное мнение сегодня играет особую роль в социальном управлении. Однако для составления полной и адекватной картины реальной действительности декларативной информации совершенно недостаточно. Необходима развернутая социологическая оценка, осуществляемая на базе комплексной теоретико-методологической и операциональной модели взаимодействия органов власти с институтами общественного мнения.

Общественное мнение – это состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) к общественным событиям, к деятельности различных групп, организаций, отдельных личностей. Посредством общественного мнения население выражает позицию одобрения или осуждения по тем или иным проблемам. Отношение общества проявляется при выборах органов власти, в средствах массовой коммуникации, опросах населения. Последние в обозначенном темой периоде не проводились.

Важнейшим компонентом управленческой деятельности является «оценка деятельности управляемой подсистемы... с точки зрения соответствия социальным критериям, интересам, стремлениям и ожиданиям управляемых людей, анализ соци-

альных последствий принимаемых решений, отношение к ним исполнителей, учет мнений и предложений исполнителей в целях совершенствования деятельности управляющей подсистемы» [2]. Практика любой управленческой деятельности, но особенно той, которая проводится государственными органами власти, неоспоримо свидетельствует о правомерности этого тезиса, т. е. о том, что ее результативность в значительной степени зависит от целого ряда коммуникационных факторов. Во-первых, от того, в какой мере управленческая деятельность строится с учетом ожиданий, интересов и настроений широких групп населения. Во-вторых, от степени и форм участия людей в подготовке и принятии решений. В-третьих, от того, насколько налажено оперативное информирование людей о принимаемых властными структурами порой даже непопулярных решениях, разъясняется ли их целесообразность. В-четвертых, предпринимаются ли действия по вовлечению людей в процесс реализации решений, проектов и программ. В-пятых, ведется ли оперативная корректировка проводимой политики с учетом так называемой «обратной связи», т. е. оценки людьми хода и результатов ее реализации, эффективности и социальных по-

* © Ардашев Р.Г., 2020.

Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти

следствий тех или иных властных действий. Давая обобщающее определение рассматриваемого компонента управленческой деятельности, в традиционной формулировке говорят о системе взаимодействия органов государственной власти и населения, в более современной формулировке – о системе их коммуникации.

Взаимодействие населения с органами власти все чаще происходит вынуждено и при возникновении сложных ситуаций, далеко не всегда рядовые граждане готовы обращаться в правоохранительные органы или в Администрацию города, района или области или же к Президенту или Правительству¹. Причиной тому лежат социальные установки, распространенные в общественном мнении относительно того, что власть не может решить вопросы, затягивает процедуру рассмотрения, высоким уровнем бюрократии и так далее. Или же заведомо ожидает от представителей власти обмана или нежелания заниматься своим вопросом. Это может восприниматься и трактоваться как заговор власти против населения.

В СМИ регулярно появляются публикации на тему того, что власть выступает против народа или не занимается вопросами народа, а только своими, что и формирует данные представления и теории заговора². У эмоционально неустойчивых людей данный момент может привести к неадекватному поведению, а порой и агрессивному поведению, способному нанести вред не только окружающим, но и самому себе. Данные примеры мы можем найти в классической теории пралогического мышления Л. Леви-Брюля³, а также современных исследователей И.Е. Головаха-Хикс⁴, Л.И. Кабанова⁵ и Р.Г. Ардашева⁶, а также в особенностях добровольной стигматизации через возникновение разнообразных форм противопоставления себя и общества (О.А. Полюшкевич⁷).

1 Спиридонова А.А., Журавлева И.А. Основные вопросы обращения граждан в Аппарат Губернатора и Правительства Иркутской области // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 90-92.

2 Власть против народа / Свободная Россия [электронный ресурс] // URL: <http://freedomrussia.org/tag/vlast-protiv-naroda/> (дата доступа 23.02.20)

3 Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

4 Головаха-Хикс И.Е. Концепция пралогического мышления Л. Леви-Брюля и роль мистического в современном сознании (на материале современных верований и фольклорных нарративов) // Традиционная культура. 2011. № 3 (43). С. 164-173.

5 Кабанова Л.И. Игры с «пра-логическим» // Studia Culturae. 2019. № 39. С. 47-55.

6 Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественно-го сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 февр. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 40-48.

7 Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. Иркутск: ИГМУ, 2019. С. 24-29; Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Все-

Изучение страхов населения в отношении предоставления государственных услуг стало основой нашего исследования. Его мы провели на электронной платформе опросов google.com в 2020 году. В нем приняли участие 856 человек со всей России в возрасте от 18 до 75 лет, 58% женщин и 42% мужчин.

Таблица 1. Страхи граждан в отношении взаимодействия с органами власти.

Страх	Процент
Потеряется информация	45,6
Не дойдет до адресата	35,7
Форма обмана, когда нет человека, отвечающего за обращение	24,5
Данные обращения можно использовать против меня	18,7
Возможность для власти ничего не делать или оттянуть максимально сроки	15,4
Я могу ошибиться в чем-то	11,2
Другое	7,5

*можно было указывать несколько вариантов ответа

Как видно из таблицы, большая часть респондентов боится того, что их обращение «потеряется информация» или «не дойдет до адресата» – 45,6% и 35,7%; на втором месте, что данная система работы является «формой обмана» – 24,5%, на третьем, что эти данные «можно использовать против меня же» – 18,7%, на четвертом – возможность власти «не работать, ничего не делать» – 15,4%.

Из данных ответов видно, что только в одном из вариантов «я могу ошибиться в чем-то» (11,2%) граждане готовы брать ответственность на себя, что это они сами могут что-то не знать и сделать не правильно. Во всех остальных случаях – это акцент на внешние ресурсы, что к ним угроза может прийти извне («от власти», «от институтов», «от врагов» и т.д.). Это один из вариантов развития и подтверждения теорий заговора, которые формируют поведение людей, заставляя искать подводные камни в обычных и обыденных вещах. Этот факт может стать преградой к распространению цифровизации

русской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженикова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 171-174; Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. С. 63-68; Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 9. С. 182-187.

или непринятия новых форм работы в современных условиях для определенной части населения.

Среди женщин и людей среднего и старшего возраста представителей иррационального мышления и иррациональных страхов больше, чем среди молодежи. Среди мужчин больше в старшей возрастной группе, среди женщин в средней (см. таблицу 2). Возможно, это можно объяснить большей внушаемостью женщин и готовностью верить в негативные сценарии взаимодействия с органами власти. У мужчин данный уровень недоверия может развиваться в большее старшем возрасте.

Среди лиц с более низкими доходами их в два раза больше, чем среди тех, кто имеет более высокий социальный статус и материальный доход (см. таблицу 3).

Как видно из таблиц 2 и 3, люди среднего и

старшего возраста, как правило, не очень успешно социализированные (с доходом до 20 000 рублей на одного члена семьи) – 62% из указанного распределения, подвержены большим иррациональным страхам чем все другие группы населения. К этому добавляются психологические особенности личности. Но в целом, развитию иррационального мышления способствует информация из вне (СМИ и Интернет) и внутренняя готовность найти виноватых из вне, и постоянное ожидание подвоха от органов власти.

Обобщая полученные данные, мы провели факторный анализ результатов исследования. При анализе иррациональности общественного сознания нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития сознания, при описании 82% общей дисперсии.

Таблица 2. Возрастное и гендерное распределение распространения иррациональных страхов.

Страхи	Младшее поколение (18-30 лет)		Среднее поколение (31-50 лет)		Старшее поколение (51 год и старше)	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Потеряется информация	6,3	12,3	38,8	45,6	54,9	42,1
Не дойдет до адресата	3,6	7,2	42,1	43,1	54,3	49,7
Форма обмана, когда нет человека, отвечающего за обращение	2,2	14,5	36,6	46,1	61,2	39,4
Данные обращения можно использовать против меня	5,6	8,7	53,1	37,9	41,3	53,4
Возможность для власти ничего не делать или оттянуть максимально сроки	5,5	5,5	46,6	45,4	52,1	49,1
Я могу ошибиться в чем-то	15,6	18,2	47,7	40,1	36,7	41,7

Таблица 3. Взаимосвязь уровня дохода и иррациональных страхов.

Страхи	Уровень дохода на члена семьи				
	до 10000	От 11000 до 20000	От 20000 до 30000	От 30000 до 40000	Более 40000
Потеряется информация	43,2	45,7	5,1	3,7	2,3
Не дойдет до адресата	44,7	44,7	4,9	2,9	2,8
Форма обмана, когда нет человека, отвечающего за обращение	41,1	46,1	5,7	3,9	3,2
Данные обращения можно использовать против меня	43,7	42,2	6,3	4,2	3,6
Возможность для власти ничего не делать или оттянуть максимально сроки	37,3	48,7	5,9	4,6	3,5
Я могу ошибиться в чем-то	41,2	42,3	6,9	5,2	4,4

Таблица 4. Факторный анализ иррациональности общественного сознания при взаимодействии с органами власти.

Фактор	Переменные	Коэффициент
Социально-исторический Вес фактора – 16,9. Объяснительная дисперсия – 28,7%	Обращение к органам власти мало чем хорошим заканчивается	0,754
	Каждый сверчок, знай свой версток	0,727
	Что положен Юпитеру, не положено быку	0,703
Социально-психологический Вес фактора – 14,2. Объяснительная дисперсия – 24,4%	Где мы, и где они – мы говорим на разных языках и живем в разных мирах	0,743
	Если я не прав, то еще и чужое на меня повесят	0,722
	Справедливости в мире нет	0,689
Поведенческо-средовой Вес фактора – 11,5. Объяснительная дисперсия – 18,3%	Надо решать все мирно, без участия власти	0,688
	Качество работы зависит от того, сколько усилий приложил	0,672
	Чем больше людей знают о твоей проблеме, тем легче добиваться правды	0,624

Социально-исторический фактор актуализируется тогда, когда опыт обращения в органы власти имеет давнюю, зачастую негативную историю. Возможно в семье были осужденные или репрессированные люди, или права членов семьи нарушались на работе или на месте проживания. Это сформировало определенные установки поведения и отношения к органам власти, и транслируется на другие поколения и всех членов семьи.

Так как можно доверять представителям власти? Деда посадили, потом казнили, бабка одна растила детей и всю жизнь мыкалась, так как на работу нормальную не брали, как жену врага народа, дети, в том числе и мой отец, постоянно страдали от притеснений. Ни советская власть нашему роду ничего не дала, да и от российской мало толку. (М.Н., инженер, 43 года).

В нашей стране так заведено, что каждому надо знать свое место – и все будет хорошо. На чужое не зарься, но если плохо лежит – то бери. Но надо знать, чье и когда можно и нужно брать. (С.В., крановщик, 49 лет).

Социально-психологический фактор формируется как установка взаимодействия основанная на личных страхах и предубеждениях, основанных на неадекватной самооценке и приписывании определенных качеств всем представителям органов власти.

Да я точно знаю, что мое обращение никто рассматривать не будет, сразу выбросят. Так уже не раз было. Мои интересы не волнуют ни государственных служащих, ни кого-то еще. Я же не депутат или бизнесмен богатый, я простой человек, а мои интересы и проблемы никому не интересны, так как не позволят никому получить ни новую

должность, ни даже премию (О.Д., медсестра, 40 лет).

Да что у них дел больше нет, чем мои проблемы решать? Я не настолько значимый человек, чтобы важных людей отрывать от работы. Как-нибудь справлюсь и преодолеем трудности. Но чтобы в полицию или к депутату или в государственный орган обращаться – я никогда не решусь на такое, чтобы ни случилось (О.П., учитель начальных классов, 31 год).

Поведенческо-средовой фактор зависит от той среды, в которой взаимодействует человек. Прежде всего это стратегии взаимодействия: уйти от социума никого не посвящая в свои проблемы или наоборот всем и каждому рассказывать, что не так и как это исправить.

У меня весь дом знает, как я ремонт сделала и как теперь трубы подтекают, а из ЖЭКа ничего не хотят делать, я на них столько жалоб написала, что участковый меня обходит стороной, в прокуратуре также дежурный узнает в лицо. И к депутату писала обращение. Если не поможет и он, то буду Президенту писать, на телевидение поеду – везде шарлатаны, надо выводить их на чистую воду – пусть знают о них все (М.С., пенсионерка, 60 лет).

Я стараюсь не поднимать много шума, всегда решаю вопросы по тихому. Даже если приходится обращаться в органы власти, то стараюсь договориться без особых проблем. Пока получалось, хотя результат не всегда был такой, как мне хотелось. Можно было бы идти дальше, опротестовывать дело, но я побоялась, зачем воду мутить на пустом месте (С.С., экономист, 45 лет).

Таким образом, иррациональные формы мыш-

ления, основанные на различных страхах, подкрепляются негативными ожиданиями, усиливающимися из информационной среды окружения человека, а также собственной недостаточной социальной реализацией, готовностью верить в обман и нежелание им помочь со стороны органов власти. Нами доказаны формы иррациональности общественного мнения, основанного на особенностях взаимодействия населения с представителями власти.

References

- [1] Ardashev R.G. Forms of the irrationality of public consciousness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects: materials of IV All-Russian. scientific-practical conf. Irkutsk, Feb 17 2020 / FSBEI HE "ISU"; under the general. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. P. 40-48.
- [2] Power against the people / Free Russia // URL: <http://freedomrussia.org/tag/vlast-protiv-naroda/> (02.23.20)
- [3] Golovakha-Hicks I.E. The concept of pralogical thinking of L. Levy-Bruhl and the role of the mystical in modern consciousness (based on modern beliefs and folklore narratives) // Traditional Culture. 2011. № 3 (43). P. 164-173.
- [4] Kabanova L.I. Games with the "pre-logical" // Studia Culturae. 2019. № 39. P. 47-55.
- [5] Levy-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. M., 1994.
- [6] Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis in the framework of the I. Hoffmann concept // Health Philosophy: Integral Approach. Interuniversity collection of scientific papers. Issue 5. Irkutsk: IGMU, 2019. P. 24-29.
- [7] Polyushkevich O.A. Public discontent in urban space // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. Novosibirsk: CPI NSU, 2019. P. 171-174.
- [8] Polyushkevich O.A. Public discontent in social reproduction // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the III international scientific and practical Internet conference: in 2 parts. Vologda: VolNT's RAS, 2018. P. 63-68.
- [9] Polyushkevich O.A. Social dissatisfaction in the social and natural framework // The problem of the ratio of natural and social in society and man. 2019. № 9. P. 182-187.
- [10] Spiridonova A.A., Zhuravleva I.A. The main issues of citizens' appeals to the Office of the Governor and Government of the Irkutsk Region // Bulletin of the Irkutsk University. 2019. № 22. P. 90-92.

Библиографический список:

- [1] Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 февр. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 40-48.
- [2] Власть против народа / Свободная Россия // URL: <http://freedomrussia.org/tag/vlast-protiv-naroda/> (дата доступа 23.02.20)
- [3] Головаха-Хикс И.Е. Концепция пралогического мышления Л. Леви-Брюля и роль мистического в современном сознании (на материале современных верований и фольклорных нарративов) // Традиционная культура. 2011. № 3 (43). С. 164-173.
- [4] Кабанова Л.И. Игры с «пра-логическим» // Studia Culturae. 2019. № 39. С. 47-55.
- [5] Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- [6] Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. Иркутск: ИГМУ, 2019. С. 24-29.
- [7] Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в городском

пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В. В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженакова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 171-174.

- [8] Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. С. 63-68.
- [9] Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 9. С. 182-187.
- [10] Спиридонова А.А., Журавлева И.А. Основные вопросы обращения граждан в Аппарат Губернатора и Правительства Иркутской области // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 90-92.

Охременко И.В.

Кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой менеджмента и коммерции,
Волгоградский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Россия, г. Волгоград).

Парламентские демократии европейских стран: анализ институционально-политических и конституционно-правовых типов*

Аннотация. В статье осуществлен анализ институциональных и конституционно-правовых признаков и детерминант парламентских демократий. На основании осуществленного анализа выделены системные типы позитивного и негативного парламентаризма. Показано, что значимым фактором детерминации парламентских демократий становятся осуществленные в парламентах вотумы доверия кабинетам правительства. Определены признаки систем позитивного и негативного парламентаризма, приведены их примеры в европейских странах.

Ключевые слова: парламентская демократия, вотум доверия, инвеститура, системы позитивного парламентаризма, системы негативного парламентаризма.

Okhremenko I.V.

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Head of the Department of Management and Commerce, Volgograd Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education Plekhanov
Russian Economic University (Russia, Volgograd).

European parliamentary democracies: an analysis of institutional-political and constitutional legal types

Abstract. The article analyzes the institutional and constitutional-legal features and determinants of parliamentary democracies. Based on the analysis, system types of positive and negative parliamentarism are identified. It is shown that the votes of confidence in the government's offices implemented in parliaments become a significant factor in determining parliamentary democracies. The signs of positive and negative parliamentarism systems are determined, their examples are given in European countries.

Key words: parliamentary democracy, vote of confidence, investiture, systems of positive parliamentarism, systems of negative parliamentarism.

Европейские парламентские демократии являются странами, для которых характерен высокий уровень принятия принципов верховенства права и в целом «примат» норм права, вследствие чего определяющую роль в формировании и функционировании политических институтов играют принципы их институционального и конституционно-правового регламентирования. Соответственно, сочетание конституционно-правовых и институциональных атрибутов органов власти в парламентских демократиях представляет собой как теоретико-методологическую, так и эмпирическую политологическую проблематику, ведь может способствовать выделению различных типов демократий. Именно на этом актуализирована представленное научное исследование, в котором осуществлена попытка таксономии европейских парламентских демократий.

Предложенная проблематика разной степени нашла отражение в трудах многочисленных исследователей. В частности, в работах Х.А. Чейбуба, Ш. Мартина, Б. Раша и К. Строма [1; 2; 3], выявлено, что типологизация парламентских демократий определяется конституционно-правовыми и институциональными параметрами, имплементированными в различных формах и системах правления (это исключительно полупрезидентские и парламентские республики и монархии), однако сегодня чаще всего детерминирована процедурами и особенностями формирования, функционирования и ответственности правительств, которые чаще всего определяются на основе вотумов доверия/инвеституры и недоверия. Это, по мнению В. Богданора [4], соответствует принятому определению парламентской демократии как любой системы

* © Охременко И.В., 2020.

Парламентские демократии европейских стран: анализ институционально-политических и конституционно-правовых типов

исполнительно-законодательных, институционально-политических и конституционно-правовых отношений, согласно которых правительственный кабинет (как исполнительная власть) поддерживается или отрицается парламентом (законодательной властью). Это определяет два ключевых вывода: во-первых, правительственные кабинеты для того, чтобы быть сформированными (то есть прийти к власти) и функционировать (осуществлять власть и оставаться при власти), должны хотя бы быть признанными парламентским большинством; во-вторых, парламентские демократии являются демократиями «ассамблейного или парламентского доверия» [5].

Однако это еще не означает, что правительственные партии, инкорпорированные через правительства, должны суммарно составлять большинство в парламентах, ведь: в одних случаях регламентировано, что правительство должно быть наделено поддержкой парламента или ведущей палаты парламента настолько долго, пока большинство не выступит против него; в других случаях очерчено, что парламентское доверие правительственному кабинету сохраняется лишь тогда, когда парламентское большинство выражает свою поддержку правительству путем парламентских голосований различных инициатив, которые предлагает кабинет [6]. Первые случаи в политической науке привычно именуют «негативным парламентаризмом» (или «негативными» правилами формирования правительств), а вторые случаи – «позитивным парламентаризмом» [7] (или «позитивными» правилами формирования правительств).

Х.А. Чейбуб, Ш. Мартин и Б. Раш [2] отмечают, что существует два набора институциональных инструментов, которые детерминируют позитивный и негативный парламентаризм: а) инструменты, касающиеся формирования и существования правительственного кабинета; б) инструменты, которые относятся к полномочиям правительственного кабинета влиять на повестку дня, а потому на способность мотивировать принятие законодательных актов, инициированных правительственным кабинетом и непосредственно править. Первый набор институциональных процедур, которые детерминируют позитивный и негативный парламентаризм, инкорпорирован в вотуме доверия ожидаемому правительству и вотуме недоверия действующему правительству, а второй набор – в вотуме доверия действующему правительству и других полномочиях правительства влиять на повестку дня деятельности парламента.

Различия позитивного и негативного парламентаризма, а также их влияние на формирование правительств прежде всего интересны с учетом того, каким образом реализуются вотумы доверия новым правительствам. Так, в системах негативного парламентаризма членами правительств могут

становиться те политические (парламентские) партии, которые не имеют непосредственной и четкой поддержки большинства депутатов парламентов или ведущих палат парламентов. Это контрастирует с системами позитивного парламентаризма, где правительства, перед тем, как они будут сформированы официально, должны заручиться поддержкой парламентского большинства в результате формальных процедур вотумов доверия. Требование доверия или инвеституры представляет собой своеобразный «барьер», который ожидаемое правительство должно преодолеть перед тем, как быть подтвержденным парламентом и приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей. При этом сама процедура вотума доверия может реализовываться различным количеством вариантов и на разных этапах правительственно-формообразовательного процесса и переговоров.

Это означает, что процедура вотума доверия может быть разной степени строгости. По этому поводу, к примеру, очевидно, что страна, в которой существует формальное требование получения ожидаемым правительством вотума доверия, перед тем как правительство приступит к исполнению своих полномочий в полном объеме, является примером системы позитивного парламентаризма, однако форма позитивного парламентаризма напрямую зависят от типа вотума доверия. Или другими словами: в условиях систем негативного парламентаризма потенциальное правительство для того, чтобы быть сформированным и функционировать, должно избегать наличия активного большинства в парламенте, которое выступает против правительства; в условиях систем позитивного парламентаризма правительство для того, чтобы быть сформированным и функционировать, должно получить четкую и прямую поддержку парламентского большинства, что позволит ему приступить к своим функциональным обязанностям. Это естественно очерчивает негласное правило, что легче избежать ситуации, когда оппонирует правительству парламентское большинство, чем ситуации, когда правительство должно получить поддержку парламентского большинства.

Исследуя различие парламентских демократий на основе вотумов доверия, Т. Бергман и Е.Р. Гербер [8] доказали сущность таких типов демократий, как системы позитивного и негативного парламентаризма.

В системах позитивного парламентаризма формирование правительства напрямую зависит от положительного (поддержанного квалифицированным, абсолютным или относительным парламентским большинством) вотума доверия правительства со стороны парламента. То есть правительство начинает деятельность только после того, как ему (его премьер-министру, персонально-му составу, политической программе) квалифици-

рованным, абсолютным или относительным большинством депутатов парламента (в зависимости от конкретного кейса) будет предоставлен вотум доверия. Соответственно, правительство действует до тех пор, пока оно пользуется доверием парламента или пока ему не будет высказано положительного вотума недоверия. А потому в условиях систем позитивного парламентаризма инвестирура правительству постоянна и обеспечивается как на этапе его формирования, так и в процессе его функционирования.

Зато в системах негативного парламентаризма формирование кабинетов правительства напрямую не зависит от положительного вотума доверия или зависит от негативного вотума доверия правительству со стороны парламента. Негативный вотум правительству означает, что для того, чтобы правительство начало функционировать, оно должно получить вотум доверия, суть которого в том, что против премьер-министра, состава или программы правительства не должно проголосовать абсолютное парламентское большинство. Другими словами, парламентские партии могут стать правительственными даже без «видимой и явной» поддержки большинства депутатов. То есть правительство в условиях системы негативного парламентаризма начинает деятельность уже после того, как оно или его премьер-министр номинированы главой государства или парламентом без имеющейся поддержки абсолютным или относительным большинством депутатов парламента при условии, что против не голосует абсолютное парламентское большинство. Соответственно, считают, что правительство получает парламентское доверие самим фактом номинирования его премьер-министра и состава правительства или неоспариванием кандидатуры премьер-министра и состава правительства абсолютным парламентским большинством. Правительство действует до тех пор, пока ему не высказано вотума недоверия или пока не отказано в «молчаливом» или «негативном» доверии. А это означает, что в условиях систем негативного парламентаризма доверие правительству не всегда основывается на парламентском большинстве, но также может не обеспечиваться или обеспечиваться «негативно» в процессе формирования правительства. Зато, отказ в доверии действующему правительству или неудовлетворение требований «негативного» доверия в процессе функционирования правительства является причиной его досрочного прекращения полномочий. Фактически, система негативного парламентаризма – это сценарий, базирующийся на постоянном «молчаливом» доверии правительству, поддержанному большинством депутатов парламента, или на постоянном отрицательном доверии правительству, против чего не выступает абсолютное большинство депутатов парламента. Неполучение или потеря правитель-

ством позитивного доверия или необеспечение правительства негативным доверием парламента в системах негативного парламентаризма влечет отставку правительства или одновременно отставку правительства, роспуск парламента и его досрочные выборы.

Это означает, что институт парламента в процессе формирования правительств в системах негативного парламентаризма менее весом, чем в системах позитивного парламентаризма. Зато, власть парламента в системах негативного парламентаризма особенно проявляется при функционировании правительства, ибо отказ в «молчаливом» доверии правительству или необеспечение негативного доверия правительству со стороны парламента по любому вопросу компетенции правительства является непосредственной причиной отставки правительства. Поэтому в отличие от систем позитивного парламентаризма, в которых правительство постоянно и активно зависит от поддержки большинства в парламенте, в системах негативного парламентаризма большинство в парламенте не должно постоянно и активно выступать против правительства [9].

Накладывая полученные теоретико-методологические выводы на институциональные и конституционно-правовые атрибуты европейских демократий, вполне очевидно, что классическими примерами систем позитивного парламентаризма среди них до настоящего времени являются Болгария, Греция, Эстония, Ирландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Мальта, Германия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Сербия, Венгрия, Финляндия (с 2000 г.), Франция (1945-1958 гг.), Хорватия, Чехия, а также Черногория. Зато, классическими примерами негативного парламентаризма среди европейских парламентских демократий являются Австрия, Дания, Исландия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Финляндия (1945-2000 гг.) и Франция (с 1958 г.) [10].

Вместе с этим, отмечаем, что в некоторых европейских парламентских демократиях предусмотрены вотумы доверия правительствам, однако такие страны не являются примерами систем позитивного парламентаризма, а скорее тяготеют к системам негативного парламентаризма. Речь идет о Португалии и Швеции, позиционирование которых как систем негативного парламентаризма обусловлено особенностями вотумов доверия правительственным кабинетам. Дело в том, что в этих странах предусмотрены парламентские вотумы доверия правительствам, однако они являются отрицательными, то есть правительство, чтобы быть сформированным, не должно быть отрицаемо абсолютным большинством депутатов парламента. Это называют «негативным большинством» и очерчивают техникой сочетания принципов негативного и позитивного парламентаризма [11].

Фактически это правило является формализацией в Португалии и Швеции системы негативного парламентаризма, поскольку правительства в этих странах функционируют до тех пор, пока абсолютное большинство депутатов парламентов не проголосует против них. И даже при условии, что относительное большинство депутатов парламентов проголосует против вотумов доверия правительства, последние продолжают полномочия, поскольку не произойдет достижение «порога» негативного большинства. Отличие Швеции и Португалии в том, что в Швеции отрицательный вотум доверия правительственному кабинету имеет прогностическое значение (парламент Швеции должен утвердить кандидатуру премьер-министра от спикера парламента, то есть принять ее, не проголосовав абсолютным большинством своих членов против нее), а в Португалии - актуальное или фактическое значение (назначенное главой государства правительство со своей программой должен быть не отрицаемо абсолютным большинством депутатов парламента Португалии).

В отдельных европейских парламентских демократиях имплементированы правительственно-формообразующие процедуры, которые на первый взгляд напоминают парламентские вотумы доверия, хотя структурно они от них отличаются. Для обозначения таких процедур в политической науке используют понятие «момент инвеституры». Фактически, моментом инвеституры является тот этап процесса формирования правительства, во время которого парламент имеет возможность выразить свою позицию относительно целесообразности его формирования. Причем так, что позиция парламента является важной для формирования и дальнейшего функционирования правительства. А это означает, что момент инвеституры по своему функциональному назначению напоминает вотум доверия, но иногда законодательно от него отличается. Это свойственно для таких стран, как Бельгия и Соединенное Королевство.

Специфика Бельгии в том, что в этой стране момент инвеституры касается не просто должности форматора правительства, но и состава и политической программы правительства: глава государства (монарх) предлагает премьер-министра, который на протяжении определенного времени ведет переговоры с парламентскими партиями о составе и политической программе правительства, которые в конечном результате должны быть утверждены парламентом. Соответственно, бельгийский кейс момента инвеституры функционально напоминает случай положительного вотума доверия правительственному кабинету, ибо несогласие парламента на формирование правительственного кабинета является решающим [12]. И это несмотря на то, что между номинарованием главой государства премьер-министра и получением правительством

инвеституры парламента правительственный кабинет в Бельгии трактуют как полноправный.

Зато, специфика Соединенного Королевства в том, что в этой стране момент инвеституры касается исключительно поста премьер-министра: Корона по результатам учета партийно-политической композиции парламента назначает премьер-министра, но парламента придает этой кандидатуре одобрение на своем первом заседании после выборов (это происходит в формате вотума доверия на речь премьер-министра на первом заседании избранного парламента). Но поскольку процедура одобрения премьер-министра не формализована конституционно, а также не соответствует классическому пониманию парламентского вотума доверия, а скорее является общепринятой практикой, британский кейс традиционно считают примером системы негативного парламентаризма. Хотя довольно часто звучат мнения о том, что британский кейс - это пример синтеза позитивного и негативного парламентаризма, ибо момент инвеституры в Соединенном Королевстве является символической и утвердительно-положительной (за которую голосует абсолютное большинство от состава парламента) процедурой, которая реализуется исключительно на основании соглашений и политических договоренностей [13].

Подводя итог проведенного анализа, добавляем к перечню кейсов позитивного парламентаризма Бельгию, а в перечень кейсов негативного парламентаризма - Португалию, Соединенное Королевство, Швецию.

Заключение

Системы позитивного парламентаризма - это правительственно-формообразующие ситуации, в которых ожидаемые правительства должны быть поддержаны парламентами или ведущими палатами парламентов, а системы негативного парламентаризма - это правительственно-формообразующие ситуации, в которых ожидаемые правительства не должны быть поддержаны парламентами или ведущими палатами парламентов, а должны ими быть только неоспоримы. Разница между позитивным и негативным парламентаризмом является системной, ведь она влияет не только на процесс формирования и ответственности правительственного кабинета, но и на другие очень важные аспекты деятельности правительственного кабинета в течение периода его функционирования. Базовым отличительным маркером выделения систем позитивного и негативного парламентаризма является наличие или отсутствие вотума доверия ожидаемому правительственному кабинету, то есть определение формальных правил комплектования правительственного кабинета в той или иной парламентской демократии.

References

- [1] Cheibub J.A. Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy. - Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 221 p.
- [2] Cheibub J.A., Martin S, Rasch B.E. Government selection and executive powers: Constitutional design in parliamentary democracies // *West European Politics*. 2015. Vol. 38 (5). P. 969-996.
- [3] Strom K, Budge I, Laver M.J. Constraints on cabinet formation in parliamentary democracies// *American Journal of Political Science*. 1994. Vol. 38. P. 303-335.
- [4] Bogdanor V. The government formation process in the constitutional monarchies of North-West Europe // Kavanagh D. *Comparative Government and Politic*. - Boulder: Westview Press. 1984. 247 p
- [5] Martin S. Electoral institutions, the personal vote, and legislative organization // *Legislative Studies Quarterly*. 2011. Vol. 36 (3). P. 339-361.
- [6] De Winter L. The role of parliament in government formation and resignation // Herbert D. (ed), *Parliaments and Majority Rule in Western Europe*. - New York: St. Martin's Press. 1995. P. 115-151.
- [7] Golder M, Golder S.N., Siegel D.A. Modeling the institutional foundation of parliamentary government formation // *Journal of Politics*. 2012. Vol. 74 (2). P. 427-445.
- [8] Bergman T., Gerber E.R., Kastner S. The empirical study of cabinet governance // Kaare S., Müller W.C., Bergman T. (eds), *Cabinets and Coalition Bargaining: The Democratic Life Cycle in Western Europe*. - Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 85-122.
- [9] Bäck H., Dumont P. Making the first move: a two-stage analysis of the role of formateurs in parliamentary government formation // *Public Choice*. 2008. Vol. 135 (3-4). P. 353-373.
- [10] Mattila M., Raunio T. Does winning pay? Electoral success and government formation in 15 West European countries // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43 (2). P. 263-285.
- [11] Bergman T. When minority cabinets are the rule and majority coalitions the exception // Muller W., Strom K. *Coalition governments in Western Europe*. - Oxford University Press. 2000. P. 193-225
- [12] André A., Depauw S., Deschouwer K. Changing investiture rules in Belgium // Bjørn E.R., Martin S., Cheibub J.A. (eds), *Parliaments and Government Formation: Unpacking Investiture Rules*. - Oxford: Oxford University Press. 2015. P. 49-66.
- [13] Kelso A. Parliament and government formation in the United Kingdom: a hidden vote of investiture // Bjørn E.R., Martin S., Cheibub J.A. (eds), *Parliaments and Government Formation: Unpacking Investiture Rules*. - Oxford: Oxford University Press. 2015. P. 29-48.

Козлов В.И.

Кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и коммерции.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» Волгоградский филиал.

Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе*

Аннотация. Концепция меритократии, появившись в середине XX в., стала продолжением технократических идей управления обществом, возникшие после научно-технической революции. В статье рассматриваются основные аспекты появления и дальнейшей трансформации концепции меритократии. Осуществлен анализ особенностей использования понятия «меритократия» в современном философско-социологическом дискурсе. Продемонстрирован опыт реализации принципов меритократии при формировании политической элиты на примере различных стран.

Ключевые слова: меритократия, принципы меритократии, политическая элита, социальная стратификация.

Kozlov V.I.

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Management and Commerce. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«G.V. Plekhanova's Russian Economic University» Volgograd branch.

The concept of meritocracy in modern philosophical and sociological discourse

Abstract. The concept of meritocracy, having appeared in the middle of the twentieth century, was a continuation of the technocratic ideas of managing society that arose after the scientific and technological revolution. The article discusses the main aspects of the emergence and further transformation of the concept of meritocracy. The analysis of the features of the use of the concept of «meritocracy» in the modern philosophical and sociological discourse. The experience of the implementation of the principles of meritocracy in the formation of the political elite on the example of various countries is demonstrated.

Key words: meritocracy, principles of meritocracy, political elite, social stratification.

Введение

Актуальность выбранной проблематики обусловлена все более частым появлением термина «меритократия» в современном философско-социологическом дискурсе. Меритократия как идеология, политическая система, а также метод социальной стратификации требует сегодня глубокого научного осмысления в современных политических и общественных реалиях. У истоков формирования концепции меритократии находились такие исследователи как: М. Янг [1, 2], Д. Белл [3], С. Хоней и А. Хуртадо [4] и др. Среди отечественных ученых этой проблематике посвятили свои работы Г.К. Ашин [5], О.В. Крыштановская [6], Е.С. Балабанова [7], С.А.Рябкова [8] и др. Однако, актуальность темы делает необходимым дальнейший научный анализ концепции меритократии.

В статье автор ставит целью осветить историю появления и дальнейшей трансформации понятия «меритократия», проанализировать аспекты при-

менения его в современном философско-социологическом дискурсе, а также очертить возможности использования принципов меритократии в политической и общественной жизни.

Результаты исследования

С момента образования общества с четкой иерархией и появления первых государств перед человечеством встала проблема отбора лидеров, способных управлять большими человеческими коллективами. В разные времена критерии отбора управленцев были разными, однако поиск наиболее оптимального решения беспокоил философов и ученых всех времен. Идеи о том, что обществом должны руководить лучшие, самые образованные, мудрые имеют тысячелетнюю историю - стоит вспомнить концепции Платона, Конфуция, Ф. Бекона, Т. Кампанеллы и др.

Однако только в XX в. с его научно-техниче-

* © Козлов В.И., 2020.

Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе

ским прогрессом и вызовами, что он вызвал, появились качественно новые теории отбора элиты и принятия управленческих решений в области политики, экономики и других сфер жизни общества. Эти концепции, объединенные общим названием «технократические», предусматривали передачу управления государством научно-техническим специалистам, людям, которые имеют чрезвычайные интеллектуальные способности, особые знания и квалификацию.

В этом контексте стоит упомянуть концепции технологического детерминизма Т. Веблена (1920-е гг.), «революции менеджеров» Дж. Бернхейма (1941 г.), Дж. Гэлбрейта и его «новое индустриальное общество» (1967 г.), Д. Белла с идеями об устройстве постиндустриального общества (1973 г.), технотронного общества З.Бжезинского (1970-е гг.), идеи «третьей волны» Е. Тоффлера (1980 г.). Все эти теории основаны на меритократических принципах (от лат. *meritus* - достойный и греч. *kratos* - власть).

Сам термин «меритократия» появляется в 1950-е гг., причем изначально значение его имело негативную окраску. Так, в 1954 г. в своей работе «Кризис образования» немецко-американский философ, политолог Х. Арендт использует этот термин как синоним олигархии, обусловленной не богатством или правом рождения, а талантом [9]. Через четыре года, в 1958 г., выходит эссе М. Янга «Возвышение меритократии: 1870-2033», антиутопия, в которой описывается общество, устроенное по принципу меритократии. Несправедливость устройства, в конце концов, приводит к революции и свержению элиты, оторванной от народа. Поучительность произведения осталась в прошлом, а термин «меритократия» начали использовать в другом, позитивном значении. С 1950-х гг. и до настоящего времени это понятие становилось предметом рассмотрения многих ученых и исследователей.

Так, о неизбежности меритократии как принципа стратификации общества будущего писал Д. Белл, автор теории постиндустриального общества. В своей книге «Приход постиндустриального общества» (1973 г.) он подчеркивает, что принадлежность к определенному классу должно определяться не происхождением или состоянием, а способностями, образованием и квалификацией. Высокий статус должен предоставляться человеку на основе его личных достижений, признания его авторитета равными ему людьми [10].

Э. Тоффлер, теоретик «третьей волны» развития общества, также отмечает, что будущее мировой политики - за образованными людьми, которые обладают впечатляющим спектром знаний и энергией созидания. Исследователь пишет о формировании «нового класса» образованных рабочих в области информации, интеллектуалов и техников, которые будут бороться с политиками и управленцами «второй волны» [11].

Интересным является определение М. Кроль, по мнению которой, меритократия является формой автократии, в которой власть принадлежит природной аристократии - правящей интеллектуальной элите [12].

По мнению Р.Дж. Корбетта, меритократия - это концепция/система социальных отношений/принципов управления, при которой власть может осуществляться людьми, отличающимися своими способностями, достижениями, профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или предоставленным им статусом. Исследователь отмечает, что меритократическая модель с девизом «каждому по его заслугам» направлена против несправедливого распределения политических ценностей, основанного на знакомствах, связях, наследовании должностей и др. В основе иерархического построения общества, по мнению Р.Дж. Корбетта, должен лежать принцип зависимости должности лишь от способностей и достижений конкретного лица [13].

С. Ким и Ю. Чой считают, что меритократия - это такая система общественных отношений, в которой человек оценивается и получает признание исключительно за личные достижения, а на руководящие должности избираются и назначаются исключительно честные и самые компетентные люди, независимо от их партийной принадлежности, пола, этнического или социального происхождения, религиозных убеждений и материального положения [14].

Таким образом, анализируя современный философско-социальный дискурс, можно прийти к выводу, что понятие «меритократия» употребляется в нескольких значениях. Согласно первому, «меритократия» - это идеология, концепция, совокупность взглядов, основанная на идее обратной связи между навыками, трудолюбием и образованием, и статусом в обществе, властной должностью, принадлежностью к принятию управленческих решений. Согласно второму, меритократия - система социально-политического устройства, при которой у власти находятся квалифицированные профессионалы с определенным опытом, личными качествами и добродетелями. Она реализована, по крайней мере частично, в таких странах, как Сингапур, Китай, Тайвань. Согласно третьему, меритократичность как принцип отбора политической элиты сегодня реализована в большинстве развитых стран, часто в виде технократических правительств. Она направлена, прежде всего, на сохранение существующего статус-кво и подкрепляется неолиберализмом в экономике.

Научное осмысление концепции меритократии и анализ опыта отдельных стран, которые пытались воплотить в жизнь ее принципы, позволяет определить основные проблемы ее реализации. Среди самых главных можно назвать следующие: невоз-

возможность создать универсальный критерий (систему критериев) для отбора кандидатов на должности; справедливость устройства общества меритократии; адекватная оценка правильности выбранного курса развития государства и общества элитой меритократии в условиях фактического отсутствия рычагов влияния.

Так, одним из важнейших вопросов в концепции меритократии является вопрос критериев для отбора кандидатов на должности. Личные качества человека (интеллект, склонность к эмпатии и т.п.) трудно измерить, а их измеряемые составляющие не обеспечат 100%-ного успеха работы на новой должности. Важным, однако не гарантирующим успех, являются опыт, достижения прошлых лет, ведь кандидат будет вынужден работать на новой должности, с новыми функциями и новой должностью. Эти проблемы по-разному решаются в разных странах. Например, Китай разработал всеобъемлющую систему отбора и продвижения управленцев, которая предусматривает десятилетия обучения и целый ряд экзаменов на разных стадиях их карьеры. Чтобы получить должность руководителя на уровне выше районного, китайцу необходимо иметь диплом колледжа и опыт работы на двух разных должностях уровнем ниже. Путь к должности заместителя министра занимает примерно 20 лет, причем кандидату необходимо принимать участие в работе партийных организаций, иметь опыт работы на государственных предприятиях и в общественных организациях. Только один из 140 тыс. управленцев поднимается на уровень провинции или министерства [15].

В Российской Федерации формируется состав резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента России, реализуется подготовки и обучения управленческих кадров в Высшей школе государственного управления. В Великобритании большинство государственных постов занимают выпускники Оксфорда и Кембриджа [16].

В Сингапуре, который считается наиболее приближенным к воплощению меритократической концепции управления государством, действует специальная Комиссия по вопросам государственной службы по отбору кадров. Она состоит из профессионалов, пришедших из частного сектора и ранее никогда не занимавших политических или административных должностей. В компетенцию комиссии входит подбор персонала на государственные должности и дальнейшее их продвижение, дисциплинарный контроль госслужащих, управление программой стипендиатов правительства Сингапура. Главным инструментом пополнения кадрового резерва высших управленцев страны являются стипендии правительства, стипендиатов выбирают по двум характеристикам: они должны входить в один процент лучших выпускников школы и обладать компетенцией управления (участвовать в волонтерских движениях, общественных организациях и

т.д.). Для продвижения государственных служащих дальше по карьерной лестнице с 1980-х гг. действует такой инструмент, как оценка результатов деятельности, содержащий самооценку результатов, качественную оценку результатов и оценку потенциала человека. Так, например, если до 35 лет кандидат не демонстрирует потенциала стать заместителем министра, ему предлагают уйти с государственной службы [17].

Критики меритократических концепций подчеркивают несправедливость меритократического устройства. К. Нельсен, канадский философ, указывает на ограничение ценностных ориентиров меритократического подхода к управлению государством, говоря, что на фундаментальном уровне меритократия - антигуманное общество. По его мнению, «жестко и бесчеловечно устраивать постоянную конкуренцию между людьми практически во всех сферах, с постоянной сортировкой, оценкой, рейтингованием людей в стремлении ко все большей эффективности и продуктивного общества. Такое общество подрывает все основы братства и солидарности между людьми...» [18, р. 34]. Действительно, духовными принципами меритократии являются индивидуальность, а не коллективизм, солидарность. Основой меритократии является постоянная конкуренция: чтобы получить выше положение в обществе и высокое качество жизни надо постоянно развиваться, развивать свои способности и превосходить в них других людей. Это, по сути, является социальным дарвинизмом, переносом биологического принципа естественного отбора на социальное развитие человечества.

Другим аспектом справедливости меритократического устройства является жесткость стратификации общества, которая более поляризована, чем классовый строй. Ведь качества, позволяющие человеку войти в высший класс интеллектуалов, потенциально определены при рождении, хотя формируются и развиваются в течение жизни. Именно поэтому апологет концепции меритократии Д. Белл писал о необходимости «справедливости принципов меритократического отбора» и отказе от унижения низших страт. Он указывает на возможную опасность воплощения меритократии на практике: «Родители с высоким статусом будут пытаться передать своим детям свои позиции через влияние или культурные предпочтения, и таким образом через поколение меритократия может превратиться в замкнутый привилегированный класс» [3, р.10].

Высшее образование, которое является гарантом успеха в меритократически ориентированном обществе, на самом деле не всегда доступно для широких слоев населения, прежде всего из-за его стоимости. Отсутствие возможности выбрать хорошую школу для ребенка, например в Германии, фактически закрывает ему дорогу в престижный университет. Стоимость обучения в американ-

ских университетах «Лиги плюща» и британских Оксфорде и Кембридже ограничивает участие потенциальных кандидатов в будущих карьерных свершениях. Вариантом решения этой проблемы являются стипендиальные частные и правительственные программы, инвестиции в среднее образование, профессиональная и целевая ориентация подростков. В Сингапуре, например, программа повышения социальной мобильности через увеличение выплат малообеспеченному населению, а также инвестиции в образование и медицину, получили название «сострадательной меритократии».

Еще одним недостатком меритократического устройства является невозможность влиять на выбранный курс со стороны низшего класса, отсутствие рычагов сдержек и противовесов. В обществе, где более способные берут на себя ответственность принимать решения за менее способных, отвергают возможность низшего класса участвовать в решении своей судьбы, будущего, существует угроза установления диктатуры интеллектуалов. М. Янг писал, что «если бы богатые и сильные поощрялись общей культурой общества верить, что они полностью заслужили все то, что они имеют, можно представить, какими самоуверенными они бы были, как беспощадно они бы защищали свои привилегии... Но власть не может быть ограничена, если простые люди, отвергнутые системой образования, не будут испытывать морального права противодействовать тем, кто находится при власти...» [1, р. 34]. Таким образом, меритократическое устройство подрывает чувство самоуважения у низшего класса.

Несмотря на указанные недостатки концепции меритократии и проблемы ее практической реализации, идеи меритократии остаются достаточно популярными в большинстве развитых стран.

Заключение

После проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, анализ современного философско-социологического дискурса показал, что термин «меритократия» используется в трех значениях - как концепция, совокупность взглядов; как система политического устройства, которая реализована в ряде стран; как принцип отбора политической элиты и формирование социально-политической системы в целом.

Во-вторых, практическое воплощение меритократии на практике сталкивается с рядом проблем, обусловленных природой меритократического подхода. Среди них можно назвать невозможность создать универсальную систему критериев для отбора кандидатов в политическую элиту, доступность высшего образования, справедливость меритократического устройства, жесткость стратификации меритократического общества, отсутствие рычагов влияния на правящую верхушку, обусловленную ее естественным преимуществом - интеллектом. Од-

нако, на практике эти проблемы, часть из которых находится в социально-философской плоскости, по-разному решаются в странах, которые стали на путь меритократии.

Таким образом, положительными факторами применения меритократических критериев к формированию политической элиты является занятие государственных должностей профессионалами, отсутствие коррупции в органах государственной власти, справедливое обновление политической элиты на основе объективных факторов. Среди негативных аспектов реализации меритократической концепции можно назвать ее антигуманный характер, который вынуждает людей к постоянной конкуренции, жесткость стратификации общества, основанной на объективных предпосылках, определенную замкнутость системы через недоступность качественного высшего образования для широких масс. Несмотря на это, идеи меритократии остаются популярными во многих развитых странах.

References / Библиографический список:

- [1] Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870–2033. - London: Thames & Hudson, 1958. 160 p.
- [2] Allen A. Michael Young's The Rise of the Meritocracy: A Philosophical Critique // British Journal of Educational Studies. 2011. Vol. 59. № 4. P. 367–382.
- [3] Bell D.A. Meritocracy is a Good Thing // New Perspectives Quarterly. 2012. Vol. 29. № 1. P. 8–18.
- [4] Haney, C., & Hurtado, A. (1994). The jurisprudence of race and meritocracy: Standardized testing and "race neutral" racism in the workplace. Law and Human Behavior, 18, 223–248.
- [5] Ashin G.K. Elitology: history, theory, modernity: monograph. - M.: MGIMO / University, 2010. 600 p.
- [6] Kryshchanovskaya OV Anatomy of the Russian elite. - M.: Zakharov, 2005. 384 p.
- [7] Balabanova E.S. The concept of meritocracy in modern research of organizations // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. Volume XIX. № 2 (85). P. 60–73.
- [8] Ryabkova S.A. Theoretical and methodological problems of elitological research // Theories and problems of political research. 2018. Volume 7. № 5A. P. 282–290.
- [9] Veck W., Jessop S. Hannah Arendt 40 years on: thinking about educational administration // Journal of Educational Administration and History. 2016. Vol. 48(2). P. 129–135.
- [10] Bell D. The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting. - M.: Academia, 2004. 944 p.
- [11] Toffler E. The Third Wave. - M.: AST, 2004. 781 p.
- [12] Krol M. Meritocracy as a kingdom of reason // Cloudwatcher. Laboratory of Social Innovations // URL: <http://cw.ru/analytics/3/view/35>
- [13] Corbett R.J. The Fading Promise of a More Meritocratic Society // Perspectives on Political Science. 2013. Vol. 42. № 4. P. 212–216
- [14] Kim C.H., Choi Y.B. How Meritocracy is Defined Today?: Contemporary Aspects of Meritocracy // Economics and Sociology. 2017. Vol. 10. № 1. P. 112–121.
- [15] Bell D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. - Princeton University Press, 2015. - 360 P.
- [16] Warikoo N. K., Fuhr C. Legitimizing Status: Perceptions of Meritocracy and Inequality among Undergraduates at an Elite British University // British Educational Research Journal. 2014. Vol. 40. № 4. P. 699–717.
- [17] Bellows T. J. Meritocracy and the Singapore Political System // Asian Journal of Political Science. 2009. Vol. 17. № 1. P. 24–44
- [18] Nelsen, K. Equality and Liberty: a Defense of Radical Egalitarianism / K. Nelsen. - New Jersey: Rowman & Allanheld, 1985. 211. p.

Дмитриева И.С.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента
и коммерции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» Волгоградский филиал.

Лодятая А.А.

Магистрант 1 курса. Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Волгоградский филиал.

Факторы модернизации социальных институтов*

Аннотация. В статье на основании анализа социологических исследований, в частности, последователей неoinституционального направления, определены ведущие факторы динамики социальных институтов и институциональной системы общества. Основным среди рассматриваемых факторов представляется фактор модернизации общепринятых ценностей. Помимо этого, в статье осуществлен анализ таких факторов, как противостояние между сущностным содержанием и организационной оформленностью социальных институтов, действие индивидуальных и групповых агентов социальных институтов. Также в статье рассмотрена проблема различных уровней рациональности как фактора трансформации современного общества.

Ключевые слова: социальный институт, факторы динамики социальных институтов, модернизация, трансформация, ценности.

Dmitrieva I.S.

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Department of Management and Commerce,
Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education Plekhanov
Russian Economic University, Volgograd branch.

Lodyataya A.A.

1st year undergraduate, Federal State Budgetary Educational
Institution Higher Education Plekhanov Russian Economic University, Volgograd branch.

Factors of modernization of social institutions

Abstract. Based on the analysis of sociological research, in particular, followers of the neo-institutional direction, the article identifies the leading factors in the dynamics of social institutions and the institutional system of society. The main among the factors considered is the factor of modernization of generally accepted values. In addition, the article analyzes such factors as the confrontation between the essential content and organizational structure of social institutions, the action of individual and group agents of social institutions. The article also considers the problem of various levels of rationality as a factor in the transformation of modern society.

Key words: social institution, factors of the dynamics of social institutions, modernization, transformation, values.

Введение

Одним из существенных направлений модернизации общества является целенаправленное осовременивание его институциональной системы. Теоретики раннего модернизма рассматривали эту проблему преимущественно в упрощенном виде: как перенос современных образцов институтов, которые поддаются осовремениванию, с

последующим автоматическим совершенствованием обществ под действием этих «привитых» институтов.

Современные авторы, например, Ф. Фукуяма, при рассмотрении возможностей перестройки институциональной системы модернизируемых обществ акцентируют внимание на необходимости учета ментальности, особенностей социокультур-

* © Дмитриева И.С., Лодятая А.А., 2020.
Факторы модернизации социальных институтов

ной ситуации общества-реципиента, невозможно неорганического сочетания новых институтов и неомодерного социума [1].

Таким образом, возникает проблема поиска оптимальных путей формирования, а, следовательно, и определения реальных факторов модернизации социальных институтов как одного из проявлений и одновременно направлений модернизации общества. Теоретико-методологической основой этого поиска, на наш взгляд, может быть неинституциональная теория, которая, в отличие от традиционного институционализма, фокусирует исследовательское внимание именно на динамических характеристиках социальных институтов, определении их причин и факторов, анализе проявлений и осмыслении последствий институциональных трансформаций.

Классики социологии, в частности Е. Дюркгейм [2] и Т. Парсонс [3], рассматривали социальные институты как своеобразные гаранты устойчивости социума, акцентируя внимание на стабильности их форм и содержательного наполнения. Вполне очевидно, что в условиях современного мира, противоречивого в своей динамике, растет потребность в анализе всех социальных подсистем с точки зрения их изменяемости, все новых вызовов и рисков, которые возникают как результат социальных трансформаций. Поэтому в современных социологических, политологических и экономических концепциях, которые акцентируют внимание именно на институциональном анализе, в частности в неинституциональных теориях, внимание обращается прежде всего на динамические изменения социальных институтов, взаимную обусловленность трансформаций институциональной системы и социума в целом [4].

В последние годы проблемы динамики социальных институтов стали предметом внимания и отечественных исследователей. Так, в монографии Г.Б. Клейнера проанализированы эффекты институциональных трансформаций постсоветского социума, сформулированы законы институциональных изменений на примере современных постсоветских обществ [5]. Однако, имея предметом анализа основные направления изменений институтов и их влияние на общество, автор не акцентирует внимание на факторах этих трансформаций, которые не только инициируют институциональные изменения, но и определяют их векторы.

Целью данной статьи является определение основных факторов трансформации институтов и институциональной системы как факторов динамики современного общества.

Методологические основы исследования

Рассмотрение обозначенной проблемы, по нашему мнению, следует вести в рамках, определенных следующими методологическими положениями:

- социальные институты, как и другие социальные феномены, всегда имеют исторический характер. Это предполагает признание фактов сменности социальных институтов вместе с трансформациями социальной среды, составными частями которой они являются, а также того, что, будучи социальными феноменами, а, следовательно, органической частью социума, социальные институты подлежат трансформирующему действию тех же факторов, которые влияют на изменения всей системы в целом и меняются вместе с ней;

- социальные институты являются социокультурными феноменами, то есть, с одной стороны, они привязаны к определенной социокультурной среде, в которой эти институты сформировались и функционируют и в которой приобретают оригинальные формы и содержание, а с другой, являясь органической частью однотипных социальных систем, институты, действующие в них, имеют, по крайней мере частично, общие, аналогичные характеристики. Исходя из этого положения, определенные социальные институты могут быть воспроизведены в других обществах. Однако этот процесс требует обязательной взаимной адаптации институтов к социальному пространству, а всех компонентов общественной системы к вновь возникшим институтам. Основной проблемой здесь, на наш взгляд, является вопрос, насколько новая социальная институция, адаптируясь к социуму, сохранит свои сущностные черты, а, следовательно, передаст их другим структурным компонентам общества с целью их модернизации;

- вполне очевидным является факт, что неоднородность обществ как социальных систем является причиной того, что они, особенно в периоды модернизации, пытаются «догнать» другие общества, которые кажутся более успешными, и по крайней мере какое-то время развиваются бессистемно. Это означает, что одни сегменты общественного пространства модернизируются полнее и быстрее, в то время как другие отстают от них, могут становиться определенным тормозом в модернизации общества в целом или даже провоцировать ситуацию «возврата назад», к исходным формам. Такой реванш устаревшего и отжившего не может быть полным, поскольку «обновленные традиционные» формы общественной организации накладываются на те части, изменения в которых приобрели неотвратимый характер, благодаря чему становятся действительно современными, органично соответствующими новым потребностям и определяющимися ими. В результате получаем причудливый симбиоз «нового» и «традиционного».

Результаты исследования

В новом институционализме существует два основных подхода, которые по-разному трактуют

факторы институциональных изменений. По мнению Б.Г. Петерса [6], это нормативный институционализм и так называемый институционализм рационального выбора. Представители первого из этих направлений, основателями которого являются Дж. Марч и Й. Олсен [7], основное внимание отводят роли норм в функционировании и изменении институтов. Их последователем является и Ф. Фукуяма, который считает, что «нормы, ценности и культура в первую очередь обуславливают спрос на те или иные институты» [1, с. 21]. Представители второго направления (институционализма рационального выбора), в частности Д. Норт, доказывают, что поведение социальных субъектов предопределяется установленными правилами и стимулами, больше выгодами в транзакционных затратах, чем имеющимися в социуме нормами и ценностями [4].

Объединяет эти два направления, по нашему мнению, акцент на роли ценностей, которые являются фундаментом всех социальных норм, а, следовательно, и всех форм рационализированного поведения в социальном пространстве любых участников общественной жизни, прежде всего, социальных институтов. В конце концов, и само понятие выгоды базируется на соотношении с ценностями, которым реально, а не декларативно, руководствуется социальный актор, практикуя те или иные модели поведения.

В веберовской традиции, последователи которой трактуют социальный мир как достаточно рационализированный, проблема сущностного наполнения институциональных трансформаций решалась в рамках достаточно простой и логической схемы: появление новых ценностей, новой идеологии и, соответственно, новых образов мира, смоделированных идеологами-инноваторами, после того, как эти идеи и основанные на них теоретические конструкции приобретут достаточное распространение, будут восприняты общественностью, легитимизированы в общественном сознании, влечет за собой качественные сдвиги в институтах. Они происходят в двух взаимосвязанных направлениях:

- трансформация системы целей, для достижения которых предназначена определенная институция и, наконец, институциональная система общества в целом;
- изменения в принципах деятельности социальной институции, ценностных началах, на которых эта институция базируется и которые определяют, как именно она должна действовать, достигая поставленных целей.

В обоих случаях исходной точкой институциональных трансформаций являются изменения в системе ценностей, на которые ориентируется социум. М. Вебер рассматривает эти трансформации на примере появления и утверждения в Европе позднего Средневековья - начала Нового времени системы

протестантской этики с доминирующей ценностью отложенного вознаграждения, которая заложила основы нынешней западной цивилизации и вывела ее на передовые позиции среди других цивилизационных систем, по крайней мере, если оценивать это с точки зрения ценностей благосостояния человека и общества в целом в их материально-финансовом измерении. Под изменением ценностей нами подразумевается: во-первых, изменение самих ценностей, их сущностного наполнения, например изменение понимания базовых для любой культуры понятия «добро» и «зло»; во-вторых, изменение в иерархии системы общественных ценностей.

Вполне очевидно, что система ценностей, которая доминирует в определенном социуме и определяет способы мышления и действия всех социальных акторов, является одним из наиболее инерционных компонентов социокультурного пространства. Инновации в этой сфере чаще всего встречаются с наибольшим сопротивлением как со стороны общественной элиты, так и со стороны рядовых граждан. Этот факт вызывает существенные трудности в создании новых социальных институтов, соответствующих современному обществу, как «снизу», то есть путем естественной институционализации новых социальных практик, так и «сверху», через рекламу обновленных институциональных форм заинтересованными элитами с целью модернизации общества. Во втором случае особое значение приобретает вопрос субъектов-инициаторов трансфера социальных институтов и, соответственно, мотиваций, которыми они руководствуются, осуществляя эти процессы или процесс модернизации общественной системы в целом.

Еще одним фактором трансформации социальных институтов выступает некий внутренний конфликт в институтах, которые находятся в процессе обновления. Здесь мы исходим из положения о том, что базовые институты, ориентированные на удовлетворение фундаментальных общественно значимых потребностей, постоянно находятся в состоянии определенного баланса между стадиями своего полноценного функционирования и дисфункционального, вызванного сменой социальной ситуации. Этот факт позволяет им непрерывно адаптироваться к изменениям социума, обновлять свои формальные и сущностные характеристики, а, следовательно, сохраняться в социальном пространстве, в отличие от временных институтов, которые с исчезновением потребностей, которые они призваны удовлетворять, просто исчезают из общественного поля. Особенно обостряется такая ситуация внутреннего диссонанса в периоды модернизации общества в целом, а, следовательно, и социальных институтов, в частности.

Одним из проявлений такого внутреннего конфликта является противоречие между сущностным и организационным измерениями соци-

альных институтов. Важным компонентом высокоформализованных институций является система специализированных организаций, которые обеспечивают их деятельность путем гарантирования соблюдения определенных стандартов поведения всеми, кто подпадает под действие этой институции. Например, действие современной институции образования невозможно без соответствующего организационного обеспечения-наличия системы организаций, предоставляющих образовательные услуги соответствующего уровня определенным категориям граждан: от раннего детства (дошкольные учреждения) до почтенного возраста (университеты «третьего возраста»).

Вполне очевидно, что попытки адаптировать устаревшие, или просто неподходящие организационные структуры к выполнению новых функций, применению качественно других методик работы осложняет модернизацию социальных институтов, а порой и выхолащивает их содержание, провоцирует создание современных только по форме социальных институтов. Поэтому именно конфликт между инновационными способами удовлетворения общественных потребностей (сущностное, функциональное наполнение институции) и устаревшими организационными формами (внешнее, формальное измерение институции) выступает как один из важных внутренних факторов институциональных трансформаций, от которого в значительной степени зависит успешность этих процессов.

Эти и другие «побочные» эффекты институциональных трансформаций, в частности проработаны в теории «институциональных ловушек» [8]: ситуаций, когда организация как реальная практика не соответствует планируемым параметрам «институции-проекта», смоделированного инноваторами, которые, на наш взгляд, выступают важными факторами институционального изменения. Они не только усложняют функционирование институций, но и позволяют им приобрести максимально жизнеспособные формы и содержание.

Рациональность является, безусловно, одной из важнейших черт любого социального организма. Однако, как отмечает Н.Н. Старцева, анализируя классические подходы к трактовке социальных институтов, в конце XX в. конститутивными чертами мира признается неопределенность и прогрессирующая индивидуализация частной жизни [9]. В отношении к проблеме модернизации социальных институтов это находит свое проявление в необходимости признания возможности, во-первых, отдачи преимущества, по крайней мере временного, недостаточно рациональным, с точки зрения общества, формам удовлетворения социально значимых потребностей (примером такого рода может служить «эффект QWERTY», описанный Полом Дэвидом), во-вторых, сознательное провоцирование общества к институциализации

таких практик, которые позволяют определенным социальным субъектам получать неоправданные преимущества в ущерб общим общественным потребностям. То есть можно утверждать существование ситуации наличия в социальном пространстве институциональных образований, которые в принципе не способны выполнять свои функции (относительно общества в целом), поскольку допускают возможность предоставления нежелательных, с точки зрения общества, предпочтений промодернизации социальных псевдореформ.

Заключение

На основе проведенного теоретико-методологического анализа проблемы факторов модернизации социальных институтов можно сделать следующие выводы:

Трансформация социальных институтов является вполне естественным способом их жизнедеятельности, что приобретает особое значение в обществах, находящихся на стадии цивилизационных трансформаций, а, следовательно, требует комплексного внимания исследователей различных отраслей знаний, в которых практикуется институциональный подход к анализу общественных феноменов;

Можно выделить две группы факторов институциональных трансформаций:

- во-первых, внешние относительно социальных институтов. Это прежде всего изменения социума. Они условно могут быть сведены к:

- трансформации или исчезновению потребности, на достижение которой направлена институция. В последнем случае и сама институция исчезает после определенного времени дисфункционального характера «работы на себя» и самолегитимизации;

- изменению возможностей, которые создают новые пути удовлетворения этой потребности, более эффективные в данной ситуации: появление иного понимания целей деятельности институции, наличие отличных социокультурных условий, диктующих видоизменение способов удовлетворения общественно значимых потребностей и т.п.

Основным фактором этой группы, на наш взгляд, является трансформация ценностно-нормативной системы определенной социокультурной среды;

- во-вторых, внутренние факторы, которые зачастую являются реакцией на внешние раздражители, а, следовательно, могут рассматриваться как разновидность первых. Их основной причиной является «поиск институцией» возможностей адаптироваться к изменениям в социуме, в котором она функционирует, к реализации новых возможностей, которые были заложены в потенциал института, однако по каким-то причинам ранее не использовались. Они возникают в результате:

- целенаправленных поисков возможностей более эффективной деятельности представителями

институции: индивидуальными (отдельные лидеры и функционеры-инноваторы) или групповыми;

- трансформаций в организациях (системе организаций), обеспечивающих деятельность институции. При таком варианте инерция традиционных организационных форм часто остается, а, следовательно, они пытаются «вмонтироваться» в новую (псевдоновую) систему.

Такие ситуации могут трактоваться одновременно как угроза стабильности институтов и внесения в них дисфункций, которые приводят к разрушению институциональных порядков (классический институционализм), и как один из важных источников, жизненно необходимых для социума, в т.ч. и самих институтов, положительных инноваций (неоинституционализм).

References

- [1] Fukuyama F. A Strong State: Governance and the World Order in the 21st Century. - M.: ACT, 2006. 220 p.
- [2] Durkheim E. Sociology. Her subject, method, purpose; trans. from the French A.B. Hoffmann. - 4th ed., Rev. - M.: Yurayt Publishing House, 2019. 308 p.
- [3] Parsons T. On Social Systems / Ed. V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky. - M.: Academic project. 2002. 832 p.
- [4] North D. Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy. - M.: Fund of the economic book "Beginnings", 1997. 180 p.
- [5] Kleiner GB The evolution of institutional systems. - M.: Nauka, 2004. 240 p.
- [6] Peters B.G. Institutional theory in political science: the new institutionalism. 4-th Edition. - New York: Edward Elgar Pub, 1999. 304 p.
- [7] March J.G., Olsen J.P. Institutional Perspectives on Political Institutions// Governannce. 1996. № 9 (July). P. 247-264.
- [8] Budovich Yu.I., Budovich M.S. Development of research from the theory of institutional traps and the classification of traps // Bulletin of the University of Finance. 2013. № 5. P. 17-25.
- [9] Startseva N.N. Institutional Sociology: A Textbook. - Yekaterinburg: UrGUPS, 2017. 155 p.

Библиографический список:

- [1] Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. - М.: АСТ, 2006. 220 с.
- [2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение; пер. с французского А.Б. Гофмана. - 4-е изд., испр. - М.: Издательство Юрайт, 2019. 308 с.
- [3] Парсонс Т. О социальных системах/ Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. - М.: Академический проект, 2002. 832 с.
- [4] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
- [5] Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. - М.: Наука, 2004. 240с.
- [6] Peters B.G. Institutional theory in political science: the new institutionalism. 4-th Edition. - New York: Edward Elgar Pub, 1999. 304 p.
- [7] March J.G., Olsen J.P. Institutional Perspectives on Political Institutions// Governannce. 1996. № 9 (July). P. 247-264.
- [8] Будович Ю.И., Будович М.С. Развитие исследований из области теории институциональных ловушек и классификация ловушек // Вестник Финансового университета. 2013. № 5. С. 17-25.
- [9] Старцева Н.Н. Институциональная социология: учебное пособие. - Екатеринбург: УрГУПС, 2017. 155 с.

Кахаев А.М.

Аспирант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Правовой статус иноверческого населения в исламском государстве (зиммий)*

Аннотация. В современных условиях развитие межконфессиональных отношений и межрелигиозного диалога приобретает особую актуальность. В этой связи интересен опыт межконфессиональных отношений в истории Ислама. Говоря об отношении религии Ислам к представителям различных конфессий, особо интересен опыт взаимодействия мусульман с немусульманами, проживавшими в исламском государстве, и их правовой статус.

Ключевые слова: немусульмане, зиммий, исламское государство, права, взаимоотношения.

Kakhaev A.M.

Graduate student of the Institute of public service and management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

The legal status of a heterodox population in the Islamic state (zimmiy)

Abstract. In modern conditions, the development of interfaith relations and interreligious dialogue is of particular relevance. In this regard, the experience of inter-confessional relations in the history of Islam is interesting. Speaking about the attitude of the religion of Islam to representatives of different faiths, the experience of interaction between Muslims and non-Muslims living in the Islamic state and their legal status is particularly interesting.

Key words: non-Muslims, zimmiy, Islamic state, law, relationships.

Мусульманские ученые-богословы утверждают, что религия Ислам является миролюбивой религией, которая уважает права представителей иных конфессий. Примеры из истории Ислама также доказывают данное утверждение. Особый научный интерес имеют примеры межконфессиональных отношений в раннем исламском государстве.

Граждане, которые представляют другие религиозные конфессии и проживающие в исламском государстве, имели в нём своё место и определённые взаимоотношения. Их принято называть «ахль аз-зимма» или «зиммий».

Слово «зимма» в переводе с арабского означает «договор, гарантия, безопасность». Их называли так потому, что они, согласно исламскому учению, имеют договор с Аллахом, Его Посланником и обществом мусульман, что будут жить под защитой Ислама и заботой мусульманского общества в спокойствии и безопасности. Этот договор даёт этим гражданам-немусульманам то, что похоже в современную эпоху на политическое гражданство, которое государство предоставляет своим подопечным, и тем самым последние получают определённые

гражданские права и обязанности.

При этом зиммий, которые проживали в исламском государстве, обязаны были платить налог – джизья, который не был обременительным. Размер этого налога был меньше, чем налога-закят, который платили мусульмане. От джизьи освобождались женщины и бедняки. В свою очередь, мусульмане обеспечивали им защиту. Данный налог уплачивался только постоянными жителями какого-нибудь города.

Далее в статье приводятся права и обязанности, которых Ислам предоставляет ахль аз-зимма. Первое правило во взаимоотношениях с зиммийми в исламском государстве заключается в том, что они имеют такие же права и обязанности, что и мусульмане, за исключением некоторых факторов. Приведем наиболее важные из них.

Право на защиту. Оно включает в себя несколько важных аспектов: защиту от внешней вражды и внутреннего произвола, защиту крови и тела, имущества и чести, обеспечение при достижении старческого возраста и при постижении бедности.

Пророк Мухаммад говорил: «Кто притеснил му-

* © Кахаев А.М., 2020.

Правовой статус иноверческого населения в исламском государстве (зиммий)

ахида¹, или ущемил его право, или возложил на него то, что сверх его возможностей (то есть требуя от него неположенную подать и т.п.), или взял у него что-либо без его довольства, то в Судный день я буду его оппонентом [и непременно одолею его]». (Хадис привёл имам Абу Давуд).

В этой связи поучительна и история, которая имела место во времена правления халифа Умара бин Абдулазиза – потомка праведного халифа Умара бин аль-Хаттаба, который так же, как и свой предок, стал известен в истории как справедливый правитель мусульман, за что учёные-богословы и историки даже называют его пятым праведным халифом.

Жители города Самарканд пожаловались к наместнику халифа Сулайману бин Абу ас-Сараху на притеснение со стороны Кутайбы, полководца, завоевавшего Самарканд. А теперь с приходом нового наместника они желают отправить делегацию к повелителю правоверных с жалобой на притеснение со стороны Кутайбы. Сулайман разрешил им, и они отправили делегацию к Умару. Когда халифу стало известно об их притеснении, то он написал Сулайману: «Воистину, жители Самарканда пожаловались на притеснение, которому их подвергли, и на нетерпимость к ним со стороны Кутайбы, который изгнал их из своих земель. Когда ты получишь моё послание, то назначь для них судью, который рассмотрит их дело. Если он вынесет решение в их пользу, то верни мусульман в свой лагерь, как это было ранее, до одержания над ними верха Кутайбой». Сулайман назначил судью Джамиа бин Хадры, который постановил необходимость вывести арабов из Самарканда в свой лагерь и покинуть его жителей, независимо от того, придётся ли мусульманам заключать после этого новое перемирие или же придётся покорить город заново силой. Наиболее видные представители горожан тогда ответили: «Мы довольны тем [достигнутым], что было, и не собираемся возобновлять войну. Мы смешались с этим народом и стали жить с ними, они и мы в безопасности, а если же мы вернёмся к войне, то не ведаем, за кем будет победа. Если победа не будет одержана нами, то мы обретём лишь вражду в конфликте». Они оставили дело, как было, выразили своё довольство и не стали враждовать.

Этот случай лишний раз указывает на высокую степень любви халифа к справедливости и на соблюдение им лояльности, следуя предписаниям своей религии.

Исследователь Адам Мец, описывая социальную жизнь в Халифате, пишет: «Покровительствуемые получали медицинскую помощь на равных правах с правоверными мусульманами»².

Халиф Умар бин аль-Хаттаб часто спрашивал тех, кто прибывал из окрестностей мусульманского государства, о положении зиммиев на местах, боясь нанесения вреда и притеснений в отношении них со стороны кого-либо из мусульман. А они отвечали: «Мы не знаем, кроме как верности»³. То есть обе стороны исполняли договор, который между ними и мусульманами. Умар в своём завещании, которое он оставил перед смертью следующему халифу мусульман, подчеркивал: «Я завещаю ему хорошо относиться к зиммиям и быть верным договору с ними...».

Четвёртый праведный халиф Али бин Абу Талиб говорил: «Воистину, они заплатили джизью для того, чтобы их имущество было [защищено], как наше имущество, и их кровь была [защищена], как наша кровь».

Свобода вероисповедания. Ислам предоставляет покровительствуемым свободу вероисповедания и поклонения, мусульмане не имеют права принуждать иноверцев принять эту веру. Основой этому являются слова из Корана:

يَعْلَمَ أَنَّمْ ذُنُوبُهُمْ قَدْ بَيَّضَتْ دِقَّةَ نَبِيِّدَلَا يَفْهَارُكَ إِيَّا

«Нет принуждения в религии. Уже [давно] истинный путь различили от ложного»⁴. А также слова из Корана:

نَينِمْؤُمْ أَوْنُوكِي ئِيْتَحَسْأَلْأُفَرُكْتُتَنْ أَفَأْ

«А разве ты стал бы принуждать людей к вере?»⁵.

Комментируя указанный первый аят, учёный-богослов Ибн Касир пишет: «То есть не принуждайте никого принять исламскую религию, Ислам ясен, очевиден, он выявляет свои доводы и доказательства и не нуждается в том, чтобы принудить кого-либо принять его».

Свобода работы и зарабатывания на жизнь. Они имеют право выбрать себе подходящую профессию, ремесло, работать в торгово-экономической сфере, производстве. Однако запрещено заниматься ростовщичеством, продавать в мусульманских городах опьяняющие напитки и т.п. И это в целях предупреждения распространения зла и для запираения врат перед порочностью. Подобное запрещено также и мусульманам.

Право на занятие государственных постов. Исключение составляет некоторые посты, как должность имама, главы государства, руководителя войска, судьи мусульман и т.п. Исследователь Адам Мец, говоря о немусульманах, которые занимали высокие государственные посты в Халифате, пишет: «Больше всего поражает в мусульманской империи огромное количество чиновников-немусульман»⁶.

В истории исламского суда также были множе-

1 Не принявший Ислам и живущий на территории мусульман на договорных основаниях, платя подушную подать, то есть зиммий.

2 Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 1973 // URL: <https://uchechnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iu-dei-36901.html>

3 Ибн Джарир ат-Табари. «Тарих ат-Табари». Том 4. С. 218.

4 Коран, сура Аль-Бакара, аят 256.

5 Коран, сура Юнус, аят 99.

6 Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 1973 // URL: <https://uchechnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iu-dei-36901.html>

ство подобных примеров и случаев, когда султан или халиф предстал перед судьёй в качестве истца или ответчика. И не раз приговор судьи оказывался против султана или халифа. В этой связи поучительна история тяжбы иудея с повелителем верующих Али бин Абу Талибом. Шурайх аль-Кадии поведал, что когда Али бин Абу Талиб отправился на войну с Муавией, то в пути он потерял кольчугу. По возвращении в Куфу халиф увидел, что её продаёт на рынке некий иудей.

Повелитель верующих воскликнул:

– О иудей, эта кольчуга – моя, я не продавал её и никому не дарил.

Торговец же настаивал, что кольчуга принадлежит ему. Али предложил ему отправиться к судье. Так они прибыли к Шурайху.

Повелитель верующих сел рядом с судьёй, а иудей занял место перед ним.

Шурайх произнёс:

– Говори, о повелитель верующих!

Али сообщил:

– Я утверждаю, что кольчуга, которую держит в руках этот иудей, принадлежит мне. Я не продавал её и никому не дарил.

Шурайх продолжил:

– О повелитель правоверных, нужны свидетели этому.

Халиф согласился:

– Да, это Кунбур (его вольноотпущенный раб), Хасан и Хусейн (его сыновья), они засвидетельствуют, что кольчуга принадлежит мне.

Однако Шурайх свидетельство раба не принял и дополнил, что нельзя, чтобы сын свидетельствовал в пользу отца.

Халиф в ответ сказал:

– Недействительно свидетельство того, о котором известно, что он будет в Раю?! Я слышал, как Пророк Мухаммад говорил: «Хасан и Хусейн – старшие молодёжи, которые обитают в Раю»...

Иудей, который поразился увиденным и услышанным, воскликнул:

– Повелитель верующих привёл меня к своей судье, и его судья выносит решение против него?! Свидетельствую, что это есть истина, также свидетельствую, что нет никого достойного поклонения, кроме одного Бога – Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха, и что эта кольчуга – твоя. Ты ехал верхом на своём верблюде пепельного цвета, направляясь в местность Сиффин. Во время похода, ночью, твоя кольчуга выпала, и я подобрал ее.

Повелитель верующих, обрадовавшись, сказал:

– Раз ты признаешься в этом, то кольчуга – твоя.

Так новообращённый мусульманин получил кольчугу дозволенным образом, и впоследствии он надевал её, когда выступил вместе с Али бин Абу Талибом в поход против последователей хариджитской секты в местности Нахраван⁷. Это случай, ко-

торый не нуждается в комментариях.

Таким образом, исторические примеры показывают уважительное отношение между мусульманами и немусульманами, проживавшими в исламском государстве, что является примером для мусульман в контексте развития межконфессионального диалога в современный период.

References

- [1] Sacred Koran. Medina. 2005.
- [2] Ibn Jarir at-Tabari. "History at-Tabari". Vol. 4.
- [3] Ibn Kathir. "Al-Bidaya and an-Nihaya". Vol. 8.
- [4] Mets Adam. Muslim Renaissance. 1973 // URL: <https://uchebnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iudei-36901.html>

Библиографический список:

- [1] Священный Коран. Медина. 2005.
- [2] Ибн Джарир ат-Табари. «Тарих ат-Табари». Том 4.
- [3] Ибн Касир. «Аль-Бидая ва ан-нихая». Том 8.
- [4] Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. 1973 // URL: <https://uchebnikfree.com/arabskoy-kulturyi-istoriya/hristiane-iudei-36901.html>

Гу Цинфэн*Студент магистратуры. Московский государственный педагогический университет,
Институт социально-гуманитарного образования, Кафедра теоретической и специальной социологии.*

Анализ об отчуждении потребления в китайском торговом карнавале «двойной одиннадцать» (11 ноября)*

Аннотация. Статья посвящена отчуждению потребления специального сезона распродаж в Китае - торгового карнавала «двойной одиннадцать» и выяснена причина и влияние в китайском обществе.

В статье анализируются социальные условия возникновения, становления и развития сезона распродаж. Подчеркивается, что китайские ученые, адаптируя зарубежные теории, модели, концепции к объяснению особенностей китайского общества и экономики, ориентированы на создание собственного, специфического подхода к изучению проблем и перспектив социально-экономического развития Китая. В статье впервые были использованы оригинальные источники (на китайском языке) о становлении и развитии социологии и сезона распродаж в Китае, были показаны новые авторы, чьи работы посвящены изучению становления китайской социологии.

Статья рассматривается история становления и современная проблематика исследований в области экономической социологии в Китайской Народной Республике. Обращается внимание на то, что китайские социологи рассматривают экономическую социологию как направление социологических исследований, ориентированное на изучение социальных аспектов радикальных экономических изменений, которые произошли в Китае в последние десятилетия.

Автор полагает, что осуществить гармоничность развития общества, построить прекрасное общество — это социальный идеал, к которому стремится человечество, это социальная цель, которую ставит марксизм. К. Маркс в свое время говорил об идеальном, гармоничном обществе, где «противоречия между человеком и природой, конфликты между людьми будут полностью уничтожены». Автор также полагает, что данная тема весьма актуальна и имеет большое теоретическое значение для понимания перспектив развития китайского общества.

Ключевые слова: отчуждении потребления, сезона распродаж, торговли, экономика, социология, Китай, Аггер, двойной одиннадцать, образ жизни, Таобао.

Gu Qingfeng*Master student, Moscow State Pedagogical University Institute
of social and humanitarian education, Department of theoretical and special sociology.*

Analysis on alienation of consumption in the Chinese trade carnival «Double eleven» November 11

Abstract. The article is devoted to the alienation of the consumption of a special sales season in China - the “double eleven” carnival, and the reason and influence in Chinese societies is clarified.

The article analyzes the social conditions of the emergence, formation and development of the sales season. It is emphasized that Chinese scientists, adapting foreign theories, models, concepts to explain the characteristics of Chinese society and the economy, are focused on creating their own, specific approach to studying the problems and prospects of China's socio-economic development. The article first used original sources (in Chinese) about the formation and development of sociology and the sales season in China, new authors were shown whose work is devoted to the study of the formation of Chinese sociology. The article discusses the history of formation and contemporary problems of research in the field of economic sociology in the People's Republic of China. Attention is drawn to the fact that Chinese sociologists consider economic sociology as a direction of sociological research, focused on studying the social aspects of the radical economic changes that have occurred in China in recent decades.

The author believes that to realize the harmonious development of society, to build a beautiful society is the social ideal that humanity strives for, this is the social goal that Marxism sets. K. Marx once spoke of an ideal, harmonious society, where «the contradictions between man and nature, conflicts between people will be completely destroyed.» The author also believes that this topic is very relevant and has great theoretical significance for understanding the prospects for the development of Chinese society.

Key words: alienation of consumption, sales season, trade, economics, sociology, China, Agger, double eleven, lifestyle, taobao.

* © Гу Цинфэн, 2020.

Анализ об отчуждении потребления в китайском торговом карнавале «двойной одиннадцать» (11 ноября)

Китайский торговый карнавал «двойной одиннадцатый» (11 ноября) – это рекламная акция, инициированная Алибаба (другими словами – «Али-экспресс») на платформах Таобао и Tmall, которые основаны корпорацией Алибаба. 11 ноября 2019 впервые проводится китайский торговый карнавал «двойной одиннадцатый». После большого успеха, каждый год 11 ноября уже становится праздником «самодельным карнавалом», который всё больше принимается публикой, становится ежегодным событием в индустрии электронной коммерции Китая. Но с развитием индустрии электронной коммерции, в китайском обществе, особенно среди молодежи, росток отчуждения потребления производится и продолжает развиваться, который вызвал социальные явления, которые можно глубоко продумать и изучить. И в данной статье анализируется феномен торгового карнавала «двойного одиннадцатого» в Китае с точки зрения отчужденного потребительского поведения.

1. Отчуждение потребления

После того как капитализм вошел в стадию монополии, современное капиталистическое общество не имело той социальной революции, которую Маркс предсказал для капиталистического социального кризиса. Вместо этого налицо дальнейшая тенденция глобального развития, характеризующаяся отчуждением потребления. Экологические марксисты в лице Лейса.У и Аггера.Б начали видоизменять и дополнять марксизм. Теория отчужденного потребления Аггера полагает, что отчужденное потребление – это уникальный феномен потребления, который вызван поведением сопротивления рабочих, чтобы избавиться от недостатка самовыражения в труде. То есть в процессе большого объема капиталистического трудового производства большое количество подавленных личностей не может быть освобождено, и не могут выражать чувства собственного достоинства и самосознания. Пролетариат долгое время занимался нетворческой, скучной и редко оплачиваемой трудовой деятельностью, а собственной эмоцией некуда было выражаться, поэтому они вкладывали свои эмоции в процесс погони за потреблением, «Люди сосредотачиваются на потреблении как единственном источнике удовлетворения своих потребностей.»¹ Это одна из характеристик резюме Аггера об отчуждении потребления в капиталистическом обществе. Другая особенность заключается в том, что отношения между спросом и товарами усложнились из-за вовлечения рекламы в качестве носителя информации.

Нельзя отрицать, что воздействие отчужденного потребления имеет две стороны. Если мы временно отложим капиталистические цели прибыли, именно

из-за отчуждения народного потребления большое количество дополнительного спроса на товары вызывает дальнейший рост общественного спроса, что, в свою очередь, способствует дальнейшему расширению капитала и воспроизводству, способствует развитию рынка, облегчает и без того острые капиталистические социальные противоречия. Разнообразие товаров не только удовлетворяет потребности людей в потреблении, улучшает условия жизни пролетариата, но и освобождает собственные эмоции при потреблении различных товаров, снимает давление труда в процессе потребления².

Но негативные проблемы, порождаемые отчужденным потреблением, также очень остры. Прежде всего, под совокупным воздействием капиталистической системы и средств массовой информации пролетариат все больше одержим кратковременным удовольствием, приносимым отчужденным потреблением. Это своего рода иллюзорная, «уклончивая реальность и счастье, и пролетариат одержим им»³. Бессознательно легитимность капиталистической системы молчаливо предполагалась⁴. Во-вторых, теория экологического кризиса Лайеса и Аггера считает, что отчужденное потребление напрямую ведет к экологическому кризису⁵. Экологический марксизм считает, что накопление капитала в результате капиталистического высокого производства и высокого потребления является конечной причиной экологического кризиса, а символизация товаров усугубила экологический кризис. Но у пролетариата патологическая и слепая концепция потребления и слепой способ потребления, которые также имеют непоколебимую ответственность. С развитием общественных производительных сил неизбежно перепроизводство товаров, непрерывно потребляется большое количество природных ресурсов, все более серьезными становятся экологические проблемы. И перепроизводство товаров само по себе тоже стало еще одной проблемой. Для того чтобы обеспечить потребление избыточных товаров, производители и рекламодатели используют различные каналы стимулирования и даже «создания» спроса. Под влиянием различных ложных требований пролетариат делает иррациональное потребление в тонком влиянии потребительства. Пролетариат, наслаждаясь таким количеством товаров, постепенно игнорирует неравенство между собой и буржуазией. Чтобы иметь возможность пользоваться большим количеством

1 Цзян Кэжэ, Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение в современной эпохе // Изучение теорий. – Харбин, 2017 (02). 31-33 [本·阿格尔的异化消费理论及其当代启示. 江可可. 学理论, 2017(02): 31-33].

2 Цзян Кэжэ, Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение в современной эпохе // Изучение теорий. – Харбин, 2017 (02): 31-33 [本·阿格尔的异化消费理论及其当代启示. 江可可. 学理论, 2017 (02): 31-33].

3 Личжи. Сравнение торгового карнавала «двойной одиннадцатый» // Экономический прогноз на Бохайском Кольце. – Тяньцзинь, 2018 (04): 165-167. [阿里巴巴“双十一”购物狂欢节现象经济分析. 李直. 环渤海经济瞭望, 2018 (04): 165-167].

4 Цзян Кэжэ, Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение в современной эпохе // Изучение теорий. – Харбин, 2017 (02): 31-33 [本·阿格尔的异化消费理论及其当代启示. 江可可. 学理论, 2017 (02): 31-33].

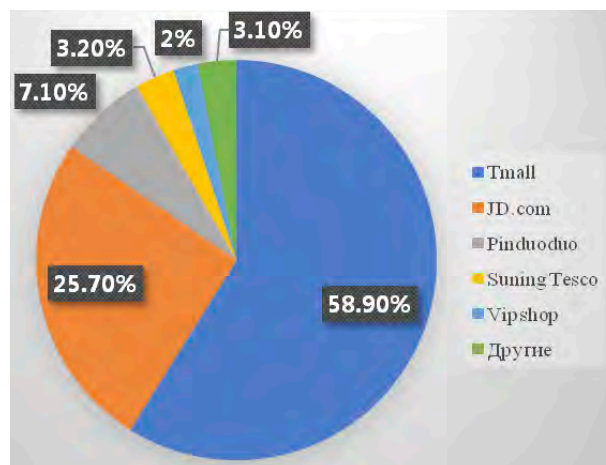
5 Там же.

благ, они с новым энтузиазмом вновь вступают в новый труд, полагаются на оплату труда, производящую прибавочную стоимость, для нового потребления и таким образом попадают в порочный круг, все глубже и глубже погружаясь в иллюзорное счастье, которое строит буржуазия⁶.

2. Предыстория и нынешнее положение китайского торгового карнавала «двойной одиннадцатый»

С конца прошлого века Китай проводит политику реформ и открытости. В 1980-х и 1990-х годах рыночная экономика Китая начала активно развиваться, и общественное богатство Китая также накопилось в определенной степени. В это время информационные технологии также начали развиваться, и внедряться в Китай. Однако в конце прошлого века китайская индустрия электроники и информационных технологий все еще находилась в состоянии заброшенности и все еще не получила широкого применения. До начала 21-го века, после того, как репатрианты, которые уехали за границу и приняли передовые технологии в конце прошлого века, вернулись в Китай, информационные технологии Китая развивались, и многие интернет-отрасли выросли как грибы. Этот период также является периодом, когда постепенно появляются реформы Китая и открываются достижения: 1. Постоянно накапливается материальная база, постоянно совершенствуются различные инфраструктуры, участились экономические и торговые взаимодействия по всей стране и даже за рубежом, появились различные сторонние логистические компании; 2. Уровень жизни людей постепенно улучшался, и их покупательная способность также продолжала расти. Стремление людей к материальному более не ограничивается удовлетворением основных жизненных потребностей. Более открытая атмосфера общественного производства делает людей более разнообразными в жизни. В результате развитие индустрии электронной коммерции Китая вступило в золотой период быстрого развития.

Ранний карнавал «двойной одиннадцатый» был всего лишь самодельным одиночным карнавалом, популярным среди молодежи. До 2009 года Алибаба взяла на себя инициативу по запуску торгового карнавала «двойной одиннадцатый», а 11 ноября 2009 года объем сделки «двойной одиннадцатый» уже достиг 100 миллионов юаней (около 900 миллионов рублей). По мере того как «двойной одиннадцатый» торговый карнавал продолжает принимать форму и расти, многие бренды электронной коммерции также присоединились к этой быстро движущейся высокоскоростной железной дороге электронной коммерции, например, JD.com, Suning Tesco, Vipshop, Амазонка(Китай) и т.д.. С 2009 года общий годовой объем продаж всех брендов электронной коммерции торгового карнавала «двойной одиннадцатый» находится на

Таб. 1. (Источник: «星图数据»
(<http://www.syntun.com>).

прямой восходящей тенденции. По состоянию на 11 ноября 2019 года, общий объем продаж всей сети достиг 573.5 млрд юаней, из которых Алибаба составил 58,9%, JD.com 25,7 процента, и Suning Tesco и составил 3,2%⁷.

Ассортимент товаров, охватываемых торговым карнавалом 2019 «двойной одиннадцатый» также широкий, однако категории с относительно большой долей в основном включают в себя средства личной гигиены, красоты, снеки, зерно и масло, техническое обслуживание автомобилей и напитки.

Таб. 2. (Источник: «星图数据»
(<http://www.syntun.com>)⁸.

3. Анализ отчуждения в «двойном одиннадцатом» «потреблении»

Категории товаров с сильной скидкой активно стью в торговом карнавале «двойной одиннадцатый» также являются категориями товаров с самыми высокими продажами на торговом карнавале.

По сравнению с офлайнвыми физическими магазинами, продавцы электронной коммерции имеют большие преимущества по стоимости в процессе продажи продукции: нет затрат на аренду магазина, нет затрат на трудоустройство торгового персонала и

⁶ Там же.

⁷ <http://www.syntun.com.cn/2019nian11yue11ri-qi-jian-kuang-huan-gou-wu-jie-quan-wang-da-bao-gao.html> (Дата обращения 16.04.2020).

⁸ <http://www.syntun.com.cn/2019nian11yue11ri-qi-jian-kuang-huan-gou-wu-jie-quan-wang-da-bao-gao.html> (Дата обращения 16.04.2020).

т. д.. Таким образом, сами торговцы в значительной степени стимулировали стремление потребителя к потреблению с помощью ряда методов продаж, таких как снижение цен и продвижение по службе. В сочетании с ценовыми преимуществами торговцы электронной коммерцией в большей степени способствуют стимулированию потребительских желаний потребителей с точки зрения цен на сырьевые товары. Кроме того, в период «двойной одиннадцати» «торговцы электронной коммерцией также придумали такие виды деятельности, как» полные вычеты», «рассрочка платежей», «купить один получить один бесплатно» и другие виды деятельности, через эту серию «некоммерческих «иллюзий психологии» использования преимуществ «побуждает людей игнорировать потребительную стоимость товаров и делать нерациональное потребление. И нельзя игнорировать различные мероприятия самой платформы электронной коммерции по стимулированию потребительского спроса. Взяв Taobao в качестве примера, перед торговым карнавалом «двойной одиннадцатый» в 2019 году Taobao запустил деятельность, в которой люди составляют команды, чтобы получить красные пакеты. Платформа электронной коммерции помещает всех в карнавальную атмосферу торгового карнавала через общенациональное мероприятие. Этот всенародный карнавал-чрезвычайно эффективный метод и способ парализовать индивидуальное рациональное мышление и стимулировать потребительский спрос⁹. Потребительские группы торгового карнавала «двойной одиннадцатый» охватывают широкий спектр возрастных групп, но основными объектами являются в основном обычные молодежные группы. Хотя общая экономика Китая продолжает развиваться, а его национальный ВВП продолжает расти, социальное давление на обычную молодежь также возрастает. Наряду с социальными проблемами, такими как рост цен на жилье, рост цен на товары и тревожный ритм жизни, растет и психологическое давление на молодежь. Поэтому современным молодым людям срочно нужно окно, чтобы снять свое эмоциональное и психологическое давление. Появление торгового карнавала «двойной одиннадцатый» только что предоставило людям возможность снять стресс.

Можно сказать, что общенациональная деятельность различных платформ электронной коммерции и рекламная деятельность различных торговцев являются прямой причиной отчуждения сегодняшнего «двойного одиннадцатого» потребительского поведения. Однако не следует забывать и о том, что в современном обществе собственная потребительская концепция и потребительский спрос также являются важными факторами, приводящими к отчуждению потребительского поведения.

9 Янь Шисяо. Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение // Вестник Сянтанского университета. – Сянтань, 2018: 1-38 [本·阿格尔异化消费理论及其启示. 颜世蛟. 湘潭大学, 2018: 1-38] 15 с.

4. Вывод

Анализируя эти взрывоопасные данные о продажах днём «двойной одиннадцатый», мы можем знать, что «двойной одиннадцатый» торговый карнавал потребительского поведения явление отчуждения очень серьезно.

Тем не менее, мы должны признать, что положительное влияние торгового карнавала «двойной одиннадцатый» огромно. С быстрым развитием китайского общества сегодня, торговый карнавал «двойной одиннадцатый» значительно стимулировал внутренний спрос в Китае. Торговый карнавал способствовал развитию международной торговли Китая в определенной степени, и он также обеспечил очень эффективный способ облегчить некоторые социальные давления в Китае, и удовлетворил самовыражение современной молодежи. Но негативные влияния требуют нашего особого внимания. Сегодняшние СМИ должны активно направлять общество к разумному и экологическому потреблению и направлять общественное мнение на гармоничное и здоровое общество. Современная молодежь не должна просто полагаться на слепое потребление, чтобы ослабить свое внутреннее давление, преодолеть самотрансцендентность за пределами отчужденного потребления, столкнуться с жизнью через более активный и здоровый образ жизни.

References

- [1] Veselov Yu.V., Petrov A.V. Economic sociology: Uch. pos. - St. Petersburg: Asterion, 2005. 109 p.
- [2] Lichi. Comparison of the "Double Eleven" Carnival // Economic Forecast on the Bohai Ring. - Tianjin, 2018 (04): 165-167. // 阿里巴巴“双十一”购物狂欢节现象经济分析. 李直. 环渤海经济瞭望, 2018 (04). 165-167.
- [3] Jiang Kake, Ben Agger's theory of "consumption" and its revelation in the modern era // Theory. - Harbin, 2017 (02). 31-33 // 本·阿格尔的异化消费理论及其当代启示. 江可可. 学理论, 2017 (02). 31-33.
- [4] Economic sociology: theory and history // Ed. Yu.V. Veselova and A.L. Cachina - St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 760 p.
- [5] Yan Shixiao. Ben Agger's theory of "consumption" and its revelation // Bulletin of the Xiangtan University. - Xiangtan, 2018: 1-38 // 本·阿格尔异化消费理论及其启示. 颜世蛟. 湘潭大学, 2018. 1-38.
- [6] <http://www.syntun.com.cn/2019nian11yue1ri-11ri-qi-jian-kuang-huan-gou-wu-jie-quan-wang-da-bao-gao.html> (04.16.2020).

Библиографический список:

- [1] Веселов Ю.В., Петров А.В. Экономическая социология: Уч. пос. - СПб.: Астерион, 2005. 109 с.
- [2] Личи. Сравнение торгового карнавала «двойной одиннадцатый» // Экономический прогноз на Бохайском Кольце. - Тяньцзинь, 2018(04): 165-167. // 阿里巴巴“双十一”购物狂欢节现象经济分析. 李直. 环渤海经济瞭望, 2018 (04). 165-167.
- [3] Цзян Кэцэ, Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение в современной эпохе // Изучение теорий. - Харбин, 2017(02). 31-33 // 本·阿格尔的异化消费理论及其当代启示. 江可可. 学理论, 2017 (02). 31-33.
- [4] Экономическая социология: теория и история // Под ред. Ю.В. Веселова и А.Л. Кашина. - СПб.: Нестор-История, 2012. 760 с.
- [5] Янь Шисяо. Теория Бен Аггера «потребления» и ее откровение // Вестник Сянтанского университета. - Сянтань, 2018: 1-38 // 本·阿格尔异化消费理论及其启示. 颜世蛟. 湘潭大学, 2018. 1-38.
- [6] <http://www.syntun.com.cn/2019nian11yue1ri-11ri-qi-jian-kuang-huan-gou-wu-jie-quan-wang-da-bao-gao.html> (16.04.2020).

Андриевская Ж.В.

Доцент, Кандидат психологических наук, Южный Федеральный Университет.

Методологический конструкт: к постановке проблемы*

Аннотация. Данная статья раскрывает понятие методологического конструкта научного исследования и рассматривает его в контексте общеметодологических феноменов. Рассматриваются такие свойства методологического конструкта, как включенность в систему научного предмета, опосредование взаимодействия субъекта с объектом, культурно-детерминированный и универсально-методологический статус.

Ключевые слова: методология, научный метод, методологическое конструирование.

Andrievskaya Z.V.

Associate Professor, Candidate of Psychological Science. Southern Federal University.

Methodological construct: to the problem statement

Abstract. This article reveals the concept of the methodological construct of scientific research and considers it in the context of general methodological phenomena. Such properties of the methodological construct as inclusion in the system of a scientific subject, mediation of the interaction of a subject with an object, culturally determined and universal methodological status are considered.

Key words: methodology, scientific method, methodological construction.

Поставленная в ряде публикаций проблема методологических конструктов и методологического конструирования состоит в поиске учёного образа социальной реальности. В точном соответствии с определением, уже ставшим классическим, этот «методологический конструкт научного исследования является продуктом методологического сознания учёного, в котором происходит проектирование способов исследовательских действий, направленных на производство научных знаний о социальной реальности» [1, с. 15]; в этом определении следует особенно подчеркнуть, что научные знания вырабатываются именно о *социальной реальности* – об окружающем учёного социальном мире.

На наш взгляд, *проблема методологического конструкта состоит именно в том, чтобы распространить это его понимание с социальной реальности в узком смысле на любые и всякие предметные реальности мышления и деятельности.* Как следствие, методологический конструкт – при возможности экстраполировать это его понимание на любые и всякие предметные реальности – будет пониматься как *схема проектирования исследования любого и всякого предмета*, отнюдь не только социальной реальности.

Так, «методологический конструкт научного исследования – это когнитивная модель рационально-проектного содержания, задающая предметное поле научного исследования, его стратегию, способы и методы решения научно-исследовательских задач» [1, с. 16-17]. Понятно, что подобное определение может быть распространено на исследования любых и всяких предметов научного исследования, и отнюдь не характерно исключительно для социального познания. Неслучайно в этой связи, что методологический конструкт является частью *предметного*, а не *объектного*, мира – в полном соответствии с пониманием предметности у известного отечественного методолога *Георгия Щедровицкого*: «надо всегда помнить – а в методологическом исследовании это положение становится главным, – что предмет знания не тождественен объекту: он является продуктом человеческой познавательной деятельности» [4, с. 165], и схватывает объект в некоторых его «проекциях».

Понятно, что методологический конструкт – это не индивидуальный набор рецептурных норм, а исторически вырабатываемый человечеством нормативный инструментальный, обеспечивающий проектную деятельности поколений учёных.

Продолжая далее, стоит заметить, что «пред-

* © Андриевская Ж.В., 2020.

Методологический конструкт: к постановке проблемы

посылочные теоретические знания о предмете исследования базируются на определённой системе научных понятий [...] Предпосылочные теоретические знания о способах научно-исследовательской деятельности включают в себя представления о её парадигмальных основаниях и методах» [1, с. 16]. В этом смысле термин «предпосылочный» означает заранее предпосланный научному исследованию набор научных понятий, фиксирующий (схватывающий) те или иные познанные «стороны» объекта научного знания, и выступающий, в этой связи, в роли теоретического основания для последующей проектной деятельности. Впоследствии методологический конструкт становится своего рода «призмой», как сквозь оптику которой сам учёный рассматривает, интерпретирует и понимает закономерности «поведения» объекта его исследования и далее последующего проектирования: «методологический конструкт научного исследования включает различного рода теоретические знания, являющиеся рационально-проектной основой познавательной деятельности учёного. Это – предпосылочные теоретические знания, имеющие функцию когнитивных фильтров, опосредующих взаимодействие субъекта и предмета научного исследования» [1, с. 15-16]; при этом совершенно очевидно, что всё это справедливо для конструктов любого и всякого предметного мира мышления и деятельности.

Выступая в качестве «когнитивных фильтров», методологические конструкты оказываются призмой, в которой преломляется рассматриваемый учёным предмет, и, уже в свою очередь, детерминируют мышление учёного. Более того, нетрудно показать, что методологические конструкты управляют мышлением учёного, наделённого этими конструктами, в и этом состоит их *нормативная* функция, наряду с рациональной и проектной: становится понятным, что методологические конструкты (в смысле Романа Лубского и Александра Никифорова) есть элементы предметов (т.е. не «объектов», т.е. в смысле Георгия Щедровицкого), отвечающие за рациональные, проектные и нормативные функции.

Далее, «научные знания зависят от культурно-эпистемологического контекста и ментальной программы исследователя, они являются познавательными конструкциями, концептуально относительно и их невозможно заведомо уберечь от скептических возражений» [1, с. 29-30], именно культурно-эпистемологическая отнесенность, культурная детерминация познавательных процессов в стройных рядах учёных оказывается тем предельным контекстом (как и этнический язык учёного, напр.), в котором происходит становление научного знания.

Понятно, что подобного рода релятивизм неслучаен; например, по Уорфу язык обладает своей

космологией, и он «оказывает влияние на мышление, поведение и восприятие людей» [3, с. 226] (в этом смысле даже этнический язык несёт ряд важнейших методологических функций, определяя «направления» развития мысли учёного) – и, разумеется, «согласно принципу методологического плюрализма, существует множество способов научно-исследовательской деятельности» [1, с. 30]; в этом смысле – например, по отношению к этническим языкам – нельзя сказать, как из них «истинный» или «ложный»; заложенные в культурах (и фиксируемые их языках) предметности (конструкты) являются скорее различными взаимно дополняемыми «точками зрения», ни одна из которых не в состоянии исключить другую.

Тем самым парадигмальная отнесенность методологических конструктов оказывается факторов нередко распространённого взаимного непонимания учёных; повторим цитату ещё раз: «предпосылочные теоретические знания о способах научно-исследовательской деятельности включают в себя представления о её парадигмальных основаниях и методах» [1, с. 16], и, как следствие, ввиду реальной несоизмеримости парадигм, которую открыл Пол Фейерабенд, эти предпосылочные теоретические знания оказываются основанием для того барьера интерпретации, который часто встаёт каменной стеной между различными учёными, и не позволяет им прорваться сквозь себя.

Тем самым методологический конструкт, включённый в систему научного предмета (не объекта) и культурно-детерминирован, и исторически-детерминирован – через историю включения учёного в системы научных сообществ.

«Методологический конструкт в научном исследовании выполняет прежде всего проектную и организационную функции. Проектная функция связана с предвосхищением предстоящих научно-исследовательских действий в контексте научного замысла. Организационная функция придаёт научно-исследовательской деятельности целесообразный характер» [1, с. 17], и тем самым эти выделенные научные функции методологического конструкта – рациональная, проектная, организационная и нормативная – оказываются «столпами», на которых покоится здание научной методологии.

Тем самым вскрывается релятивность научного мышления – включая в себя парадигмальные основания, методологический конструкт, выполняющий при этом же ещё и рациональную функцию, оказывается основанием рациональности учёного, с соответствующим её типом и формой; при этом всякий методологический конструкт формулируется на том или иной этническом языке, и, тем самым, приобретает ещё одно дополнительное измерение культурно-детерминированности, отнесенности содержания своего основания, и

оказывается ещё одним, прибавочным, измерением несоизмеримости «монад» научных типов рациональности и свойственных для них теорий, которые формулируются, кроме того, в конкретном этническом языке.

А ведь именно этнический язык оказывается «заслонкой» непонимания различных учёных, особенно если речь ведётся об этнических культурах различных типов письменности (алфавитной и иероглифической), и в том случае приходится говорить о культурном релятивизме методологических программ мышления и деятельности учёных. В этом смысле выстраивается целая иерархия факторов, детерминирующих мышление учёного, где предельный уровень задаётся этнической культурой, и фиксирующим её этническим языком. Как следствие, ментальные программы и модели социального поведения человека культурно-детерминированы, и всегда отнесены к некоторому культурно-эпистемологическому контексту, и выражают его глубинные сущностные свойства и характеристики, и вне соответствующей этнической культуры существовать и функционировать они не могут, они всегда кодифицированы в соответствующей символической форме, закреплены в ней и, по сути, иначе существовать не могут.

При том, что «методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [5, с. 56], следует сформулировать, что методологический конструкт – это прежде всего феномен *деятельности* учёных, закрепляемый в соответствующих теоретических знаниях. Именно деятельность, и определяющая её облик проектная функция методологического конструкта, оказывается предельным измерением методологии.

Далее, «основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта» [5, с. 56]; эта регулятивная функция выше была иначе названа как нормативная, организационная же функция выделяется повсеместно. Тем самым, всякий методологический конструкт есть *прескрипция* к деятельности, которая существует и формируется ещё до начала всякого действия, то есть своего рода априорно, и формируется она в совершенно других процедурах и операциях, нежели само исполнение этой прескрипции.

Итак, резюмируя рассмотренные соображения, допустимо заключить, что методологический конструкт научного исследования:

- (1) вписывается в систему научного предмета (не объекта), и выполняет по меньшей мере четыре важнейших функции – рациональную, проектную, организационную и нормативную;
- (2) опосредует взаимодействие субъекта о объекта научного исследования, и выступает в

роли фильтра (относительно не только когнитивного, но и поведенческого), который детерминирует возможные стратегии, тактики и операции взаимодействия субъекта и объекта этого исследования;

– (3) является культурно-детерминированным и вписывается в систему факторов, определяющих и детерминирующих мышление учёного; он включает и инкорпорирует парадигмальные основания и свойственный им тип рациональности, и является ввиду этого культурно-относительным;

– (4) является универсально-методологическим феноменом, и охватывает гораздо более широкий спектр процессов, нежели социальное познание в узком смысле этого выражения.

References

- [1] Mental programs and models of social behavior in Russian society: monograph / ed. ed. A.V. Lubskey. - Rostov N / A: Fund for Science and Education, 2016. 392 p.
- [2] Nikiforov A.L. Philosophy of science: history and methodology. M., 1998.
- [3] Feyerabend P.K. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge. - M.: AST, 2007.
- [4] Shchedrovitsky G.P. Selected Works. - M.: "School of Cultural Policy", 1995. 800 p.
- [5] Yudin E.G. Methodology of science. Consistency. Activity. M.: "Editorial URSS", 1997. (Philosophers of Russia of the XX century)

Библиографический список:

- [1] Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.
- [2] Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М., 1998.
- [3] Фейерабенд П.К. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: «АСТ», 2007.
- [4] Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: «Школа культурной политики», 1995. 800 с.
- [5] Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: «Эдиториал УРСС», 1997. (Философы России XX века)

Сергашов Е.В.*Аспирант 4 курса. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Среднерусский институт управления (филиал).*

Формирование культуры безопасного поведения в условиях риска пожаров*

Аннотация. Происходящие изменения в технических и инновационных процессах порождают под собой увеличение количества риска и его последствий. Риск напрямую связан с человеческой деятельностью, и создается в процессе его жизнедеятельности. Особое влияние на жизнедеятельность человека оказывают базовые нормы, ценности, знания, а также культурные особенности развития личности, которые формируют культуру безопасного поведения в обществе, посредством чего оказывается прямое воздействие на динамику риска. Целью проводимого анализа выступает определение взаимосвязи риска и культуры безопасного поведения, а также условий ее формирования. По результатам проведенного исследования видно, что формирование культуры безопасного поведения в обществе должно осуществляться равномерно и размеренно на протяжении всего периода жизнедеятельности человека, что позволит обеспечить высокую степень безопасности общества. Усвоение и развитие культуры безопасного поведения реализуется вследствие ряда мероприятий и процессов, к которым стоит отнести проведение профилактики среди населения и изменение (повышение) уровня жизни и культуры общества. Относительно снижения последствий риска стоит выделить метод страхования имущества, посредством которого возможно минимизировать последствия риска. Вместе с тем формирование культуры безопасного поведения должно осуществляться на базе разъяснительной работы проводимой в обществе, а также повышения эффективности деятельности социальных институтов Российского общества. Повышение грамотности, культуры и усвоения правильных норм и ценностей будет способствовать повышению уровня личной и общественной безопасности.

Ключевые слова: риск, формирование навыков безопасного поведения, общество, социальный механизм, безопасность, профилактика.

Sergachev E. V.*4-year graduate student. FSBEI of HE «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Central Russian Institute of Management (Branch).*

Formation of a culture of safe behavior in fire risk conditions

Abstract. Ongoing changes in technical and innovative processes generate an increase in the amount of risk and its consequences. Risk is directly related to human activity, and is created in the course of its life. Basic norms, values, knowledge, as well as cultural features of personal development, which form a culture of safe behavior in society, have a special impact on a person's life activity, which has a direct impact on the dynamics of risk. The purpose of the analysis is to determine the relationship between risk and a culture of safe behavior, as well as the conditions for its formation. According to the results of the study, it is clear that the formation of a culture of safe behavior in society should be carried out evenly and evenly throughout the entire period of human life, which will ensure a high degree of security of society. The assimilation and development of a culture of safe behavior is realized as a result of a number of measures and processes, which include prevention among the population and changing (improving) the standard of living and culture of society. With regard to reducing the consequences of risk it is worth highlighting the method of property insurance, through which it is possible to minimize the consequences of the risk. At the same time, the formation of a culture of safe behavior should be carried out on the basis of explanatory work carried out in the society, as well as improving the effectiveness of the social institutions of Russian society. Improving literacy, culture, and the adoption of correct norms and values will contribute to improving the level of personal and public safety.

Key words: risk, formation of safe behavior skills, society, social mechanism, safety, prevention.

Одним из важнейших этапов обеспечения безопасности общества является предотвращение событий, связанных с рисками, способными приводить к значительным людским и материальным потерям. Последствия риска, как правило, неблагоприятно сказываются на стабильности развития мирового

общества, при этом несут угрозу не только человеку, но и оказывают влияние на политическую составляющую общества, способствуя дестабилизации обстановки на определенной территории. Функционирование общества в целом определяется состоянием внутренней структуры, надежностью и эффектив-

* © Сергашов Е.В., 2020.

Формирование культуры безопасного поведения в условиях риска пожаров

ностью происходящих процессов вне зависимости от факторов и явлений, оказывающих на нее воздействие. Характер и значение риска в обществе сложно оценить, так как человек ежедневно находится в ситуации риска в зависимости от условий его жизнедеятельности. Зачастую человек не подозревает, что пребывает в ситуации, связанной с риском, что обусловлено его личным отношением к безопасности. В современном значении риск - достаточно сложное и многогранное понятие, которое характеризуется сложностью системы формирования самого рискованного события.

В современном обществе формирование риска осуществляется в технологических, естественных и социальных системах развития общества. Образование риска осуществляется на базе основных его характеристик, которые, дополняя друг друга, приводят к возникновению вероятности его наступления. Каждая структурная характеристика риска, имеет свои группы процессов и явлений, объединенных по общему принципу. Возникновение риска представлено определенной совокупностью следующих явлений: объект, субъект, причины, факторы, характеристики. Вначале рассмотрим и уточним явления, непосредственно связанные с риском и впоследствии приводящие к основным характеристикам риска. Под объектом риска понимается ресурс, изменение которого возможно в случае возникновения рискованной ситуации¹. Субъект риска характеризуется обществом, группой людей, которые способны принимать решения о действии или бездействии в отношении соблюдения правил безопасности. Ненадлежащее исполнение субъектом риска правил безопасности способно приводить к возникновению ситуации риска. Определение «фактора риска» в области безопасности характеризуется обстоятельствами, которые воздействуют на вероятность и последствия возникновения риска, но не являются его непосредственной причиной. В зависимости от ситуации риска факторы риска могут выражаться и в причине его возникновения. Под причиной риска стоит понимать действие или бездействие человека в отношении, какого-либо объекта или процесса, приводящие к образованию рискованной среды с последующей его реализацией в обществе. В формулировке подразумевается некая предпосылка, в результате которой опасность переходит к риску, что является неким связующим звеном между ними. Вместе с тем выделим объективные и субъективные причины риска. К объективным причинам образования риска можно отнести группы причин, связанных с сущностью природных социальных и технологических процессов, происходящих в обществе. Субъективными причинами образования риска выступают мотивы, ценности и устои человека в ситуации выбора.

Процесс образования риска осуществляется на базе его структурных характеристик:

1 Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь // М.: - Весь мир, 2004. 120 с.

1. Одной из начальных характеристик риска является опасность; рассмотрим понятие «опасность», имеющее множество определений в научной литературе. Выделим общее определение термина опасность – вероятность возникновения обстоятельств, влияющих на систему, и в последующем приводящую к невозможности ее функционирования². Наличие опасности характеризуется отсутствием принятия того или иного решения и является предпосылкой образования риска.

2. Особое внимание стоит обратить на уязвимость, под которой подразумеваются те тонкие грани современного общества, через которые риск имеет вероятность проникновения в систему и способен нарушать имеющуюся систему обеспечения безопасности общества. Термин уязвимость является переходящим от термина опасность и во взаимодействии друг с другом образует среду для проявления риска. Относительно данного термина четкого определения в научной литературе не встречается, однако приведем общее определение, которое гласит: уязвимость — параметр, характеризующийся возможностью нанесения определенным системам или процессам повреждений, вызванных внешними средствами и факторами. В узком смысле рассматриваемый термин характеризуется как наличие слабых мест в системе или процессе, через которые имеется вероятность образования ситуации риска. Чем опаснее технология или система, тем степень ее уязвимости больше, т. е. способность противостоять риску уменьшается. Уязвимость в этом поле выступает как возможность причинения вреда развитию той или иной системы. По средствам уязвимости в развитии социальной системы возможен переход от опасности к риску. Вполне возможно, что отсутствие уязвимости в системе позволит повысить уровень безопасности общества.

3. Вероятность возникновения риска характеризуется определенной степенью того, что риск может наступить. Под собой вероятность предполагает начальные характеристики риска, т.е. объект и субъект риска, опасность и уязвимость. При отсутствии одного из них ситуация риска не может наступить.

4. Следующей характеристикой риска выступает доля случайности, под которой подразумевается проявление внешних неустойчивых связей в процессе жизнедеятельности вследствие пересечения или совпадения ряда независимых друг от друга событий или процессов.

5. Неопределенность исхода события как характеристика риска отражает вариативность предстоящего события, т. е. ее неоднозначность. В отношении риска пожаров, как правило, возникают отрицательные последствия, однако в некоторых случаях отрицательные последствия не наступают. При этом возможность получения неблагоприятного исхода

2 Заплатинский В.М. Терминология науки о безопасности. // Zbornik prispevkov z mednarodnej vedeckej konferencie «Bezpečnostna veda a bezpečnostne vzdelanie». — Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši. (CD nosic), 2006, ISBN 80-8040-302-3.

события уже является риском как таковым. Ввиду этого риски можно рассматривать как следствие неопределенности, в отношении вероятности наступления события:

- полная неопределенность - вероятность наступления отрицательного события максимальна;
- полная определенность - вероятность наступления отрицательного события минимальна;
- частичная неопределенность - вероятность наступления отрицательного события находится в среднем значении.

Неопределенностью исхода события относительно риска выступает недостаточное количество и недостоверность информации и знаний в области безопасности. При этом неопределенность выступает как стечение случайностей, так и действия или бездействия. Наличие неблагоприятных последствий характеризуется самим событием риска в результате его реализации. При этом их наличие обуславливается на начальной стадии образования самого риска.

Происходящие изменения социальной структуры общества, и продолжающиеся инновационные преобразования в промышленной среде создают предпосылки развития риска и его последствий. Понимание сущности и путей предотвращения риска является важнейшей задачей науки и государства. С научной точки зрения сформировано два основных направления изучения риска социокультурное и реалистическое. В рамках социокультурного направления риск рассматривается как элемент единого социально-культурного пространства, укорененного в культуре, социальных отношениях и институтах общества. Данное направление включает в себя основные анализы риска:

1. Культурно-символический подход - исследователь М. Дуглас³, выводит

определение, риска через непосредственное рассмотрение самих ситуаций риска, а само изучение риска осуществляется на основе культурологических особенностей общества. Производство риска осуществляется в результате определенных действий человека, относительно его целей и интересов. В ситуации риска, человек ориентируется на основании усвоенной в процессе жизнедеятельности информации, культурных установок и практик.

2. Теория общества риска - исследователь У. Бек⁴ использует понятие общества риска для разграничения инновационного (технологического) общества. Причиной появления общества риска выступают продолжающиеся глобальные изменения производственных отношений.

В настоящее время на смену личностному риску относительно человека приходит глобальная угроза для общества, которая характеризуется сложной системой взаимодействия социальных групп в об-

ществе. В данной теории риск рассматривается как результат модернизации подверженной влиянию глобализации. Исследователь Э. Гидденс⁵, считал, что современное общество модернизации рискогенно, то есть способно воспроизводить риск. Общим у данных исследователей является, то что риски являются результатом человеческой деятельности и вызываются социальными институтами общества. По мнению Э. Гидденса особую роль в ситуации риска играет не только действие, но и отказ от действия (не принятие решения), что также приводит к ситуации риска. В связи с этим в обществе увеличивается количество внутренних рисков, связанных с ошибками человека.

3. Критический подход - исследователь Н. Луман⁶ в своих работах считает риск субъективным значением, а опасность как результат окружающего мира, объективным значением. Образование риска осуществляется в результате перехода от опасности к самой ситуации риска. Опасность прежде всего характеризуется процессами происходящими в окружающей среде, например природные катаклизмы, относительно риска применимо бездействие человека по отношению к той или иной системе жизнедеятельности.

Реалистическое направление изучения риска рассматривал отечественный исследователь О.Н Яницкий⁷, который разработал свою концепцию «социология риска», продолжая развивать идеи Э. Гидденса и У. Бека. Исследователь рассматривает риск как объективный и познаваемый факт, который измеряется независимо от социальных процессов и культурной среды общества. О.Н Яницкий также, как Э. Гидденс и У. Бек, считает, что производство риска увеличивается ввиду перехода от индустриального общества к обществу модернизации.⁸ В концепции исследователя основными моментами образования и сосуществования риска в российском обществе выступают:

1. отсутствие в обществе согласия относительно базовых целей и ценностей;
2. политическая стабилизация ценой демодернизации;
3. растущая приватизация социального порядка;
4. реактивность культурного процесса;
5. среда обитания, накапливая и распространяя риски, превращается в тормоз социетальной динамики российского общества.

В настоящее время риск явление массовое и необъятное, а область его изучения безгранична. Сегодня наблюдается значительное увеличение количества исследований относительно методологии изучения риска и возможности его предотвращения

5 Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. // М.: - Весь мир, 2004. 120 с.

6 Луман Н. Понятие риска // Thesis, 1994. № 5. С. 135-160.

7 Яницкий. О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3-35.

8 Матвеева К.А Особенности социологического изучения рисков. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 3-1. С. 131-137.

3 7. Дуглас. М. Риск как судебный механизм // ж. THESIS, 1994, вып. 5. С. 242-253.

4 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

либо минимизации его последствий.

Одним из методов снижения риска в обществе можно считать культуру безопасного поведения, характеризующаяся личными качествами человека и определенной системой полученных знаний, приемов, которые позволят человеку безопасно сосуществовать в обществе. Формирование культуры безопасного поведения в обществе осуществляется под действием социального механизма, который способен оказывать воздействие на динамику происходящих событий связанных с риском. Под социальным механизмом, понимается взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения, и т. д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы⁹. Концепция социального механизма активно исследовалась, такими социологами как Э. Дюркгейм, Г. Спенсер М. Вебер, Т. Парсонс, и др.¹⁰, которые заложили основные направления его изучения. В настоящее время в обществе имеется огромное множество вариаций данного понятия, но общей чертой данного термина является связь, взаимодействие между различными социальными процессами и явлениями.

Социальный механизм формирования культуры безопасного поведения в обществе способствует обеспечению, развитию и поддержанию социальных отношений и социальной структуры общества, в целях установления правильных социальных норм и образцов поведения. Реализация социального механизма в обществе осуществляется на базе культурных норм человека, и на основании приобретенных знаний, навыков, умений в последующем оказывает воздействие на принятие решения в ситуации риска.

Основной функцией социального механизма стоит выделить установление заданных правильных действий в той или иной среде направленной на наиболее эффективное развитие общества, процесса или явления, не вызывающие недовольства социальной группы или всего общества. Вместе с тем культура безопасного поведения в обществе обладает рядом функций, к которым отнесем:

1. Познавательная – направлена на правильное (безопасное) представление о возможном возникновении риска и культуре безопасного поведения;

2. Информативная – направлена на происходящий обмен между отправителем и получателем информации, позволяющая получать знания о мерах безопасности;

3. Оценочная – направлена на безопасное сосуществование человека в обществе и сохранение жизни и здоровья, а также окружающих граждан. Данные

9 Осипов М. Социологический энциклопедический словарь / Изд. группа ИНФРА; М – НОРМА, 1998. 481 с.

10 Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990, с. 808; Парсонс. Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. 2. М., 1993. С. 94-122; Спенсер. Г. Основные начала. : пер. с англ. / Г. Спенсер. – СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1897. – IV. 467 с.; Дюркгейм. Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.

функции являются созидательными и совершенствующими в процессе формирования культуры безопасного поведения в обществе. Наличие социального механизма формирования культуры безопасного поведения в обществе, прежде всего, позволит регулировать общественные процессы, а также проводить стабилизацию и интеграцию, социальной системы общества и упрочение социального порядка, что характеризуется устойчивостью социальных связей.

В целях проведения системного анализа, формирования культуры безопасного поведения в обществе необходимо определить частоту событий (риска) происходящих по вине человека, а также механизмы снижения уровня риска. Для проведения анализа принимаются результаты двух социологических исследований проведенных в 2018 году массовый (N=899) и экспертный опрос (N=110) относительно «Рисков современного общества, связанных с жизнедеятельностью человека». Репрезентативность выборки определялась по следующим признакам: тип поселения (городское или сельское), пол, возраст, вид деятельности. В процессе проявления того или иного события связанного с риском, особое значение имеют причины приводящие к его реализации. Данный вид риска, характерен процессам, связанным с жизнедеятельностью человека, оценим насколько часто происходят пожары по причине человеческой деятельности и каково их распределение по основным причинам пожаров. Вместе с тем сравним данные значения с результатами проведенных социологических опросов и выявим общие их закономерности.

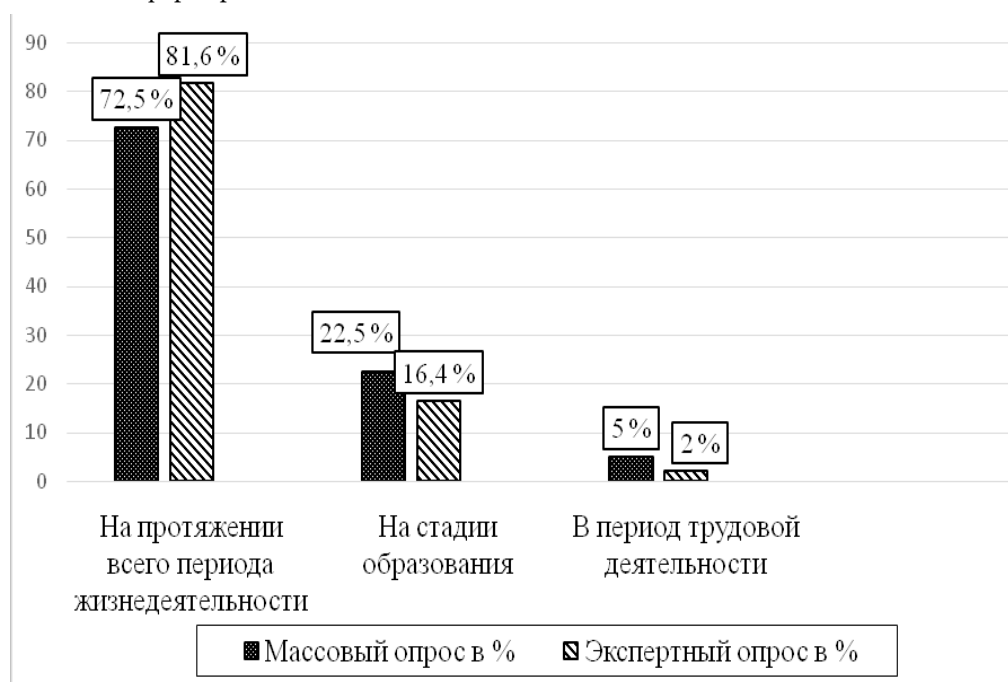
Статистические данные и результаты опросов по причинам пожаров по России приведены за 2018 г. в таб. 1. В настоящее время ФГБУ ВНИИПО МЧС России проводит работу по формированию статистического сборника Пожары и Пожарная безопасность в 2019 г. Статистика пожаров и их последствий.

На основании рассматриваемых данных видно, что статистика причин пожаров практически совпадает с мнением массового и экспертного опроса. Основными причинами пожаров выделяют нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования, печей и неосторожное обращение с огнем. Частота рассматриваемых причин характеризуется ввиду повседневно применения источников повышенной и иной опасности, а ненадлежащие отношения, небрежность выражаемое в действии или бездействии приводит к риску возникновения пожаров. Вместе с тем к группе основных причин пожаров относят такие причины пожаров как поджоги, и нарушения технологических процессов, которые также характеризуются действиями и деяниями человека. Количество причин пожаров характеризуется значительным многообразием и связано с нарушениями правил пожарной безопасности при определенных видах деятельности и процессах. Обращая внимание на проведенный анализ причин пожаров можно констатировать, что более 95 % всех пожаров происходят

Таблица 1. Основные причины пожаров¹¹.

№ п/п	Причины пожаров	Массовый опрос, %	Экспертный опрос, %	Статистические данные, %
1	нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования, печей	42,5	45,8	48,31
2	неосторожное обращение с огнем	36,5	32,1	28,21
3	поджог	11,9	8,9	10,33
4	нарушение технологических процессов	8,5	4,2	0,43
5	грозовые разряды	2,6	0	0,37
6	другое	-	9	12,35

Рисунок 1. Этапы формирования навыков безопасного поведения в обществе.

по вине человека, выражаемое в его действиях или бездействиях. Оставшаяся доля менее 5 % причин пожаров, связана с отсутствием действия или бездействия человека и характеризуется природными факторами, такими как грозовые разряды, шаровые молнии. В результате действия, бездействия одного человека, существует вероятность наступления риска для другого не имеющего отношения к ситуации риска, что характеризуется низким уровнем культуры безопасного поведения в обществе.

Актуальным становится определение периодов (этапов) жизнедеятельности человека, на которых стоит осуществлять формирование культуры (навыков), безопасного поведения в обществе. В процессе исследования наиболее значимыми этапами формирования культуры безопасного поведения в обществе были выявлены: период получения образования; период осуществления трудовой деятельности; период

всей жизнедеятельности человека. Рассмотрим более детально основные этапы и выявим наиболее эффективные из них в соответствии с рис. 1.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы, что формирование навыков безопасного поведения в обществе должно осуществляться на протяжении всего периода жизнедеятельности человека. В соответствии с мнением респондентов, формирование знаний безопасного поведения должно осуществляться, планомерно и размерено на всех этапах, жизнедеятельности человека, при этом нельзя, выделять, какие-то из них более приоритетными по отношению к другим. Рассматриваемый нами период характеризуется тем, что человек на каждом этапе своей жизни должен получать и усваивать знания необходимые для его личной безопасности и безопасности окружающих. В данный период попадают все основные стадии жизни человека, начиная со стадии дошкольного образования и заканчивая осуществлением трудовой деятельности, на этих

¹¹ Гордиенко Д.М. Пожары и пожарная безопасность в 2018 году: Статистический сборник. - М.: ВНИИПО, 2019. 125 с.: ил. 42.

Таблица 2. Перечень мероприятий обеспечивающих снижение риска возникновения пожаров.

№ п/п	Мероприятия	Массовый опрос (в %)	Экспертный опрос (в %)
1	проведение профилактики	31,5	30,7
2	повышение уровня жизни общества	27,8	23,4
3	повышением культуры общества	22,9	18,9
4	изменение законов	15,3	15,3
5	другое	2,5	11,7

стадиях необходимо грамотное и упорядоченное доведение информации до человека в последующем приводящая к осознанию чувств ответственности и повышению культуры безопасности личности. В разные периоды жизнедеятельности характерны свои определенные правила, позволяющие безопасно сосуществовать в обществе.

Определенное значение в формировании культуры безопасного поведения в обществе имеет комплекс процессов и явлений по средствам, которых осуществляется прививание установленных в обществе норм, ценностей и правил позволяющих исключить или минимизировать ситуации риска. Рассмотрим, на основании чего возможно снизить количество риска и минимизировать их последствия. Результаты исследования приведены в таб. 2.

Результаты проведенных исследований массовый и экспертный опрос свидетельствуют о том, что наиболее приоритетными мероприятиями в рамках повышения уровня безопасности и формирования культуры безопасного поведения в обществе являются проведение профилактики среди населения целью, которой является доведение информации и контроль над состоянием уровня безопасности общества. Помимо профилактики риска опрошенные респонденты также выделяют повышение уровня жизни и культуры общества, как составную часть безопасности. Повышение данных условий жизнедеятельности человека будет формировать более рассудительное отношение к вопросам личной и общественной безопасности. Процентное распределение в рамках данных опросов распределилось практически равномерно, что свидетельствует об однотипном взгляде среди различных категорий общества. Меньшее значение приобретает изменение законодательной базы, которая будет иметь наименьшую эффективность при отсутствии профилактики и повышения уровня жизни и культуры общества. Основной комплекс профилактических мероприятий, как правило, направлен на предотвращение образования самого рискованного события, путем изменения общественного сознания и прививания навыков безопасного поведения.

Рассматривая обеспечение безопасности как инструмент снижения риска, стоит особое внимание обратить на мероприятия, при помощи, которых

возможно защитить себя от последствий риска. Одним из таких мероприятий выступает страхование имущества, собственности от различного рода риска. Прежде всего, под страхованием имущества понимается вид страхования, в котором в качестве объекта страхования выступает имущественный интерес, связанный с владением, пользованием и распоряжением имуществом¹².

Страхование имущества в Российской Федерации осуществляется преимущественно в форме добровольного страхования, однако в последние годы ввиду происходящих чрезвычайных ситуаций, природных пожаров, наводнений актуальность страхования значительно повышается. Ввиду этого органами государственной власти издаются нормативно-правовые акты, стимулирующие мероприятия по популяризации добровольного страхования жилья, что в первую очередь направлено на возможность возмещения материального ущерба, при наступлении чрезвычайных ситуаций. В сентябре 2018 года аналитическим центром НАФИ был проведен репрезентативный всероссийский опрос «Отношение россиян к добровольному страхованию жилья»¹³. Целью проводимого исследования являлось выявить отношение россиян к данной инициативе. Опрошено 1600 респондентов в 42 регионах России, в возрасте от 18 лет и старше. Входе исследования предполагалось оценить насколько общество готово реализовывать положения закона о добровольном страховании жилья граждан от чрезвычайных ситуаций, пожаров, наводнений. Реализация закона осуществляется посредством накопления финансовых средств вносимых страхователями, из которой в случае чрезвычайной ситуации будем компенсироваться материальный ущерб.

По результатам исследования было выявлено:

1. 30 % опрошенных респондентов частично знакомы, с содержанием закона, 70 % опрошенных респондентов не знакомы с данным законом. Данное процентное распределение свидетельствует о низком уровне информированности общества о принятии закона, а также о низком интересе общественности к

12 Юлдашев. Р.Т. Страхование имущества // Страховой бизнес: Словарь-справочник / Сост.. — Москва: Анкил, 2005. 832 с. — ISBN 5-86476-159-1.

13 <https://nafi.ru/projects/finansy/otnoshenie-rossiyan-k-dobrovolnomu-strakhovaniyu-zhilya> (Дата обращения: 18.04.2020)

Таблица 3. Частота страхования имущества от риска относительно эффективности страхования.

Как Вы считаете, застраховав своё имущество, Вы обезопасите себя от последствий риска?	Как часто Вы страхуете свое имущество от риска?				
	Часто	Иногда	Редко	Никогда	Всего
Да, это вполне позволит себя чувствовать спокойно	18,8	35,5	22,5	23,2	100,0
Позволит частично разрешить ситуацию	9,4	28,2	27,6	34,7	100,0
Считаю это не нужным	3,2	11,7	15,0	70,0	100,0

соблюдению законов на добровольной основе.

2. Большинство населения РФ к закону относится негативно (40%) и нейтрально (34%), что характеризуется недоверием к органам государственной власти, страховым компаниями, а также ввиду социально экономических проблемам российского общества. Данное отношение к принятому закону создает барьеры к его популяризации и последующей реализации в обществе, несмотря на явные преимущества. Одним из барьеров выступает различие в сумме страховых взносов и страховых премий, которые не имеют одинаковых значений в страховых компаниях.

3. Наиболее приемлемой средней суммой страховых взносов является ежемесячно не более 300 рублей в пределах городского поселения. Относительно сельского поселения и граждан пенсионного возраста средняя ежемесячная сумма составляет не более 200 рублей.

4. Наиболее активными гражданами готовыми застраховать свое жилье являются: лица проживающие на территории ЦФО РФ; квалифицированные специалисты; граждане имеющие доход выше среднего.

5. Менее заинтересованными (не заинтересованы) в страховании своего имущества являются: жители сельской местности; пенсионеры, безработные; граждане имеющие низкий уровень дохода; неквалифицированные рабочие.

Рассмотрев отношение общества к реализации закона о добровольном страховании, стоит заметить, что развитие основ данного закона, способствует не только возмещению материального ущерба при наступившем событии риска, но и способствует формированию культуры безопасного поведения в обществе. Страхование выступает методом, который связан с культурой безопасного поведения в обществе, так как выражает определенную степень сознательности и ответственности граждан. Вместе с тем необходимо определить зависимость чувства безопасности и частоты страхования имущества от риска.

Результаты проведенных исследований позволяют определить, зависимость частоты страхования и степени безопасности граждан при его реализации, а также выявить основные недостатки страховой деятельности. Результаты исследования приведены в таблице 3.

Лица, считающие, что метод страхования являет-

ся эффективным гораздо, чаще застраховывают свое имущество, по сравнению с лицами, считающими данный метод не эффективным. Метод страхования позволяет застраховать, свою ответственность и ответственность иных лиц повредивших имущество входе реализации того или иного рискованного события. Лица, считающие данный метод эффективным, 76,8 % периодически застраховывали свое имущество в процессе своей жизнедеятельности. Группа лиц считающих данный метод не эффективным 70 %, никогда не застраховывало своего имущества. В среднем можно констатировать, что более 40 % опрошенных респондентов никогда не застраховывало своего имущества от риска. Таким образом, видно, что метод страхования является достаточно эффективным, однако, практически каждый второй гражданин не применяет данный метод как возможность снижения уровня последствий от события связанного с риском. Низкий уровень страхования имущества обусловлен рядом причин, к которым можно отнести:

1. Отсутствие доверия к деятельности страховых компаний;
2. Высокие тарифные ставки;
3. Низкий уровень выплат при реализации страхового случая;
4. Волокита в ходе, осуществления выплат при страховом случае;
5. Страхование имущества осуществляется на добровольной основе;
6. Низкий уровень осознанности гражданами преимуществ страхования;
7. Низкий уровень осведомленности о возможности страхования имущества от риска;
8. Низкий уровень заработка граждан и как отсутствие материальных средств на оплату страхового взноса;
9. Низкая степень популяризации в обществе.

На основании проведенного теоретического и эмпирического анализа видно, что большинство риска связано с жизнедеятельностью человека происходит в результате его действия или бездействия, которое коренится в человеческой деятельности, отношениях, ценностях и в деятельности ряда социальных институтов российского общества. Наличие причин и частоты реализации риска осуществляется в виду имеющихся уязвимостей общества, по

средствам которых риск проникает в систему либо объект. Основным механизмом предотвращения событий связанных с риском являются проведение профилактики путем формирования культуры (навыков) безопасного поведения в обществе, а также повышение уровня культуры и жизни граждан. Данные мероприятия являются взаимосвязанными и должны реализовываться в совокупности друг с другом. Формирование культуры безопасного поведения человека в обществе должно осуществляется на всем периоде жизнедеятельности человека, что позволит значительно повысить уровень безопасности. Вместе с тем стоит выделить метод, страхования который также имеет определенное значение относительно снижения последствий риска пожаров. В проведенном исследовании оценено отношение и частота страхования имущества от риска. Однако имеющиеся недостатки в данной деятельности препятствуют активному применению метода страхования. Выполнение значительного комплекса мероприятий и продолжающаяся работа по совершенствованию механизмов снижения риска пожаров, позволят в ближайшие годы значительно повысить степень защищенности общества от риска, а также повысить уровень культуры общества.

References

- [1] Beck W. Risk Society. On the way to another Art Nouveau / W. Beck. M.: Progress-Tradition, 2000. 384 p.
- [2] Weber M. Selected Works: Trans. with him. / Comp., Ed. and after Yu.N. Davydova; Foreword P.P. Gaidenko. - M.: Progress, 1990. 808 p.
- [3] Gordienko D.M. Fires and Fire Safety in 2018: Statistical Digest. - M.: VNIIPPO, 2019. 125 p.: ill. 42.
- [4] Giddens E. An Elusive World: How Globalization Changes Our Lives. // M.: - The whole world, 2004. 120 p.
- [5] Douglas M. Risk as a judicial mechanism // Well. THESIS, 1994. Vol. 5. P. 242-253.
- [6] Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. M.: Nauka, 1991. 572 p.
- [7] Zaplatinsky V.M. Terminology of the science of security. // Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie "Bezpečnostná veda a bezpečnostné vzdelanie." - Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši. (CD nosic), 2006. ISBN 80-8040-302-3.
- [8] Tooth Yu.A., Chuprov V.I. Threats in a transforming living environment as a factor of social risks: forecasting and regulation // Sociological studies. 2017. № 5. P. 57-67.
- [9] Luman N. The concept of risk // Thesis, 1994. No. 5. P. 135-160.
- [10] Brain A.V. Risk communication as a mechanism for forming the security status of a territorial community in the process of adaptation Understanding society and security, 2019. № 2 (3). P. 137-145. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6290](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6290)
- [11] Osipov M Sociological Encyclopedic Dictionary / Ed. INFRA group; M - NORMA, 1998. 481 p.
- [12] Parsons T. On social systems. M.: 2002. 832 p.
- [13] Spencer G. Basic principles: trans. from English / G. Spencer. - SPb.: L.F. Panteleev, 1897. IV. 467 p.
- [14] Yuldashev R. T. Property insurance // Insurance business: Dictionary-reference book. — Moscow: Ankil, 2005. 832 p.
- [15] Yanitsky O.N. Sociology of risk: key ideas // World of Russia. 2003. № 1. P. 3-35.
- [16] Boudon R. The Unanticipated Consequences of Social Action. London: Macmillan., 1982. 232 p.
- [17] Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // American Sociological Review, 1936. Vol. 1. P. 894-904.
- [18] Urry J. Climate Change¹ & Society. Cambridge: Polity Press, 2012. 16 p.
- [19] <https://nafi.ru/projects/finansy/otnoshenie-rossiyan-k-dobrovolnomu-strakhovaniyu-zhilya/> (04.18.2020)

- [20] Matveeva K.A. Features of a sociological study of risks. Bulletin of the Udmurt University. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy. 2009. № 3-1. P. 131-137.

Библиографический список:

- [1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- [2] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- [3] Гордиенко Д.М. Пожары и пожарная безопасность в 2018 году: Статистический сборник. - М.: ВНИИПО, 2019. 125 с.: ил. 42.
- [4] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. // М.: - Весь мир, 2004. 120 с.
- [5] Дуглас М. Риск как судебный механизм // ж. THESIS, 1994. Вып. 5. С. 242-253.
- [6] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- [7] Заплатинский В.М. Терминология науки о безопасности. // Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie «Bezpečnostná veda a bezpečnostné vzdelanie».— Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši. (CD nosic), 2006. ISBN 80-8040-302-3.
- [8] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.
- [9] Луман Н. Понятие риска // Thesis, 1994. № 5. С. 135-160.
- [10] Мозговая А.В. Коммуникация риска как механизм формирования статуса безопасности территориального сообщества в процессе адаптации Понимание общества и безопасности, 2019. № 2 (3). С. 137-145. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6290](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6290)
- [11] Осипов М Социологический энциклопедический словарь / Изд. группа ИНФРА; М – NORMA, 1998. 481 с.
- [12] Парсонс Т. О социальных системах. М.: 2002. 832 с.
- [13] Спенсер Г. Основные начала: пер. с англ. / Г. Спенсер. - СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1897. IV. 467 с.
- [14] Юлдашев Р. Т. Страхование имущества // Страховой бизнес: Словарь-справочник.— Москва: Анкил, 2005. 832 с.
- [15] Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3-35.
- [16] Boudon R. The Unanticipated Consequences of Social Action. London: Macmillan., 1982. 232 p.
- [17] Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // American Sociological Review, 1936. Vol. 1. P. 894-904.
- [18] Urry J. Climate Change¹ & Society. Cambridge: Polity Press, 2012. 166 c.
- [19] <https://nafi.ru/projects/finansy/otnoshenie-rossiyan-k-dobrovolnomu-strakhovaniyu-zhilya/> (18.04.2020)
- [20] Матвеева К.А. Особенности социологического изучения рисков. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 3-1. С. 131-137.

Кожокар В.А.

Аспирант, кафедра историко-культурного наследия и туризма, Алтайский государственный педагогический университет.

Особенности краеведения казахстанского Прииртышья 1920-1930-х годов на примере деятельности Д.П. Багаева*

Аннотация. В статье отражено становление краеведческого движения в казахстанской части Прииртышья, а именно в Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях Казахской ССР. Изучаются местные особенности проведения общегосударственной политики по развитию сети краеведческих обществ и учреждений на всей территории Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, союз, геополитика, экономика, регион, социология.

Kojakar V.A.

Postgraduate Student, Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical University.

Features of local history of Kazakhstan Irtysh 1920-1930-ies on the example of D.P. Bagaeva

Abstract. The article reflects the formation of the local history movement in the Kazakh part of Irtysh, namely in the East Kazakhstan and Pavlodar regions of the Kazakh SSR. We study the local features of the national policy for the development of a network of local history societies and institutions throughout the Soviet Union.

Key words: USSR, union, geopolitics, economics, region, sociology.

В статье отражено становление краеведческого движения в казахстанской части Прииртышья, а именно в Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях Казахской ССР. Изучаются местные особенности проведения общегосударственной политики по развитию сети краеведческих обществ и учреждений на всей территории Советского Союза. Помимо ранее включённых в научный оборот данных по краеведческому движению в Казахстане, в статье присутствуют материалы локального характера из фондов государственных архивов Павлодарской области и города Семипалатинска. Включены в исследования материалы, вышедшие за последние 2 года по систематизации документов, в частности посвящённых краеведению Павлодарского Прииртышья 1920-1930-х годов, ранее не используемые в широкой научной дискуссии. В статье ставится под вопрос объективности выводов исследователей данной тематики, о слабом развитии краеведческих обществ в 20-30-х годах в следствии командно-административной системы управления.

В период становления Советской власти, массового строительства промышленных объектов по всей стране, возникла необходимость в привлечении широких масс населения в краеведческую работу на местах. Возникла потребность в комплексном

исследовании природных ресурсов, а также условий, в которых придётся включать их в народное хозяйство. Требовалось принятие значительных мер по взятию на учёт, систематизацию и охрану памятников культуры и истории. Начиная с 1920-х годов, в стране начали принимать участие в краеведческой работе общественные организации, под общим контролем научно-исследовательских институтов и краеведческих музеев. Энтузиасты-краеведы, историки, учителя и служащие осуществляли сбор данных о природных ресурсах, полезных ископаемых, необходимых в промышленности и быту растений и животных. В сферу их интересов входили так же этнографические изыскания народов СССР их бытовое и обрядовое творчество, повседневная жизнь, хозяйственная деятельность. Проводилась работа совместно с местными органами власти по составлению планов развития хозяйства регионов. [1, с. 4]. По мнению главы центрального бюро краеведения П.Г. Смидовича: «Краеведение является совокупностью работ, ведущихся общественными силами, по всестороннему (комплексному) научному изучению данной территории. Советские условия выдвигают на эту работу широкие массы трудящихся города и деревни (советская общественность) и тем самым превращают советское краеведение в одну из форм

* © Кожокар В.А., 2020.

Особенности краеведения казахстанского Прииртышья 1920-1930-х годов на примере деятельности Д.П. Багаева

содействия социалистическому строительству» [2, с. 36]. Одним из самых главных плюсов советского краеведения – это его неоплачиваемая основа. Участникам обществ никак не вознаграждалась материально их деятельность, работа осуществлялась исключительно на энтузиазме или указаниях центральных органов управления, находящихся сначала в Москве, а затем переместившихся в столицы союзных республик.

Для этих целей, в начале 1920-х гг. была создана I Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, задача которой была всесторонняя помощь общественности в делах исследования территории страны. Академия наук и Народный комиссариат просвещения как государственные структуры имели аппарат Центрального бюро краеведения – занимавшимся вопросами координации и направления основной деятельности в данном направлении. В декабре 1924 года, после II Всероссийской конференции по краеведению, бюро стало самостоятельным органом, находившийся в ведении Главнауки Наркомпроса РСФСР. В провинции на руководящие должности, чаще всего выдвигались образованные кадры, работающие в органах просвещения, культуры, представители местной власти, краеведы-любители. Они же посещали подобные мероприятия в центре. В декабре 1927 года, на III Всесоюзной краеведческой конференции было выдвинуто требование включения краеведческой работы в общую плановую работу социалистического строительства прошедшая, в связи с всевозрастающей нагрузкой на промышленность и сельское хозяйство [3, с. 55]. На данной краеведческой конференции был избран членом Центрального Бюро, активный деятель краеведческого движения восточного Казахстана М.О. Ауэзов [4, с. 101]. Вслед за центральными регионами, в данном направлении двигалась и периферия, с 24 по 31 августа 1924 года, в Семипалатинске прошла первая конференция краеведов. Она сыграла значительную роль в формировании краеведческого движения и музейного дела всего Прииртышья. Семипалатинск долгое время, с середины 19 века, был оплотом науки казахстанского северо-востока. В нём действовали отделение РГО, статистический комитет и некоторые другие организации занимающиеся, в том числе и вопросами краеведения. Город обладал единственным музеем региона, коллекции которого собирались с 1870-х годов. Богатейшая для провинции музейная библиотека долгое время служили источником знаний по истории соседних городов: Павлодара, Зайсана и Усть-Каменогорска. Музей становится центром краеведения, за методической помощью к сотрудникам обращаются учителя и активисты-краеведы. Не удивительно, что Семипалатинск стал площадкой для организации данного мероприятия, ведь он обладал как подготовленными кадрами, так и накопленными

за десятилетия материалами по краеведению. В работе конференции приняло участие 74 делегата и более 200 гостей представителей губернских и уездных учреждений [5, с. 18.]. От Павлодара на этой конференции присутствовали крупные общественники и педагоги: Д.П. Багаев, А.З. Сатпаев, А.И. Климов [6, с. 15-22]. Небольшое количество павлодарских делегатов может говорить о низком уровне вовлеченности общественности в дело изучения своего края. Выше названный Д.П. Багаев, являлся подлинным энтузиастом этого дела, немалым подспорьем в его труде, так же связанного в будущем с открытием музея была – материальная независимость от государственных органов. Начиная с 1928 года, Д.П. Багаев, на свои средства, принимал многочисленные экспедиции глубоко в степь Баянаульского района, Караганды, Балхаша и другие места. Во время путешествий отражал на фотографии кочевой быт и возникающую промышленность [19, с. 88]. Принимал участие он и в палеонтологических раскопках на Гусином перелёте в 1929 году под руководством Ю.А. Орлова. Именно здесь начала формироваться палеонтологическая коллекция современного историко-краеведческого музея Павлодара, когда Д.П. Багаев оставил часть найденных при раскопках костей у себя, до времени открытия музея. Уже в середине 1920-х годов, он задумывался над его основанием [21, с. 203]. В сентябре 1931 года, отправляется ещё одна экспедиция с участием Д.П. Багаева с целью сбора экспонатов казахского быта и обихода, для организации «небольшого краеведческого музея». Планы по открытию краеведческого музея приурочивали к 11 годовщине Советского Казахстана [16, с. 135-136]. Он же приглашал с краеведческими целями, из Омска, художников В.П. Батурина и Е.А. Клодта в экспедицию по Павлодарской области, в Ермаковский, Экибастузский и Баянаульский районы, по сбору материала для альбома по национальному казахскому орнаменту [17, с. 203]. Собранные Клодтом и Гришениным орнаменты и гербарии растений и трав вошли в первоначальный фонд созданного в 1942 году музея [32]. Не имея достаточного уровня образования, но обладая необходимой для краеведа профессией фотографа Д.П. Багаев стал явным лидером в любительском изучении края. Призывая общественность к краеведению – печатал статьи в местной прессе. Краеведческими изысканиями Багаева интересовались многие общества занимавшиеся изучением природы и культуры страны, к примеру, в 1931 году, член Общества Пролетарского туризма и экскурсий Д.А. Петухов, при посещении Павлодара, отмечал богатую фотографическую коллекцию Д.П. Багаева, отображающую жизнь и быт местных жителей, преимущественно казахов. Помимо фотографий он занимался описанием природы, экономического и бытового уклада жителей края [20, с. 213-214]. Члены Семипалатинского

отдела Общества изучения Казахстана, в свою очередь, читали лекции по истории края, работали с населением в плане пропаганды краеведческой работы и давали указания по оформлению отчётов на собранные материалы. За время работы отделения было опубликовано два издания методического характера – «Памятка краеведа на 1937 год», и «Спутник краеведа» в 1941 году [18, с. 15]. Итогом работы за 1920-1930-е годы для павлодарских краеведов можно считать, тот факт, что в 1938 году Д.П. Багаев экспонировал свои фотографические работы по краеведению собранные за много лет работы, в музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде [22, с. 186]. Как видно тесная связь общественников и государственных органов стала результатом проводимой в стране политики по развитию краеведения. Инициатива граждан знающих местность и особенности проживания людей совмещённая с научными знаниями учёных открывали новые страницы в изучении края. Во многом именно энтузиазм тридцатых годов стал основанием для открытия широкой музейной сети в Прииртышье – Павлодар, Усть-Каменогорск, Семипалатинск. Не только на исследовании природы и истории ставили цели краеведы, так же изучался фольклор и жизнь и быт казахов, русских переселенцев в Степной край и на Алтай.

Для лучшей организации краеведческой работы и детального изучения огромной территории Казахстана, 15 октября 1920 года было образовано общество изучения Киргизского края, переименованное в 1925 году в Общество изучения Казахстана [7, л. 1]. На базе республиканского общества были организованы, впоследствии, ячейки на местах. После 1931 года Семипалатинский отдел Общества изучения Казахстана располагал своими ячейками и в других городах Восточного Казахстана: Усть-Каменогорске, Зайсане [12, с. 15].

В уставе Общества выделялись такие задачи, как: обнаружение и приведение в порядок уже собранных и хранящихся в местных архивах, библиотеках и у частных лиц сведений и материалов по республике и в сопредельных областях; научная оценка и их исследование; научные исследования и организация экспедиций по изучению края; содействие учёным и всем лицам, занимающимся изучением края, взаимодействие с другими учёными сообществами; собрание и хранение научных материалов, «всемерное содействие созданию краевого музея». Организация содействовала любому научному изучению региона, как учёными профессионалами, так и любителями. При координации Общества было проведено обследование почв Павлодарского уезда, итоги которого опубликованы в «Трудах общества изучения Киргизского края». В 1926 году, омский профессор-краевед П.Л. Драверт побывал в Баянауле, в ходе обследования обнаружил там грот с наскальными надписями. В 1927-1929 годах палеон-

толог Ю.А. Орлов проводил исследования палеонтологического местонахождения Гусиный перелёт. Часть экспонатов из материалов этих экспедиций хранится в современном историко-краеведческом музее им. Г.Н. Потанина [8, с. 27]. Как для молодых учёных, так и для заслуженных профессионалов – Прииртышье являлось практически неисследованным краем, где можно было совершить открытия в широком поле научной деятельности, от палеонтологии до этнографии.

Для включения в исследование региона широких народных масс, членами Общества при поддержке Гуобно, проводились экскурсии со школьными работниками, для ознакомления с флорой и фауной окрестностей начиная с 1923 года [9, с. 2]. Учителя в свою очередь могли транслировать далее знания по истории и природе края. Подобная работа велась также в виду отсутствия в широком доступе краеведческих материалов о том или иной местности. Заглядывая вперёд, у работников павлодарского музея, до конца 1950-х, популярная тема лекций в школьных учреждениях и рабочих коллективах была «История Павлодарской области». Данный факт может свидетельствовать о крайне низком знании широкой общественности о природе, истории и богатствах недр родного края. В 1929 году, Семипалатинский отдел Общества совместно с краеведческим музеем издал программу изучения родного края в школах, которая была распространена среди школ губернии. Павлодарский окружной отдел народного образования обязывал все школы вести обучение краеведению в школах в соответствии с данной программой [13, с. 78]. В резолюции от 21 января 1929 года, Иртышской школе крестьянской молодёжи в Павлодаре следует: «усилить краеведческую работу, тесно связать её с ОКРЗУ и ОКРНО с тем, чтобы в текущем году создать районные и окружные методбюро. В этой связи, школам поручалось «провести работу по изучению местного края с тем, что бы в текущем году собрать этнографические сведения, историю сел, экономику и быт» [14, с. 118]. В мае 1929 года, краевед Д.П. Багаев организовал первый краеведческий кружок в павлодарском Прииртышье, на базе школы 2 ступени [15, с. 8]. Происходит повсеместное включение образовательных учреждений в краеведческую работу. К данной деятельности привлекаются как государственные служащие, так и любители, в виде Д.П. Багаева.

Он стал активным участником образования Павлодарского отделения «Общества изучения Казахстана» в 1936 году. Каждому члену этого общества было дано задание отдельное задание по сбору краеведческих материалов для составления истории бывшего Павлодарского уезда [23, л. 1]. Именно с момента выделения Павлодарской области в отдельную административную единицу, началась активная фаза деятельности отделения на этой террито-

рии. 17 мая 1938 года в Павлодарской области было организовано областное оргбюро Общества изучения Казахстана в составе 5 человек. Они представляли основные направления развития общества: заведующий ОблОНО, старший агроном ОблЗУ, отд. Школ Обкома, представитель «Майкаинзолото», председатель Облплана. Постановлением оргкомитета КазЦИК по Павлодарской области об организации областного оргбюро общества изучения Казахстана было предложено: «развернуть работу по организации низовых ячеек Общества изучения Казахстана во всех крупных предприятиях, каждом совхозе и учебных заведениях с добровольным охватом членства из рабочих, колхозников, учащихся и т.д., широкого разъясняя огромное политико-экономическое значение изучения Казахстана». Оргбюро Общества изучения Казахстана должно было организовать три секции определяющие направления работы: промышленно-геологическую, сельскохозяйственную, историческую. Предложить оргбюро Общества изучения Казахстана приступить к организации облмузея в Павлодаре, поручить горсовету подыскать помещение [24, л. 319]. Было организовано 22 ячейки с охватом членов общества в 223 человека. За год своей работы, областное оргбюро не смогло в полной мере выполнить возложенные на него задачи. Отмечается, невыполнение тех обязательств по осуществлению мероприятий, которые взяло на себя облоргбюро в 1938 году. Отсутствовала достоверная и полной информация о состоянии дел в районах, что стало следствием того, что облоргбюро и секции не укомплектованы. Бюро не смогло организовать деятельность по развёртыванию работы существующих низовых ячеек в районах, с отдельными членами общества. Плохо привлекалась к работе широкая общественность – научные работники, стахановцы, рабочие и колхозники, советские партийные работники и школьники. В этой же сфере не развёрнута широкая пропаганда среди трудящихся масс о задачах общества по привлечению к научно-исследовательской работе областных секций, райоргбюро и низовых ячеек [25, л. 64-65]. Так же на довольно низкое качество работы республиканского Общества изучения Казахстана, а в частности его секретаря в 1940 году А.М. Жиренчина, жалуются работники создаваемого в Семипалатинске мемориального музея имени Абая. По заданию которых, А.М. Жиренчин должен был заняться поиском и сбором фотоматериалов, документов о жизни и деятельности Абая Кунанбаева, но к обозначенному сроку собрал довольно скромный материал, который не мог являться ключевым в экспозиции новообразованного музея [26, л. 1-2]. Исследователи, обращая внимание на сложившуюся ситуацию в краеведческом движении Казахстана, отмечают сильное влияние репрессивных действий государства по вычищению из рядов музейных работников и краеведов-любителей

чуждые советскому строю элементы [27, л. 8]. Были прецеденты снятия с должностей и арест работников данной сферы различного уровня. Чаще всего, под действие этого явления попадали старорежимные работники музейной сферы, царская интеллигенция и граждане негативно относящиеся к работе советского правительства и всего социалистического строя. Подобные явления интерпретируются исследователями, как препятствующие работе общественников по сбору информации о крае. Таких фактов в биографиях краеведов Павлодара нами не фиксируется. В то же время, анализируя документы Павлодарского областного совета, мы наблюдаем огромный поток задач которыми занимались органы власти на местах, и всего лишь несколько документов отражающих работу направленную на развитие краеведения.

Пытаясь исправить ситуацию, принимаются решения: организовать широкое вовлечение в члены общества из числа любителей краеведов, организовать так же ячейки общества на предприятиях, учреждениях и школах, где это возможно. Больше практиковать экспедиции из учащейся молодёжи по сбору исторических материалов и другим вопросам изучения нашей области [28, л. 133-134]. Не стоит думать, что проблемы расширения деятельности краеведческого движения среди масс волновали лишь руководство и любителей-краеведов Павлодарской области. На совещании Совета семипалатинского областного краеведческого музея затрагивался вопрос распространения краеведческих знаний как можно шире среди масс населения области, а так же включения в данную работу множество учреждений заинтересованных в пропаганде и популяризации своих научных работ среди общественности города. Так же указывается на то, что краеведческая работа в школе имеет огромное учебно-воспитательное значение и областному краеведческому музею следует провести работу с учителями по ознакомлению их с методами краеведческой работы [29, л. 11]. С окончанием деятельности Общества Изучения Казахстана в 1941 году, краеведческая деятельность в Прииртышье стала менее масштабной, вплоть до послевоенного времени [30, с. 21]. Однако деятельность краеведов полностью не исчезает во время войны, в 1942 году в Павлодаре открывается областной краеведческий музей, своей главной экспозиционной и исследовательской темой на это время ставивший пропаганду дела помощи тыла фронту и победы Красной армии.

Более чем два десятилетия просуществовало Общество изучения Казахстана, за отведённое время оно смогло добиться относительно больших результатов на ниве исследования и накопления знаний о территории и населении республики. С его помощью были созданы филиалы как в городах, так и в районах всей страны. Оно смогло активизировать краеведческую работу на местах, что способство-

вало будущему, послевоенному буму краеведения в школах, на предприятиях, колхозах. Исследователь Чиликов Е.В. [31] утверждает, что постепенное затухание работы и ликвидации деятельности Общества, послужила командно-административная система управления и «и жесткий контроль в гуманитарной сфере исследований за соблюдением идеологических догм». Автор считает это обстоятельство основной причиной того, что отношения между любителями-краеведами и государственным аппаратом не сложились в деловые взаимовыгодные отношения. При анализе представленной документации из местных архивов, нам видится несколько другая ситуация. Здесь стоит учитывать несколько факторов влияния, первый: тяжёлая экономическая и социальная ситуация в стране на 1920-1930-е годы. У местных исполнительных органов было слишком много работы помимо данного направления: ликвидация безграмотности, борьба с черными бандами, продовольственная проблема. Исполкомам областей и районов было просто некогда заниматься подобной деятельностью, так как она не была связана с жизненно важными для страны вещами. В то же время, часто отсутствовала оплачиваемая штатная единица по краеведческой работе, даже должности секретарей бюро и то совмещались с государственными. В будущем, как мы увидим, после войны, когда быт и обеспечение людей наладится – в краеведческом движении произойдёт бум, и дело станет совсем на другие, более широкие рельсы.

Библиографический список:

- [1] Даринский А.В., Кривонослова Л.Н., Круглова В.А., Луканенкова В.К. Краеведение: Пособие для учителей. – Москва: Просвещение, 1987. 158 с.
- [2] Социалистическое строительство и краеведение: Доклады П.Г. Смидовича, Г.М. Кржижановского на IV Всесоюзной конференции по краеведению 22 марта 1930 г. М., 1930.
- [3] Козлов В.Ф. «Огосударственное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2013. № 9 (110). 259 с.
- [4] Ахметова С.А. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 169 с.
- [5] Темиров Б.Н. Областной историко-краеведческий музей города Семей. Посвящается 130-летию областного историко-краеведческого музея города Семей.- Семей, 2013. 287 с.
- [6] Бюллетень Семипалатинского отделения РГО. № 1. 1924.
- [7] ГАПО. Ф.535.0.1.Д.252.Л.1
- [8] Захаренков А.Л. ПОИМКМ: истоки и уроки. Материалы международной научно-практической конференции «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития».- Павлодар, 2012. 262 с.
- [9] Труды Общества изучения Киргизского края.- Оренбург, 1925, выпуск шестой
- [10] ГАПО. Ф.535.0.1.Д.252.Л.1
- [11] Труды Общества изучения Киргизского края.- Оренбург, 1925, выпуск шестой.
- [12] Турова Л.П. История краеведческого движения в Восточном Казахстане в XX веке. Автореферат диссертации к.и.н. -Караганда, 2009. 17 с.
- [13] Ахметова, С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 169 с.
- [14] Нурахметова Г.Б. Предыстория появления музеев в Павлодарском Прииртышье. Материалы международной научно-практической конференции «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития».- Павлодар, 2012. 262 с.
- [15] Нурахметова Г.Б. К 75-летию музея // Музейный альманах. 2017. № 1. 60 с.
- [16] Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья.- Павлодар, 2017. 740 с.
- [17] Дубовая Е.В. В.П. Батурич в Павлодаре // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. № 8. 302 с.
- [18] Турова Л.П. История краеведческого движения в Восточном Казахстане в XX веке. Автореферат диссертации к.и.н.- Караганда, 2009. 17 с.
- [19] Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017. 740 с.
- [20] Бектурганова, Т.С. Сохранение дома-музея Д.П. Багаева как памятника истории и культуры края // Материалы международной научно-практической конференции «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития». Павлодар, 2012. 262 с.
- [21] Арамонова Л.В. Д.П. Багаев – основатель областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина // Материалы международной научно-практической конференции «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития». Павлодар, 2012. 262 с.
- [22] Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Запечатлённое время. Книга-альбом.- Павлодар: ЭКО, 2018.- 504 с.
- [23] ГАПО.Ф.535.0.1.Д.252.Л.1
- [24] ГАПО.Ф.646.0.1.Д.13.Л.319
- [25] ГАПО.Ф.646.0.1.Д.38.Л.64-65
- [26] ЦДНИ.Ф.1406.0.1.Д.3.Л.1-2
- [27] Алиясова В.Н. Музейное дело в Северном и Восточном Казахстане в конце XIX – первой половине XX в. Известия АГУ. – Барнаул, 2008. 257 с.
- [27] ГАПО.Ф.646.0.1.Д.119.Л.133-134
- [29] ЦДНИ.Ф.374. О.1.Д. 9.Л.11
- [30] Турова Л.П. История краеведческого движения в Восточном Казахстане в XX веке. Автореферат диссертации к.и.н.- Караганда, 2009. 17 с.
- [31] Чиликов Е.В. К вопросу о состоянии краеведения в Казахстане и вклад архива Президента Республики Казахстан в его развитии / Е.В. Чиликов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886-1971). Омск, 2011/ 259 с.
- [32] ГАПО.Ф.535.0.1.Д.258.Л.14

Данакин Н.С.*Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.***Шавырина И.В.***Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.***Демененко И.А.***Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

Сущностные характеристики феномена социального предпринимательства*

Аннотация. Пересмотр роли социального предпринимательства как одного из ключевых факторов социально-экономического развития страны привел к переоценке значения предпринимательской активности и предпринимательских намерений. В данной статье представлен концептуальный анализ феномена социального предпринимательства. Авторами рассмотрены сущность и функции социального предпринимательства, направления деятельности социального предпринимательства в мировом сообществе, а также этапы становления и развития социального предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, бизнес, благотворительность, социальная организация, источники финансирования, ресурсы.

Danakin N.S.*Doctor of sociology, Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.***Shavyrina I.V.***PhD in sociology, Associate Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.***Demenenko I.A.***PhD in sociology, Associate Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.*

Essential characteristics of the phenomenon of social entrepreneurship

Abstract. The revision of the role of social entrepreneurship as one of the key factors in the country's socio-economic development led to a reassessment of the importance of entrepreneurial activity and entrepreneurial intentions. This article presents a conceptual analysis of the phenomenon of social entrepreneurship. The authors examined the essence and functions of social entrepreneurship, the directions of social entrepreneurship in the world community, as well as the stages of formation and development of social entrepreneurship in the Russian Federation.

Key words: social entrepreneurship, business, charity, social organization, sources of financing, resources.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00350 «Технология развития социального предпринимательства в молодежной среде (региональный аспект)».

Нерешенность социальных проблем, снижение социальной защиты граждан, значительная дифференциация доходов отдельных социальных групп верно ведут к серьезному расслоению общества,

снижению уровня благосостояния, а также приводят к дестабилизации экономической и политической ситуации в стране. В то же время современная социально-экономическая политика не может быть

* © Данакин Н.С., Шавырина И.В., Демененко И.А., 2020.

Сущностные характеристики феномена социального предпринимательства

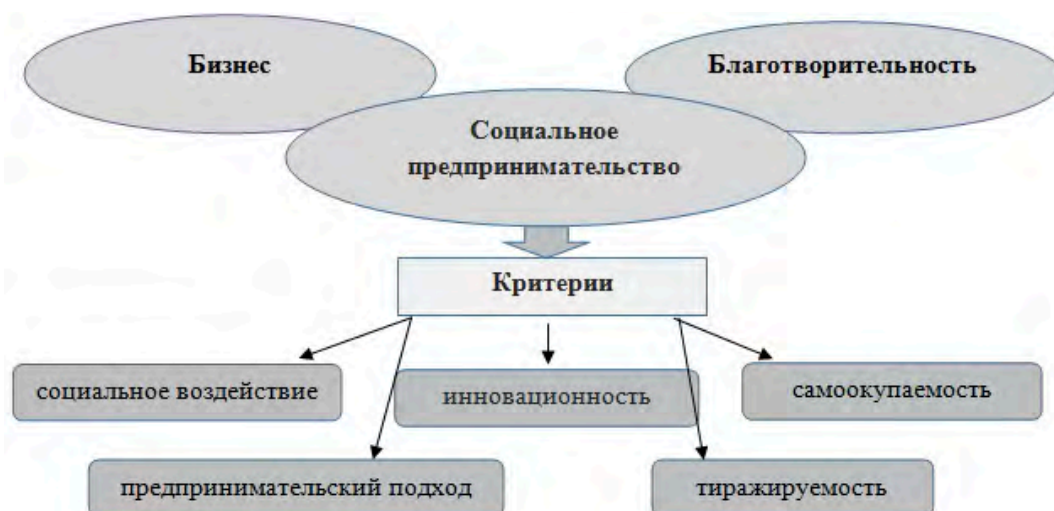

Рис. 1. Сущность феномена социального предпринимательства.

эффективной при невыполнении главного предназначения – удовлетворения потребностей граждан, обеспечения роста уровня жизни и национального благосостояния.

Одним из важнейших признаков цивилизованного развития бизнеса выступает его социальная ориентированность, т.е. проявление в предпринимательской деятельности стремления приносить пользу не одному себе, но способствовать решению задач, которые стоят перед обществом, другими словами, обеспечивать единство собственных интересов с общественной полезностью.

Предпринимательство как таковое является творческим преобразованием находящихся в распоряжении материальных и человеческих ресурсов в новый товар или услугу, это создание нового рынка. Социальная направленность предпринимательства – это особый склад ума, образ жизни, который должен быть принят бизнесменами как обязательная и непосредственная часть их профессионального мышления, а социальное предпринимательство направляет свои силы на удовлетворение услуг потребителей, создавая социально значимые проекты. Задача социального предпринимательства как разновидности предпринимательской деятельности «нагружается» социальной миссией. То есть внедрение социальной инновации способствует созданию новой, более совершенной экономической среды, которая позволяет решать социальные проблемы рыночным способом. Иными словами, понятие социального предпринимательства «соединяет в себе страсть к социальной миссии со свойственной бизнесу дисциплиной, инновацией и решительностью»¹.

Социальное предпринимательство является уникальным типом организации, который не следует путать с другими гибридными формами, такими как НКО с коммерческими компонентами,

социально ответственным бизнесом (включая компании, практикующие социальную ответственность), а также традиционными НКО и коммерческими компаниями.

Как отмечает А.В. Мухин, «основное отличие социального предприятия от обычных благотворительных фондов заключается в том, что социальный предприниматель не просто выделяет денежные средства в какой-либо фонд и не имеет четкого представления, на какие цели использованы эти деньги, и фактически не может оценить социальные последствия своего вклада, а создает организацию, non-profit или forprofit (некоммерческую или коммерческую), цель которой – самостоятельно создавать социальную ценность и на более поздних этапах развития даже функционировать на собственные средства, то есть фактически без каких-либо сторонних дотаций, быть самоокупаемыми»².

Исходя из анализа определений феномена социального предпринимательства, под социальным предпринимательством нами понимается качественно новый способ социально-экономической деятельности, находящийся на стыке коммерческого и некоммерческого секторов, направленный на решение или смягчение социальных проблем в обществе, в основе которого лежит социальная миссия организации и новаторский путь ее решения, способствующий достижению устойчивого уровня самоокупаемости организации, основными характеристиками которой являются социальное воздействие (социальное назначение и приверженность выбранной социальной миссии), инновационность (инновационность подхода к решению или ослаблению социальной общественно разделяемой проблемы), самоокупаемость (самоокупаемость социального предприятия для поддержания его экономической устойчивости и конкурентоспособ-

¹ Dees JG, Anderson BB. Framing a theory of social entrepreneurship: Building on two schools of practice and thought. Boston, 2016. 12 p.

² Мухин А.В. Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые технологии. 2011. № 2. С. 103-104.

Рис. 2. Два типа предпринимательства – два типа основного капитала.

ности), предпринимательский подход (способность социального предпринимателя видеть провалы рынка, находить возможности, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения, оказывающие долгосрочное позитивное влияние на общество в целом) и тиражируемость (масштабируемость) (увеличение масштаба деятельности социального предприятия на национальном и международном уровне и распространение опыта (модели) с целью увеличения социального воздействия) (рис. 1).

Необходимо отметить, что главной целью социального предпринимательства является не максимизация прибыли, а достижение определенных экономических и социальных результатов, а также способность применять инновационные подходы к решению социальных проблем.

При рассмотрении этого сложного явления следует учитывать, что: социальное предпринимательство рассматривается как процесс создания ценности путем сочетания ресурсов новыми способами; эти комбинации ресурсов предназначены в первую очередь для изучения и использования возможностей получения социального блага путем стимулирования социальных изменений или удовлетворения социальных потребностей; рассмотрение социального предпринимательства как процесса предполагает, что оно может относиться к производству товаров и услуг, а также созданию новых организаций.

Более того, при определении социального предпринимательства достаточно остро стоит вопрос доверия, по сути, являющийся главным ресурсом соци-

ального предпринимательства (рис. 2).

Исходя из изложенного можно выделить основные функции социального предпринимательства:

- обеспечение процессов социальной солидарности и социальной справедливости;
- содействие социальному равенству, что приводит к развитию социальной интеграции и порядка в обществе;
- привлечение молодежи к решению социальных проблем;
- создание осведомленного и открытого общества, опирающегося на этические нормы и устойчивого к ксенофобии;
- развитие социальной интеграции.

Сферы распространения социального предпринимательства различны. Реализация социальных проектов может быть направлена на нивелирование таких социальных проблем как социальная незащищенность, безработица, обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до трех лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы защита окружающей среды, права человека и т.д.

В настоящее время социальное предпринимательство призвано для решения социальных проблем на базе бизнеса, которые зачастую невозможно решить стандартными механизмами вмешательства государства или же через некоммерческие организации.

Так, основными направлениями деятельности социального предпринимательства в мировом сообществе являются:

Таблица 1. Распределение предприятий по федеральным округам.

	Число предприятий	%	Справочно: численность населения округов в % от общероссийской
Центральный, (в том числе Москва)	58	30	26,7
Северо-Западный, (в том числе Санкт-Петербург)	47	24	9,5
Приволжский	29	14	20,2
Сибирский	24	12	13,2
Южный	21	10	11,2
Уральский	13	6	8,4
Дальневосточный	9	4	4,2
Северо-Кавказский	1	0,5	6,7
Всего	202	100	100

Таблица 2. Распределение предприятий по форме собственности.

	Число предприятий	%
Коммерческие	116	58
Некоммерческие	54	27
Смешанные	24	12
Неформальные	5	3
Всего	199*	100

* Количество предприятий меньше 202, так как по трем организациям данные о форме собственности отсутствуют.

- 1) создание новой продукции на основе переработки отходов производства;
- 2) создание молодежных организаций, ориентированных на активный образ жизни;
- 3) создание организаций по микрокредитованию малого бизнеса;
- 4) предоставление услуг малоимущим семьям;
- 5) создание предприятий для предоставления мест длительно безработным³.

Изучение социального предпринимательства как явления в нашей стране осложняется трудностями при отнесении той или иной организации к социальному предпринимательству.

Так, А.А. Москвская при проведении исследовательских замеров, формировала список организаций, зарекомендовавших себя в качестве примеров социального предпринимательства на федеральном уровне, исходя из списка победителей общероссийских конкурсов социального предпринимательства. Таким образом, выборочную совокупность составили социальные предприятия, признанные в качестве таковых влиятельными экспертными группами⁴.

³ Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник ТГУ. Выпуск 1 (141). 2015. С. 2.

⁴ Москвская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мо-

Среди обследованных ею социальных предприятий – организации различных форм собственности, видов деятельности и регионов. Региональное распределение отличается неравномерностью. Несмотря на то, что одна треть обследованных организаций сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге, региональный разброс отражает широту известности социального предпринимательства. В выборке оказались представители 47 субъектов Российской Федерации от Калининградской области до Приморья и Хабаровского края (таблица 1).

А.А. Москвской также были проанализированы социальные предприятия по форме собственности. Так, среди социальных предприятий преобладают коммерческие организации (58 %) (табл. 2). Тем не менее, преобладание коммерческих организаций не носит подавляющего характера, и 40 % социальных предприятий, так или иначе, опираются в своей деятельности на НКО.

В России выделяют несколько видов моделей социального предпринимательства:

- 1) производство товаров;
- 2) предоставление социально значимых услуг и работ, в т. ч. для отдельных категорий граждан.

Фондом региональных социальных программ ниторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 42.

Таблица 3. Аудитории социального предпринимательства (по данным Проекта «Каталог социальных предпринимателей»).

№	Аудитория	
1	Родители с детьми	351
2	Люди с ограниченными возможностями, инвалиды	300
3	Молодежь	260
4	Взрослые от 30 до 45 лет	259
5	Взрослые от 45 до 60 лет	232
6	Учащиеся младших классов	230
7	Дошкольники	230
8	Пожилые люди	228
9	Учащиеся средней школы	217
10	Студенты	207
11	Социально-незащищенные жители	193
12	Работающая молодежь	177
13	Некоммерческие организации	164
14	Добровольцы, сторонники НКО	129
15	Другое	124
16	Дети-сироты, приемные семьи	123
17	Неполные семьи	122
18	Сельские жители	116
19	Безработные	96
20	Лица без определенного места жительства	47

Таблица 4. Укрупненные целевые группы социальных предприятий.

Целевые группы	Число предприятий	%
Дети, без акцента на социальных проблемах (включая семьи с детьми)	60 (31 + 8 + 11 + 10)	30
Уязвимые группы детей (в том числе дети-инвалиды)	25 (2 + 3 + 2 + 18)	12,5
Уязвимые группы взрослых (в том числе выпускники детдомов)	52 (32 + 5 + 12 + 3)	26
Группы риска (мамы, молодежь и пожилые)	13 (7 + 2 + 4)	6
Недифференцированные группы (неопределенные, общество в целом, местные жители)	51 (13 + 26 + 2 + 2 + 8)	25
Другое	1	0,5
Всего	202	100

«Наше будущее» были проведены замеры сфер распространения социального предпринимательства в нашей стране.

Так, согласно данным, предоставленным Фондом региональных социальных программ «Наше будущее» в 2018 г. основной сферой деятельности социальных предпринимателей является дошкольное образование (41%).

Следующей по распространению является сфера

трудоустройства людей в сложной жизненной ситуации (16%).

Такие сферы как повышение качества жизни людей из социально незащищенной категории населения и повышение качества и доступности медицинских услуг ограничиваются (по 7%), выпуск социально значимой продукции (6%), развитие сельского хозяйства в регионах России и туристические услуги для социально незащищенных категорий населения

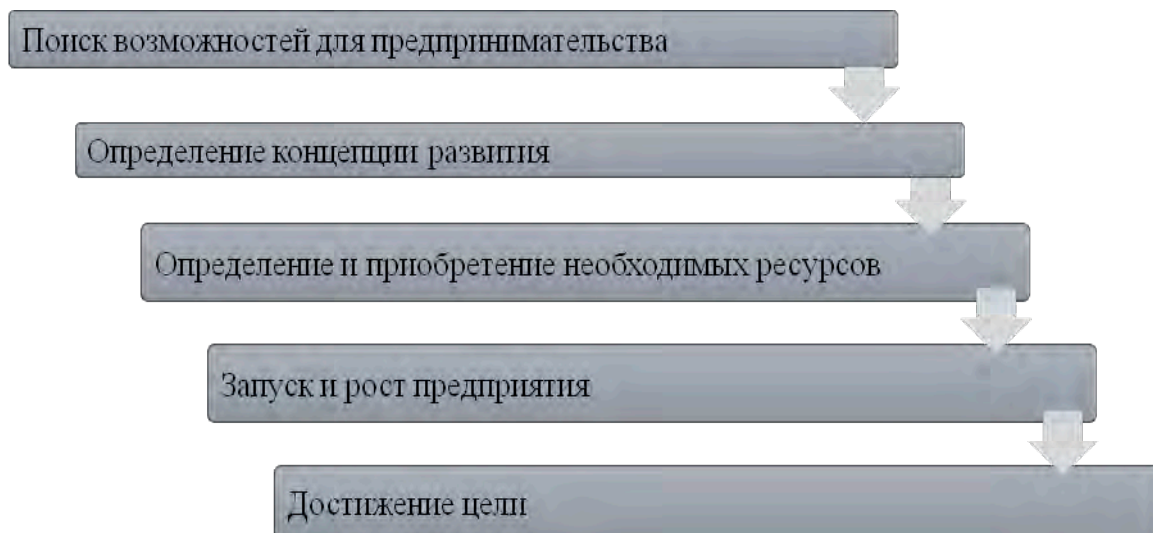

Рис. 3. Этапы становления и развития социального предпринимательства.

(по 5%), экология (4%).

В наименьшей степени в рамках реализации представлены следующие сферы социального предпринимательства: сохранение и возрождение культурного и исторического наследия России, оказание гериатрических услуг населению и организация доступного спортивного досуга (по 3%).

Согласно данным, предоставленным Проектом «Каталог социальных предпринимателей» аудиторией, на которых распространяются проекты социальных предпринимателей различны⁵. В исследовательских целях данные по аудиториям, включенным в сферу социального предпринимательства, нами были выстроены в ранжированном ряду и представлены в таблице 3.

Как видно из данных, представленных в табл. 3, в наибольшей степени социальные проекты направлены на решение проблем родителей с детьми (351 проект), людей с ограниченными возможностями (300 проектов), а также на молодежь (260 проектов).

А.А. Московской была предпринята попытка укрупнить целевые группы социальных предприятий в рамках проведенного ее исследования. Ее предпринята попытка сгруппировать целевые группы социальных предприятий с учетом наличия или отсутствия явных признаков уязвимого положения или острой социальной проблемы в их описании. Даже с учетом отнесения к уязвимым категориям «групп риска», куда попали молодые мамы, пожилые и молодежь (хотя для двух последних часто предлагаются проекты развития досуга), уязвимые целевые группы дотягивают только до 43 % списка, а без «групп риска» охватывают 37 % социальных предприятий. Соответственно – в 63 % случаев целевые группы клиентов в явном виде к социально уязвимым категориям населения не относятся (таблица 4).

Так, согласно полученным данным, среди целе-

вых групп социальных предприятий лидируют дети, инвалиды и недифференцированные клиенты. Из этого можно сделать вывод, что многие социальные предприятия толкуют социальное предпринимательство в расширительном ключе – в качестве социально полезных услуг, предназначенных рядовым семьям с детьми или любым категориям граждан.

Сложившаяся к настоящему времени практика, позволила выявить основные этапы становления и развития социального предпринимательства. Так, А.Б. Воронкевич и М.А. Пономарева считают, что становление социального предпринимательства предполагает прохождение следующих пяти основных этапов (рис. 3):

Первый этап заключается в поиске возможностей для предпринимательства. В рамках данного этапа происходит обнаружение социальных проблем, а также неудовлетворенных потребностей.

Второй этап предполагает определение концепции развития и включает определение социальных выгод и новых продуктов или рынка.

На следующем этапе происходит определение и приобретение необходимых ресурсов. Ресурсная составляющая включает финансовые ресурсы, человеческие ресурсы, а также знания, опыт, навыки, компетенции.

Четвертый этап заключается в запуске и росте предприятия. Данный этап предполагает измерение результата и расширение компании.

На последнем этапе происходит достижение цели. Достижение цели может предполагать слияние с другими компаниями, а также выполнение миссии и закрытие компании⁶.

На наш взгляд, такое системное разграничение этапов в теории позволяет представить социальное предпринимательство как стабильный процесс. Од-

⁵ Проект «Каталог социальных предпринимателей». // URL: <http://coindex.ru/page/about> (дата обращения 8.01.2020).

⁶ Воронкевич А.Б., Пономарева М.А. Применение системного подхода к социальному предпринимательству // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 4. № 6. С. 83-86.

нако на практике наличие тех или иных элементов в пятиэтапном процессе может отсутствовать. Любое предпринимательство есть творческий процесс, и переход одного этапа в другой может протекать вовсе не по такой строгой схеме.

На специфику деятельности социального предпринимателя, как и любого другого предпринимателя, может повлиять структура источников его финансирования. От того, из каких источников в бизнес поступают ресурсы, а также каким является их процентное соотношение, могут зависеть как цели компании, так и успешность их достижения.

Основные источники формирования финансовых ресурсов в предпринимательстве делятся на две группы: «собственные и привлеченные источники финансирования». К собственным источникам относятся вложения учредителей социального бизнеса. Также к собственным источникам финансирования относятся доходы от предпринимательской деятельности, сдачи в аренду или продажи имущества фирмы. Привлеченные источники финансирования – это поступления от сторонних индивидов или организаций, предоставляющих ресурсы на долговой основе с их последующим возвратом (кредиты, долговые обязательства) или безвозмездную финансовую поддержку в форме благотворительных пожертвований и субсидии. Также к привлеченным источникам относятся вложения в уставный фонд компании вложений друзей, родственников, знакомых учредителей – так называемый «любовный капитал»⁷.

Таким образом, изучение сущности социального предпринимательства позволяет сделать вывод о разносторонней ориентации и реализации данного феномена в сферах деятельности.

organizations as a factor in the development of solidarity in the region // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2015. № 5 (129). P. 59-67.

Библиографический список:

- [1] Dees J.G., Anderson B.B. Framing a theory of social entrepreneurship: Building on two schools of practice and thought. Boston, 2016. 12 p.
- [2] Мухин А.В. Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые технологии. 2011. № 2. С. 103-104.
- [3] Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник ТГУ. 2015. Выпуск 1 (141). 2 с.
- [4] Москвская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. 42 с.
- [5] Проект «Каталог социальных предпринимателей». // URL: <http://coindex.ru/page/about> (дата обращения 8.01.2020).
- [6] Воронкевич А.Б., Пономарева М.А. Применение системного подхода к социальному предпринимательству // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Том 4. № 6. С. 83-86.
- [7] Сагинова О.В., Завьялова Н.Б. Обучение социальному предпринимательству // Развитие образовательных программ подготовки социальных предпринимателей: методология и практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 289-291.
- [8] Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Деятельность общественных организаций как фактор развития солидарных отношений в регионе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 59-67.

References

- [1] Dees J.G., Anderson B.B. Framing a theory of social entrepreneurship: Building on two schools of practice and thought. Boston, 2016. 12 p.
- [2] Mukhin A.V. The evolution of the concept of social entrepreneurship. The main functions of social entrepreneurship // New technologies. 2011. No 2. S. 103-104.
- [3] Vetrova E.A. Social entrepreneurship as a factor in the socio-economic development of society // Bulletin of TSU. 2015. Issue 1 (141). 2 c.
- [4] Moskovskaya A.A., Berendyaev A.A., Moskvina A.Yu. Between social and economic good: conflict of projects of legitimation of social entrepreneurship in Russia // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2017. № 6. 42 p.
- [5] Project "Directory of social entrepreneurs." // URL: <http://coindex.ru/page/about> (8.01.2020).
- [6] Voronkevich A.B., Ponomareva M.A. Application of a systematic approach to social entrepreneurship // Economics and Management: Problems, Solutions. 2018. Volume 4. № 6. P. 83-86.
- [7] Saginova O.V., Zavyalova N.B. Education for social entrepreneurship // Development of educational programs for the training of social entrepreneurs: methodology and practice. Collection of materials of the International scientific-practical conference. 2017. P. 289-291.
- [8] Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. The activities of public

⁷ Сагинова О.В., Завьялова Н.Б. Обучение социальному предпринимательству // Развитие образовательных программ подготовки социальных предпринимателей: методология и практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 289-291.

Копылов О.В.Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Колледж профессионального образования.**Нетрадиционный православно-богословский
дискурс Александра Меня***

Аннотация. В современном российском обществе все больше обостряется межконфессиональные противоречия. Этот факт имеет под собой реальные предпосылки. Поверхностные богословские знания и ангажированные квазинаучные концепты создают устойчивые предубеждения в отношении незнакомых и малопонятных вероисповеданий. Поэтому так важно в анализе и практике межконфессиональных отношений, направленных на нахождение точек взаимодействия и понижения напряжения, опираться на опыт богословов, философов и религиоведов, которые исходили из позиции диалога и толерантности в отношениях с инакомыслящими. В статье рассматриваются концептуальные взгляды священника Русской православной церкви Александра Меня. Философско-богословские концепты Александра Меня, не являясь общепринятыми в консервативной среде русского православия, позволяли этому богослову, философу и историку религии, в своем наследии охватить и рассмотреть значительный пласт гуманитарных проблем современности, оставив глубокий след в истории российской философско-религиозной мысли. На основе анализируемого материала делается вывод о значимых возможностях толерантного поведения и диалога даже в консервативной и радикальной среде социума.

Ключевые слова: диалог, толерантность, закрытая и открытая модель христианства, нетрадиционный православно-богословский, дискурс, А. Меня, светская, религиозная, духовность.

Kopylov O.V.

Perm State University College for Professional Education.

**Non-traditional orthodox
theological discourse of Alexander Men**

Abstract. Today Russian society is more and more characterized by the escalating of interreligious arguments. There is some real background for stating this fact. Perfunctory (superficial) eastern theological knowledge and biased pseudoscientific concepts lead to stable prejudice against unfamiliar and merely understandable religions. That is why it is so important when analyzing and putting into practice interreligious relations aiming at finding touch points and lowering the tension to be supported by the experience of eastern theologians, philosophers and religious scholars who tended to dialogue and tolerance in relation to dissent people. In this article are covered the conceptual views of the priest of the Russian Orthodox Church Alexander Men. Philosophy theological concepts of Alexander Men which were not commonly accepted among conservative orthodox Russians yet let this theologian, philosopher and religious historian give consideration to meaningful amount of humanitarian problems of contemporaneity leaving a deep trace in Russian philosophy-religious thought. On this basis there is an outline to be made about significant opportunities of tolerant behaviour and a dialogue even in a conservative or a radical society.

Key words: dialogue, tolerance, open and closed model of Christianity, non-traditional orthodox-theological discourse, Alexander Men, secular, religious, spirituality.

Введение

Множество исследователей современности различными способами интерпретировали духовность, давая ей свое смысловое понимание, и тем самым обогатили как научную мысль, так и культуру. Анализ наследия таких мыслителей позволя-

ет по-новому взглянуть на духовные проблемы и рассмотреть их вклад в культурное разнообразие современности.

Одним из таких пытливых мыслителей, который посвятил изучению духовной культуры более тридцати лет (с конца пятидесятых годов по 9

* © Копылов О.В., 2020.

Нетрадиционный православно-богословский дискурс Александра Меня

сентября 1990 г., – день своей гибели) был протоиерей Александр Владимирович (Вольфович) Мень (1935-1990). Выдающийся православный пастырь, философ и богослов, историк и просветитель духовности, внес особенно значимый вклад в русскую культуру, в поддержании традиций гуманности, диалога и терпимости. По сей день в постсоветском обществе и за рубежом не снижается пристальный интерес научного сообщества, а также религиозной и светской общественности к творческому наследию и к самой личности Мень.

Долгое время о. Александр Мень считался в советской стране «неудобным» мыслителем. Официальная научно-академическая элита из-за идеологического контроля сверху не признавала и профессионально не реагировала на культурологические, социальные и религиозоведческие концепции Мень. А близкие ему по мировоззрению и духовному служению православно-богословские круги из-за засилья консерваторов и фундаменталистов воспринимали его теологические построения как модернизм и экуменизм, который в их глазах выглядел ересью. Примечательно, Мень воспринимался христианским модернистом не только консервативными кругами русского православия, но и светскими исследователями. Так, в исследовании профессора М.П. Новикова «Тупики православного модернизма», мы наблюдаем анализ трудов Мень, – под псевдонимом Э. Светлов, – для обоснования процесса модернизации православной идеологии, богословия и богослужебной практики (Новиков, 1979).

Экуменистическая позиция Мень рассматривается православными фундаменталистами, преобладающими в Русской православной церкви, как модернистская и нетрадиционная для русского православия. История русской церкви показывает, что РПЦ МП является с 1961 года членом всемирного совета церквей (ВСЦ). Но, ориентация на традиционализм и принципиальное неприятие религиозно-церковного новаторства не давали представителям РПЦ вести успешные богословские дискуссии и диалоги с другими представителями ВСЦ (Гордиенко, 1987, с. 79-85). Так же интересен такой факт, РПЦ МП как член ВСЦ должна признавать общность христиан и необходимость объединения, отрицать прозелитизм и отказаться от дискурса «ересей и расколов». Но, в таком церковном документе как «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям», термины «ересь» и «раскол» используются. Согласно этому же документу, христианское единство возможно лишь в лоне Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, а иные «модели» единства неприемлемы.

Но даже в таких неблагоприятных условиях этот подвижник-пастырь смог периодически осуществлять теоретические исследования, частично

публиковать их за рубежом (обычно анонимно, под псевдонимом) и активно влиять посредством гуманистических принципов на обширный круг отечественных диссидентствующих интеллигентов, формируя, таким образом, нетрадиционный религиозно-философский экскурс, тесно связанный с культурно-гуманистическим наследием мыслителя.

В своих трудах Мень рассматривает и критически переосмысливает обширный круг актуальных проблем социального бытия, культурных традиций и взаимоотношений на уровне общества, социальных групп и личности. В противовес ортодоксальному провиденциализму, Мень принимает тезис о решающей роли культуры в жизнедеятельности общества и настаивает на том, что именно ее освоение и формирует «настоящего человека». Сам, будучи убежденным христианином, Мень считал, что прежде, чем быть христианином, надо стать нормальным человеком. «Нормальных людей», по мысли Мень, формирует именно культура, которая помогает индивиду раскрыть в себе лучшие стороны его общественной природы, и только по-настоящему культурный человек может стать настоящим христианином. Поэтому основное направление работ Мень – историко-социальное исследование культуры, исследование, в котором у него противоречиво сочетаются между собой светские и религиозные измерения. Иначе и не может быть, напомним, жизнь и деятельность Мень пришлись на время острой конфронтации, происходившей в стране, между религиозным и светским миропониманием.

Гуманитарные исследования и культура

Любая ментальная конструкция, особенно же – поисковая концепция, явно или имплицитно содержит в себе мировоззренческие установки самого исследователя. Благодаря таковым, он насыщает результаты научно-естественного или гуманитарного поиска подлинно содержательным смыслом, вводит их в картину мира и в арсенал ее культурного освоения. Эвристичное содержание действительно эффективных конкретных исследований часто выводит за пределы их узко-прагматичных задач к конструктивному переосмыслению устаревших воззрений (их «переоткрытию» на основе новой информации) и к отказу от архаичных мифологем. «Переоткрытие» истинных знаний и устранение мифологем способствует обновлению культурных традиций и культуры, как самого исследователя, так и социальной среды, в которой исследователь работает.

Для более конкретного понимания и дальнейшего рассмотрения проблемы. Необходимо сделать небольшой экскурс, уточнить, что следует понимать под культурой и культурными традициями. Существует множество определений термина

«культура». Чем можно объяснить такое многообразие трактовок этого понятия? Понятие *культура* относится к фундаментальным научным понятиям социально-гуманитарного познания. Это понятие характеризует очень сложный и многогранный фактор человеческого бытия, проявляющийся во множестве феноменов социальной жизни и человеческой природе, составляющий их общую природу. Мы согласны с российским культурологом А.Я. Флиером, что наиболее научно обоснованным представляется, определение, принятое в этнологии (социальной антропологии), где под культурой понимается «социальный опыт, коллективного существования людей, накапливаемый и передающийся из поколения к поколению» (Флиер, 2009, с. 126) Более доступным языком эту мысль выразил известный американский антрополог К. Клакхон: «Культура – это способ мыслить, чувствовать, верить. Это знание группы, сохраняющееся (в памяти людей, в книгах и предметах) для дальнейшего использования... Под “культурой” же понимается специфический образ жизни, присущий такой группе» (Клакхон, 1998, с. 44-45). Исходя из такого понимания культуры, мы будем следовать и далее.

На наш взгляд, творческому обновлению традиций культуры более всего способствуют именно гуманитарные исследования. Каждая из конкретных общественных дисциплин обращена к своему частному предметному полю в пространстве общей социальной картины мира: экономика – к экономическим отношениям, культурология – к сфере культуры, искусствоведение – к области искусств, политология – к политическим отношениям, религиоведение – к религиозному комплексу и т.д. В идеале, сведения, полученные в разных областях гуманитарного знания, в той или иной мере согласуются между собой, восполняют друг друга, гармонизируют целостную картину социума, купируют тупиковые и нигилистические отклонения, стимулируя появление новых подходов, измерений и направлений научного поиска.

Но, как известно, различия мировоззрения вторгаются в процесс познания и порождают концептуально-методологические столкновения, в особенности на стадии интерпретации полученных результатов. Эти столкновения чрезвычайно затрудняют взаимопонимание исследователей, препятствуют сопоставлению и принципиально возможному взаимодополнению этих результатов. Поэтому для теоретического познания так актуален анализ тех — пока, к сожалению, немногих — толерантных концепций, где носители разных мировоззрений осознанно стремятся к взаимопониманию, стараются найти то общее и наиболее социально значимое в их взглядах (в первую очередь, в ценностных ориентациях), которое все же объединяет оппонентов и позволяет снизить ба-

рьер взаимного мировоззренческого отчуждения. В этом анализе важно, в частности, зафиксировать те конкретные мировоззренческие паттерны (устойчивые, привычные связки представлений и смыслов), которые поддаются психологической коррекции и позволяют преодолеть концептуально-методологический разрыв между различными областями научного знания.

Об особой актуальности такого анализа свидетельствуют острые дискуссии последнего времени между светскими учеными и теологами относительно гносеологического разграничения между наукой и религией. Таковы, в частности, данные, прошедшей в 2007 г. в Москве научной конференции «Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд». Выступая на конференции, профессор М. О. Шахов, заметил: «Обращение к данной проблематике актуально, во-первых, по причине заметного возрастания социальной роли религии в жизни российского общества в целом, причем религия значительной частью общества начинает восприниматься в том числе и как хранилища истин о наиболее общих законах бытия. Во-вторых, после отмены идеологического табу, не допускавшего какого-либо иного подхода к изучению религии, кроме материалистического, - стала очевидной необходимость выработки новых философско-мировоззренческих оснований изучения религии» (Шахов, 2008, с. 40-41).

Светское и религиозное в воззрениях А. Меня

Творчество Меня, высокообразованной и интеллигентной личности, насыщено проявлениями мировоззренческой толерантности, частыми сочетаниями религиозных и светских измерений. В связи с этим, определим концептуально-методологическое различие религиозных и светских измерений в культуре.

По определению Меня, религия — это в первую очередь связь с Источником бытия, преломление Бытия в сознании людей. Но остается вопрос в том, как понимать само Бытие. Истинное понимание, по Меню, полагает в основу Бытия «Божественную Сущность и осознает себя как ответ на проявление этой Сущности» (Мень, 2004, с. 33). Связь с «Божественной сущностью» и преломление Божественной истины в сознании людей - таков сравнительно корректно сформулированный Менем исходный критерий религиозного миропостижения. В ракурсе нашего анализа укажем на неперенное присутствие в каждом вероисповедании спиритуального начала-парадигмы о духовной первооснове мира. Таковая парадигма является отправным концептуально-методологическим показателем религиозного измерения в культуре.

Теперь обратимся к понятию «светское измерение». Согласно словарю С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, понятие «светский» означает «не церков-

ный, мирской, гражданский; противоположный - духовный». Словарь Д.Н. Ушакова также констатирует: «светский» это «противоположное церковный». Дословная транскрипция латинского термина «секуляризация», указывает нам, что это понятие, есть синоним слова «светский» (Гараджа, 2010, с. 512). Понятие «светское» (профанное) «Новая философская энциклопедия» связывает с термином «секулярное» и считает возможным обозначить таковое как практики, явления, вещи, не имеющие магического или религиозного смысла, которые стали частью повседневной жизни, когда в них перестало проявляться святое, сакральное (Гараджа, 2010, с. 512-513). Соответственно изложенному, сформулируем следующий показатель светского измерения в культуре - «свободная от спиритуальной ангажированности, объективная концептуально-методологическая парадигма познания, миропонимания и деятельности». Но укажем, что «светское» не является полным синонимом понятие «секулярного». Так известный канадский философ, заслуженный профессор философии Университета Макгилла (Канада) Ч. Тейлор выделяет три способа понимания секулярности: 1) как публичные пространства, свободные от религиозной веры; 2) как упадок верований и религиозный практик, и наконец, 3) как изменившиеся условия веры, где «новым контекстом является то, что подводит черту под наивным признанием трансцендентного или же тех целей и притязаний, которые выходят за пределы человеческого процветания» (Тейлор, 2017, с. 1-29). Именно то, что Тейлор именует секулярность-3 является светским измерением культуры. По своей сути, это рациональная основа современного человеческого миропонимания - гуманизм. Это особые система ценностей, мировоззрение, стиль мышления и познания, определяющий «все области жизни общества: функции и структуры социальных и политических институтов, виды собственности, методы хозяйствования и т.д.» (Гивишвили, 2001, с. 5-8).

Являясь православным священником, Мень свои мировоззренческие и научные построения, естественно, базировал на основе философского идеализма. Сообразно этому, светское измерение он определяет как не имеющее в своей основе онтологического смысла и полагает, что секулярные построения возможны лишь, в терминах экзистенциализма, в виде онтических положений. Соответственно, спиритуализировано и понимание культуры Менем: «Все формы культуры определяются, в первую очередь тем, как воспринимает человек окружающий мир, что он думает о себе, о жизни, о Высшем, какие этические принципы руководят его поступками, какие идеалы вдохновляют его творчество. Словом, культура, в конечном счете, зарождается в недрах того, что можно назвать религией в широком смысле слова» (Мень,

2004, с. 26).

Но возразим Меню: культура не исчерпывается одной только религией, она содержит в себе иные, духовные и материальные составляющие. В своей духовной ипостаси, помимо религии, - культура содержит, например, такие сущности, как мораль, наука, искусство, политика, право. Креативное наполнение культуры возможно, благодаря творческому началу, которое скрыто в самой социальной сущности человека и побуждает его к труду и умножению культурных достояний. В пространстве культуры человечество способно творчески передавать новым поколениям свои взгляды, знания, духовные и материальные ценности, навыки и умения.

В то же время, уже в понятиях светского измерения, Мень верно констатирует, что «творческий процесс не есть продукт простого воспроизведения или абстрактной рефлексии», так как в этом процессе воля, интуиция и разум человека «непосредственно приобщается к живой реальности и, исходя из нее, создает нечто новое» (Мень, 2004, с. 125-126). Несколько упрощенно, но не сбиваясь к спиритуальности, в этом же светском измерении, Мень описывает чувственную и рациональные стадии творческого процесса и указывает на историко-культурную эволюцию этого процесса - с ранних до цивилизованных его этапов. Благодаря поступательному развитию культуры, «обыкновенный рассудок, уступает место широким горизонтам научного и философского постижения» (Мень, 2004, с. 36).

Диалектика миропостижения особенно заметна на том этапе истории познания, когда классическая рационалистическая парадигма сменяется парадигмой релятивистской. В новой мировоззренческой парадигме познавательная способность человека заметно меняется. Отныне познание ориентируется не на изучение неизменного в предметах исследования (основное положение классическо-рациональной парадигмы), а на изучение тех релятивных факторов, благодаря которым, эти предметы ведут себя тем или иным способом. Но этот релятивизм, в конечном счете, сменяется новой философско-мировоззренческой парадигмой, в которой невозможно решить особо сложные научные задачи без учета места и роли самого человека в исследуемых системах. То есть, необходимо иметь в виду, что человек это не только «живой компьютер», способный решать сверхсложные задачи, но в первую очередь, - уникальное творение во Вселенной (по крайней мере, из всех других известных на данный момент), а его понимание «наиболее трудноуловимое в своей сущности» (Фролов и Борзенков, 2010, с. 344). Таким образом, научно-философское знание, вводя человека, как один из главных факторов видимости облика исследуемых объектов, во многом начинает ори-

ентироваться на естественно-присущую человеку интуицию. Мень по поводу интуиции замечает, что «сама наука приводит человека к факту парадоксальной сверхрассудочной структуры мира. То, что для «здорового смысла» несет в себе неустранимое противоречие, подтверждается в высшем типе физико-математического и философского мышления» (Мень, 2004, с. 39).

Обратим внимание на контекст здесь введенного Менем термина «сверхрассудочная структура мира». Термин свидетельствует об эклектичном наделении интуиции свойствами религиозного измерения. Это измерение еще более явно наличествует и в понимании «пути познания» самого Я, при котором решающая роль отводится интуиции именно в религиозном измерении. Наше «Я», по Меню, это единая, неразрывная сущность, которая не имеет звука, запаха, цвета, но способна заявлять о себе и раскрывать свои тайны. Именно такое познание, которое невозможно передать в рациональных терминах и без помощи чувственных ощущений, и являет собой акт интуиции. В какой-то мере интуитивное познание опирается на «особый орган» внутреннего постижения, дающий человеку способность раскрывать глубинную «сущность бытия» (Мень, 2004, с. 40-41). Эта глубинная сущность бытия и есть то, что скрыто от внешнего взгляда в любых произведениях культуры. «Здесь мы подходим к очень важной вещи, - замечает Мень. - Возьмем, к примеру, причудливый индийский храм, индуистский или буддийский, ступу или мусульманскую мечеть с ее строгими формами, собор св. Петра, храмы Христа Спасителя, Покрова на Нерли, египетские пирамиды, проект Дворца Советов, словом, любое произведение архитектуры или живописи, церковное или светское: каждое из этих сооружений есть внешнее воплощение того видения, которое есть у людей, до того, как они интуитивно осознают сущность бытия, воплощение их веры в широком смысле слова» (Мень, 2009, с. 17-18).

Из пояснений Меня следует: вера — это то, что лежит в основе любой культуры. В этом широком, не ортодоксально-православном, но все же в идеалистичном понимании, вера — это не религия в ее конфессиональном оформлении, вера — это «религия вообще». Конфессионально структурированная религия это только часть культуры, такая религия также является только внешним воплощением веры и не всегда верно интерпретированным. По-настоящему, ответы на вопрошания культуры, по Меню, дает только вера, которая интуитивно соприкасается с Духом, культура же это язык Духа. И чувственные ощущения, и рациональное постижение, конечно важны, но лишь до того момента, пока интуитивные способности веры не откроют ту истину, которую заложил в культуру Дух. Поэтому так опасно отрывать культурные ценности

от веры и духовных основ, заложенных в самой культуре. Такой отрыв, возведение культурной традиции в Абсолют, приводит, в конечном счете, к идолопоклонству. Это не раз происходило в истории человечества, а последние такие попытки, проявившиеся в нацизме и сталинизме, со всей силой, показали, какую огромную опасность представляет такой культуроцентризм.

Своеобразное сближение религиозного и светского измерений часто присутствует в осуществляемых Менем экспликациях категории веры, но более всего, оно наличествует в обширных историко-культурных экскурсах Меня и нередко порождает толерантно-конструктивные построения. Так, Мень правомерно указывает на недопустимость отождествления понятий «религиозная культура» и «христианство». При этом он верно утверждал: «Традиции, которые существуют сотни лет, иссякают, истощается их жизненный заряд. Нужны новые традиции» (Ильющенко, 2010, с. 65). Именно в традициях, по его мнению, более всего и выражает себя религиозная культура.

«Закрытая» и «открытая» модель христианства

Отчетливое сближение мировоззренческих измерений особенно очевидно у Меня в его апологии христианства. Своим существованием христианство бросило вызов «многим философиям и религиозным системам», но в то же время оно ответило на те вопросы, над которыми так мучились и философы, и верующие. «Христианство, — настаивает Мень, — это не новая этика, но новая жизнь, которая приводит человека к Богу». Все религии в мире — это часть культуры, которая появляется вместе с человеческой духовностью, т.е. это стремление человека к вечности, к непреходящим ценностям, в то время как христианство «это кризис всех религий, оно поднимается над ними», т.к. поток духовности «идет свыше, с неба» (Мень, 2006, с. 291). Следовательно, ни одна религия, ни одна традиция не смогла еще воплотить в себе христианство полностью.

Наиболее рельефно данный тезис Мень демонстрирует своей концепцией «открытого и закрытого христианства». Где открытая форма христианства это не теория, не свод правил, заповестей и указаний, повелений, — это новая жизнь, посредством которой человек преобразуется. Такая форма христианства открыта навстречу человеку, стремится говорить с ним на понятном языке, она открыта миру и проблемам, возникающим в этом мире.

Диаметрально противоположна открытой форме христианства позиция интолерантной, закрытой формы христианства. В понимании Меня, такая религиозность на примере христианства видится как «бытовое, обрядовое православие с его

стилизацией, елейностью и “вещанием».

Закрытая модель христианства крайне опасна для социума, это один из видов религиозного тоталитаризма. Для того чтобы таковой не восторжествовал в государстве, необходимо обучать и толерантно воспитывать граждан государства. Сам же отец Александр был сторонником светского государства и демократического общежития. Он верил, что Бог не хочет навязывать религиозные воззрения посредством государственной власти. Так как Христос в первую очередь ценит свободу выбора, поэтому человек сам должен выбирать веру и сам отвечать за этот выбор (Гусейнов, 2011). Приобщение к религиозной культуре, полагал Мень, содержит в себе воспитательно-образовательный компонент, который позволит развитой и образованной личности приобщиться к действительной культуре, в которой осуществляется своего рода «новый религиозный синтез». Таковой, по Менью, представляет собой синтез церковной традиции с высшими достижениями российской и мировой, духовной и светской культуры. Но для достижения такой цели, необходимо понять и оценить традиции, достоинства и слабые стороны своей культуры, а также ценности и традиции инакомыслящей и инаковерующей культуры. Такой путь познания сложен и труден, его следует начинать со школьной скамьи, когда сознание человека еще достаточно пластично и способно преодолеть множество мифологем («идолов» Ф. Бэкона), сложившихся в культурной традиции.

По мнению Менья, единственным средством спасения от «идолов» культуры является возврат к духовным истокам, к вере, которая хотя и является основой для культурного разнообразия, но не сливается с культурной традицией, т.к. лежит за пределами бытия. Но и возвращаясь к вере, человек не должен забывать, что живет в многополярном мире, где присутствуют различные точки зрения на одну и ту же проблему. Разнообразие смысловых интерпретаций постоянно путает современного человека. «Причины разделения – пишет по этому поводу отец Александр, - были разными: и различия в душевном складе разных людей и народов, и политические распри, и культурные расхождения. В результате, возникли и отличия в обрядах и в вероучительных формулировках» (Мень, 2019). Вследствие чего, по настоящему свободному человеку необходимо вести диалог с людьми других мировоззрений. Поэтому в мировоззренческой позиции Менья, уже начиная с его самых ранних работ, прослеживается несомненная диалогичность, то есть такое качество сознания, где признается равноправие религиозного и светского мировосприятия. Так, в книге «Сын Человеческий», Мень, писал: ««Автор надеется, что книга окажется небезынской и для неверующих, Любому человеку следует иметь представления об Основателе ре-

лигии, которая стала неотъемлемой частью мировой культуры» (Мень, 2013, с. 12).

Эта диалогичность во многом характеризует интеллигентную толерантность, особенно явно присутствующую в работах Менья по истории религии и культуры. Благодаря этой толерантной позиции к иным мировоззренческим взглядам, Мень смог создать солидное (в шести томах!) и оригинальное монографическое исследование «В поисках Пути, Истины и Жизни». Здесь христианская апологетика, вполне мирно уживается с объективно-религиоведческими исследованиями нехристианских вероучений и идей. Это толерантное переплетение религиозного и светского измерений в творчестве Менья во многом объясняет неиссякаемый актуальный интерес к его личности со стороны широкой культурной общественности.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует сказать, что диалог и толерантность, выступающие как формы культурно-гуманистического наследия Менья, на современном этапе развития общества и культуры рассматриваются многими только в качестве утопических идей. Но деятельность высококультурной, толерантной и ориентированной на диалог личности, какой является Мень, противоречит мнению религиозного большинства. Примеры, которые мы можем усвоить из деятельности такой личности, прямо указывают, что диалог и толерантность, понимаемые в качестве образцовой структуры для формирования смыслового единства общества, дают возможность совместного существования людей с различными мировоззренческими ориентирами. Современное общество и культура не могут быть однообразными, где абсолютная истина принадлежит одной мировоззренческой, идеологической или политической точке зрения (религиозной либо светской), ведущей к консервации ценностных, моральных и правовых императивов. Констатируем, что диалог и толерантность позволяют преодолеть наличие общих и одновременно взаимоисключающих интересов, пересекающихся целей, ценностей и мотивов, обязательно присутствующих в поликонфессиональных и политических, поликультурных и этнических обществах, какими являются большинство существующих наций в мире.

References

- [1] Garaja V.I. Secularization. / New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Volume 3 / Institute of Philosophy RAS; Nat. socio-scientific fund; Prev. scientific-ed. Council V.S.Stepin. M.: Mysl, 2010. P. 512-513.
- [2] Givishvili G.V. The phenomenon of humanism. / Library magazine "Common sense". M: Russian humanistic society, 2001. 400 p.
- [3] Gordienko N. S. Contemporary Russian Orthodoxy. Leningrad: Lenizt, 1987. 304 p.
- [4] Guseinov A.A. To the relationship between morality and religion. / Freedom of conscience and culture of spirituality (philosophical and ethical, religious and cultural aspects): tr. int. Sci-

- entific-practical. symp.-dialogue, (Perm, May 12-13, 2011): in 2 parts. Part 2. - Perm: Perm. state Institute of Art and Culture, 2011. P. 103-111.
- [5] Ilyushenko V.I. Father Alexander Men: Life. Death. Immortality. Moscow: Book Center of VGBIL named after M.I. Rudomino, 2010. 656 p.
- [6] Kluckhohn Clyde Kay Maben Mirror for man. Introduction to Anthropology. SPb.: "Eurasia", 1998. 352 p.
- [7] Menya A. Magizm and monotheism. Moscow: EKSMO, 2004. 704 p.
- [8] Menya A. World Spiritual Culture. Lectures. M.: Publishing house "Life with God", 2009. 272 p.
- [9] Men A. Letter to Nina. [Electronic resource]. / Website "Archpriest Alexander Men 'Fund'", 2019. // URL: <http://www.alexandrmn.ru/letters/nina.html> (04.04.2020).
- [10] Men A., Archpriest Son of Man. M.: Publishing house "Life with God", 2013. 496 p.
- [11] Men A. Christianity. / Father Alexander Men. Humanity is on the path of spiritual transformation. M: Independent Publishing House "Peak", 2006. P. 281-295.
- [12] Novikov M.P. Dead ends of Orthodox modernism: (Critical analysis of theology of the XX century). Moscow: Politizdat, 1979. 167 p.
- [13] Taylor C. Secular century. / Per. from English. (Series "Philosophy and Theology"). M.: BBI, 2017. - XIV + 967 p.
- [14] Flier A. Ya. Culturology for culturologists: A textbook for undergraduates, graduate students and applicants, as well as for teachers of cultural studies. M.: MGUKI, 2009. 705 p.
- [15] Frolov I.T. and Borzenkov V.G. Person. / New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Volume 4 / Institute of Philosophy RAS; Nat. socio-scientific fund; Prev. scientific-ed. Council V.S. Stepin. Moscow: Mysl, 2010. P. 344-346.
- [16] Shakhov M.O. Religious and scientific knowledge, religious and scientific faith. / The problem of demarcation of theology and science: a modern view. / Ros. Acad. Science. Institute of Philosophy, Ros. state humanizes. University; From. Ed. I.T. Kasavini et al. M.: IFRAN, 2008. P. 40-62.
- преподавателей культурологии. М.: МГУКИ, 2009. 705 с.
- [15] Фролов И.Т. и Борзенков В.Г. Человек. / Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Том 4 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. С. 344-346.
- [16] Шахов М.О. Религиозное и научное знание, религиозная и научная вера. / Проблема демаркации теологии и науки: современный взгляд. / Рос. Акад. Наук. Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. Ун-т; От. Ред. И.Т. Касавин и др. М.: ИФРАН, 2008. С. 40-62.

Список литературы

- [1] Гараджа В.И. Секуляризация. / Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Том 3 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. С. 512-513.
- [2] Гивишвили Г.В. Феномен гуманизма. / Библиотека журнал «Здравый смысл». М: Российское гуманистическое общество, 2001. 400 с.
- [3] Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Ленинград: Ленизт, 1987. 304 с.
- [4] Гусейнов А.А. К соотношению морали и религии. / Свобода совести и культура духовности (философско-этические, религиозные и культурологические аспекты): тр. междунар. Науч.-практ. симп.-диалога, (Пермь, 12-13 мая 2011 г.): в 2-х частях. Часть 2. - Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2011. С. 103-111.
- [5] Ильюшенко В.И. Отец Александр Мень: Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Центр книги ВГБИЛ им М. И. Рудомино, 2010. 656 с.
- [6] Клакхон Клайд Кей Мейбен Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: «Евразия», 1998. 352 с.
- [7] Мень А. Магизм и единобожие. М.: ЭКСМО, 2004. 704 с.
- [8] Мень А. Мировая духовная культура. Лекции. М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2009. 272 с.
- [9] Мень А. Письмо к Нине. [Электронный ресурс]. / Сайт «Фонд протоиерея Александра Мень», 2019. // URL: <http://www.alexandrmn.ru/letters/nina.html> (04.04.2020).
- [10] Мень А., протоиерей Сын Человеческий. М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2013. 496 с.
- [11] Мень А. Христианство. / Отец Александр Мень. Человечество на пути духовного преображения. М: Независимое издательство «Пик», 2006. С. 281-295.
- [12] Новиков М.П. Тупики православного модернизма: (Критич. анализ богословия XX века). М.: Политиздат, 1979. 167 с.
- [13] Тейлор Ч. Секулярный век. / Пер. с англ. (Серия «Философия и богословие»). М.: ББИ, 2017. - XIV + 967 с.
- [14] Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей, а также для

Шарипкулов А.

Аспирант кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

Теоретические основы понимания этноидеологии как сути формирования единой общности в полиэтническом обществе*

Аннотация. Автор исследует различные философские взгляды на идеологию и этноидеологию, выясняет функций этноидеологии и уровни ее функционирования, достигает понимания необходимости этноидеологии для государств и обществ, исторически объединивших на своей территории различные народы, принадлежащие к различным этносам со своими традициями и взглядами, в частности, на политический менеджмент.

Ключевые слова: этноидеология, этнополитика, полиэтническое государство, интерпретация, этногруппа, функция, уровень, социальная роль, этнические отношения.

Sharipkulov A.

Graduate Student. Department of Philosophy and Political Science at Bashkir State University.

The theoretical basis of understanding ethnoideology as the essence of the formation of a commonality in a multi-ethnic society

Abstract. Author explores various philosophical views on ideology and ethnoideology, investigates the functions of ethnoideology and the levels of its functioning, achieves an understanding of the need for ethnoideology for states and societies that have historically united on their territory different peoples belonging to different ethnic groups with their own traditions and views, in particular, on political management.

Key words: ethnoideology, ethnopolitics, multi-ethnic state, interpretation, ethnogroup, function, level, social role, ethnic relations.

Социальная философия дает нам сущностное представление о социальной роли идеологических доктрин. Настоящее исследование, однако, не ставит своей целью их детальный анализ. Целью настоящего исследования является попытка выявления характерных свойств наиболее влиятельных политических идеологий современности, способных объединить на основе своих ценностных установлений границы свободной личности, в частности в сфере этнических отношений и социальную роль государства в указанной сфере как части общества. Представляется, что достижение данной цели позволит сформулировать само понятие этноидеологии и достичь понимания необходимости этноидеологии для государств и обществ, исторически объединивших на своей территории различные народы, принадлежащие к различным этносам со своими традициями и взглядами, в частности, на политический менеджмент. Такая интерпретация понятия «этноидеология» может быть сформулирована в качестве гипотезы настоящего исследования следующим образом: этноидеология фактически существует в полиэтническом

обществе как система ценностей правящей элиты и отражает взгляды и идеи, составляющие суть этнополитики в отношении различных этносов, проживающих на определенной территории жизнедеятельности. В свою очередь, различные этносы, в процессе жизнедеятельности, выражают свое отношение к целям, задачам, методам и средствам управления всеми процессами в обществе, в том числе и в сфере этнополитики.

Основные методологические подходы в настоящем исследовании составляют классические методы, такие как институциональный и сравнительный, а также авторский подход к выявлению характерных особенностей этнических отношений в полиэтническом обществе. В исследовании вопросов этнической идентичности использовался социологический методологический инструментарий, позволивший выявить динамику общественного мнения. Системный подход в исследовании позволил рассматривать этноидеологию как фактически существующую систему взглядов, нашедшую свое отражение в общей системе стратегических решений органов власти и общественных

* © Шарипкулов А., 2020.

Теоретические основы понимания этноидеологии как сути формирования единой общности в полиэтническом обществе

формирований. Метод синтеза позволил выявить признаки этноидеологии и особенные черты этнополитики на отдельных территориях с плотностью проживания этносов и их влияние на межэтнические отношения в обществе в целом. Выводы данного исследования могут быть, как представляется, логическим дополнением к уже имеющимся научным трудам в социально-философской области знания.

В научный оборот понятие «идеология» ввел Антуан-Луи-Клод Дестют, граф де Траси¹, лидер движения идеологов в эпоху французской буржуазной революции XVIII века, философ и экономист. Являясь общественным и политическим деятелем, де Траси представлял идеологию как результат чувственного опыта и в этом, видится значимость его интерпретации понятия идеологии, дающего толчок к различным истолкованиям ее влияния на социально-политические процессы, в частности и этнополитические.

В интерпретации понятия «этноидеология», безусловно, значение имеют представления классиков политико-философских взглядов на идеологию, сложившихся в эпоху самой буржуазной французской революции XVIII века и получивших развитие в течение последующего периода развития общества.

Так, Карл Маркс представлял идеологию как форму иллюзорного сознания, отражающего противоречивое бытие и социально-политические интересы².

Марксистско-ленинская интерпретация идеологии предлагает понимание идеологии как теоретическое обоснование идеалов, ценностей, и интересов государства, партии, как средства преобразования социально-политической действительности³. И эти видения дают нам почву рассматривать этнополитические отношения и этноидеологию как взаимообусловленные явления, происходящие по воле человека (определенных социальных групп) в интересах всего общества, в случае эволюционного развития, а также в интересах определенной политической элиты, либо сформировавшейся целевой группы, жаждущих революционных преобразований в силу масштабности и кардинальности притязаний.

Представляется интересным также понимание Г. Лассуэлом понятия идеологии как разновидно-

сти коммуникации, направленной на поддержание сплоченности политического сообщества⁴.

Представления Т. Парсонса⁵ также отвечают нашим ожиданиям в понимании влияния системы ценностей данного общества на легитимацию существующего в обществе порядка господства.

О свободе современной идеологии, свободной от некоторых элементов «ложного сознания» и ее отличии от политической идеологии прошлых эпох писал в своих научных трудах Ю. Хабермас⁶, чьи взгляды на идеологию также помогают сформулировать и интерпретировать авторское видение понятия «этноидеологии».

Существуют и резко противоположные взгляды на идеологию, представляющую ее наличие бессмысленным и концепции «конца идеологий» как неизбежность. Приверженность к таким взглядам демонстрируют теоретики С.Липсет⁷, Р. Арон⁸, Д. Белл⁹.

К. Мангейм также представляет идеологию как «добровольную мистификацию» которой свойственны сознательная ложь, обман, сокрытие истины и которая сплавливает людей¹⁰.

Адресация к различным философским взглядам в настоящем исследовании объясняется тем, что понимание социальной сущности этноидеологии и необходимости ее фактического принятия и существования в полиэтническом обществе объясняется автором настоящего исследования тем, что сама идеология, как система взглядов и ценностей, всегда выражает интересы политической элиты, являясь инструментом для формирования общественного сознания и манипуляции массовым сознанием, а также для ситуативной политической спекуляции, пусть даже в интересах развития всего общества. При этом, есть понимание того, что избыток идеологичности, в частности этноидеологичности, может привести не только к излишней политизации, но и к утрате уважения к чужим традициям и ритуалам, способам организации жизни и управления процессами с учетом этнических особенностей общностей. Пагубность

4 Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л., 1985; Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. — Москва-Ленинград: Издательство политической литературы, 1963. Том 6. 269 с.

5 Гнатюк О.Л. Из истории американской коммунологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902—1978) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». — СПб: — Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 11-20.

6 Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.

7 Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. 11. Aufl. — Fr./M., 1981.

8 Lipset S. M. Political man: the social bases of politics. 2nd ed. — L., 1983.

9 Арон Р. Демократия или тоталитаризм. М.: Изд-во «Текст», 1993. 303 с // URL: <https://alleng.org/d/polit/pol020.htm>. Запрос от 08.02.2020

10 Поломошнов Б. - Д. Белл: «Конец идеологии». <https://www.libfox.ru/639807-boris-polomoshnov-d-bell-konets-ideologii.html>. (08.02.2020)

1 Иванова А.С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях. Вопросы философии // URL: http://vphil.ru/index.php?id=809&option=com_content&task=view. (08.02.2020)

2 Маркс К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Том 39. С. 25, 83; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Л. Фейербаха, Б. Бауэра, И. Штернера и немецкого социализма в лице ее различных пророков; соч. М, 1955. Т. 3.

3 Маркс К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Том 39. С. 25, 83; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Л. Фейербаха, Б. Бауэра, И. Штернера и немецкого социализма в лице ее различных пророков; соч. М, 1955. Т. 3.

примата идеологии над политикой показала всему миру фашистская Германия 1933-1945 годов и политизированная идеология авторитарного режима России в Советский период развития.

Принцип идеологического плюрализма в формировании государственной политики, формирующий политический режим, позволяет рассматривать этноидеологию в полиэтническом обществе в качестве доминирующей, учитывая тот факт, что этнические отношения глубоко завязаны на личностном и межличностном уровнях. А значит, этноидеология как доминирующая в полиэтническом обществе, а по нашему мнению, иерархическая доминанта этнических ценностей в современном обществе очевидна, представляет собой систему идей и ценностей, носящих мировоззренческий характер и мобилизационные начала.

Характерно, что этноидеология, как, впрочем, и сама идеология определяется в понятиях социальной философии, но не гносеологии, то есть в самосознании социальных групп, но не в поиске истинного, либо неистинного. Этноидеология, с точки зрения науки, отражает соотношение интересов идеолога с тенденциями социально-политического и общественного развития и носит исторический характер. Поэтому теоретические основы понимания этноидеологии как сути формирования единой общности в полиэтническом обществе органически связаны с объективной реальностью и тенденциями развития общества, исследуемых с учетом исторических переходящих философских и политико-правовых учений. Данное умозаключение позволяет с некоторой долей дерзости сформулировать функции этноидеологии и раскрыть их содержание, что позволит пояснить, в свою очередь, содержание самого понятия «этноидеология».

Итак, этнополитика и этноидеология, представляются взаимообусловленными явлениями и реализуются в программных документах и деятельности реальных субъектов политической системы, которые своей социальной практикой корректируют и развивают этноидеологические концепции.

Как уже отмечалось ранее, этноидеология, выражая интересы и устремления социальных субъектов, принадлежащих к определенным этническим группам, обосновывает пути и средства их реализации с помощью государственной власти, тем самым объективно выступая в качестве инструмента коллективного действия, выполняя определенный функционал. В случае этноидеологии мобилизационная функция, как смыслодержащая для единения многих этносов, проживающих на одной территории, видится наиболее значимой. При этом, прагматическая и познавательно-ориентационные функции для этноидеологии имеют также немаловажное значение.

Мобилизационная функция этноидеологии, с учетом своеобразия этнических и межэтнических отношений, выражающаяся в мотивации людей к коллективным действиям, к реализации обоснованных в этноидеологии идей и ценностей ради изменения социально-политического пространства содержит в себе как бы подфункции, в силу объемности и содержательного наполнения. Мобилизационная функция этноидеологии прогнозирует будущую картину социо-культурного и политического пространства жизнедеятельности различных этносов и объединяет их на основе своих доктрин и стратегий, сплачивая их и иницилируя на конкретные коллективные действия. Несложно обнаружить, что мобилизационная функция призвана решать задачи выражения определенных политических интересов определенных политических субъектов, сформулированных в определенную программу деятельности. Познавание социальной действительности при этом, происходит в процессе этой деятельности и при выполнении тех самых подфункций, а именно: интеграционной, легитимизирующей, нормативной, познавательной (когнитивной).

Интеграционная функция этноидеологии, представляется, выражается в общей приверженности одним идеям определенных этнических групп и общностью, которая делает их субъектами этнополитики.

Легитимизирующая функция этнополитики видится в природе легитимации, то есть в обосновании необходимости принятия определенных ценностей и взглядов на прошлое, настоящее и будущее социально-политического устройства с точки зрения этнополитических отношений.

Нормативная функция определяет нормы поведения для полиэтнической общности и отдельных этнических групп, тем самым определяя оценочные критерии для этнополитики и для коллективных действий в рамках определенных программ и проектов.

Познавательная функция позволяет, представляется, субъектам этнополитики ориентироваться в полиэтническом пространстве и способствует поиску этнической идентичности как для индивидов, так и для отдельных социальных групп, и что видится важным, для единой полиэтнической общности.

В социальной философии, также как и в политической науке существует представление о различных уровнях функционирования идеологии. Представляется возможным и даже необходимым соотнести уровни функционирования идеологии с уровнями функционирования этноидеологии и структурировать их следующим образом: теоретико-концептуальный уровень этноидеологии представляет собой соотнесенный теоретико-концептуальный уровень идеологии, программно-по-

литический уровень этноидеологии соотносится с соответствующим программно-политическим уровнем идеологии, и обыденно-актуализированный уровень этноидеологии соотносится с соответствующим обыденно-актуализированным уровнем идеологии.

Теоретико-концептуальный уровень этноидеологии составляют понятийно-категориальные единицы концептуальных и теоретических исследований в сфере этнофилософии и этнополитологии, а также социологии, излагаемые в научных трудах и программных документах субъектов этнополитики. Теории и доктрины этноидеологии представляют собой взгляды и оценочные представления, выражающие интересы определенной политической элиты, государства, полиэтнической общности и нации. Теоретико-концептуальный уровень этноидеологии, представляется и есть сама этноидеология, со своими принципами политической деятельности этнополитических субъектов, идеалами и ценностными ориентациями (устремлениями), способами и инструментами их реализации.

Современная отечественная этнополитическая научная мысль, формулирующая этноидеологию, представляющая теоретико-концептуальный уровень, обеспечивающая практику этнополитических отношений представлена такими исследователями как Р.Г. Абдулатипов, С.А. Арутюнов, В.А. Ачкасов, С.Р. Парфенова, С.И. Рыжакова, В.В. Степанов, В.А. Тишков, Ю.В. Шабаев, В.Р. Филиппов и многими другими исследователями. Природе этничности, устройству полиэтнических государств, стратегиям национальной политики посвящены работы В.А. Тишкова¹¹. Методология этнополитического анализа представлена в труде Ю.В. Шабаева и В.А. Тишкова¹². Ю.В. Шабаев, в частности, в своей работе «Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины»¹³ говорит о двух моделях версий курсов по этнополитологии.

Первая модель основывается на дискурсе этничности и национализма. Как утверждает Ю.В. Шабаев, приверженцами данной модели являются авторы В. Ачкасов, Р. Абдулатипов, В. Тураев, В. Кирдяшов.

Вторая модель основывается на этничности как социальном конструкте, а значит, этничность пронизывает различные сферы политической жизни. «Сторонники первой модели, так или иначе, настаивают на том, что этничность служит основанием для получения власти, обретения политического статуса этнической группой; сторонники второй полагают, что этничность есть лишь инструмент, с помощью которого обретается власть, ведется борьба за ресурсы и осуществляется культурная

конкуренция»¹⁴. Это значит, что данная модель предполагает необходимость государственного патронажа по отношению к этническим сообществам, который выражается в огосударствлении языка титульных этнических групп, поддержке культуры, этнизации школьного образования и другом, характеризующим государственное вмешательство в дела этнических сообществ. «Различия в теоретических подходах к построению курса этнополитологии во многом отражают ситуацию, которая характерна как для отечественной этнополитологии, так и для отечественного гуманитарного знания в целом. А именно: в России до сих пор чрезвычайно сильно влияние примордиалистских (эссенциалистских, натурфилософских) подходов к пониманию природы социальных явлений, включая этничность»¹⁵, - утверждает Ю.П. Шабаев. При этом, и для нас являющимся важным посылом, Ю.П. Шабаев говорит, что формирование этнополитологии принадлежит политическим идеологам, а отнюдь не социальным антропологам и этнологам. Этнонациональная политика с идеей национально-культурной автономии была разработана австрийскими политиками еще в начале прошлого века, дав толчок развитию концепций мультинации и нациестроительства¹⁶.

Программно-политический уровень этноидеологии, не менее важен, чем теоретико-концептуальный, поскольку требует не только научных знаний, но и практических умений постановки и решения социально-политических задач. На программно-политическом уровне этноидеология превращается не столько в пропаганду, сколько в формирующую мировоззренческие начала стратегию нациестроительства в многонациональном (или полинациональном) государстве.

Стратегия нациестроительства для современной России представляется важным элементом в национальном политическом развитии, поскольку своей целью ставит формирование единого полиэтнического сообщества – российский народ. Этноидеология в этих условиях наполняется содержанием ответственности за создание общественных символов, целей, ориентиров, идеалов, установок, которые воздействуют на волевую сторону сознания. А значит, этнополитическая программа государства, конкретизируя этноидеологию по направлениям, средствам и методам действия, должна реализовывать этнополитику в соответствии с основными па-

11 Манхейм К глава II. Идеология и утопия. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-ii-ideologiya-i-utopiya>. (08.02.2020)

12 Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публикация. - М.: Наука, 2001. 240 с.

13 Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. - М.: РГГУ, 2010. 360 с.

14 Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopolitologiya-v-rossii-formirovanie-uchebnoy-distipliny/viewer>. (08.02.2020)

15 Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины. 51 с. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopolitologiya-v-rossii-formirovanie-uchebnoy-distipliny/viewer> (08.02.2020)

16 Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины. С. 51-52. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopolitologiya-v-rossii-formirovanie-uchebnoy-distipliny/viewer>

раметрами нацистроительства.

Так, исследователь С.Р. Парфенова в работе «Влияние этнотрадиций на модернизацию политического менеджмента»¹⁷ исследуя вопросы, в том числе и нацистроительства, рассматривает три проблемы с точки зрения современных тенденций философии менеджмента в региональном управлении политическими институтами.

«Во-первых, присутствует пренебрежение дисциплиной в части эффективности деятельности кадрового состава политических институтов, что совсем не характерно для этнических традиций в управлении процессами. Принцип, ориентации на человека, заявленный в программных документах политических лидеров на федеральном уровне, основанный на индивиде и психологической готовности представителей политических институтов ориентироваться в своей деятельности на индивида, вполне отвечает традиционным культурным ценностям этносов, составляющих общенациональную российскую культуру. // Однако, ослабление ограничений в политической практике, призыв в систему управления новых управленцев без чувства системности и государственности приводит к отсутствию позитивного восприятия гражданами власти как института в целом. Чувство государственности, как представляется, формируется в процессе управления и с развитием осознания эффективности результатов деятельности в сторону созидания. Отсутствие данной характеристики в кадровой составляющей регионального менеджмента, представляется, приводит к неудачам в системе управления, в части формирования единства и чувства сопричастности в развитии общества: общества и власти, граждан и политических институтов, граждан и общественных формирований. Во-вторых, ориентация на конкуренцию в системе управления должно приводить к положительным количественным и качественным показателям развития территории. Отсутствие постоянного анализа причин, состояния и последствий принимаемых решений, основанных на традиционном понимании населением процессов развития с точки зрения личного опыта, переработанного на основе научных концепций, приводит к срыву эффективности управления. Поиск количественных инструментов регионального менеджмента отвечает потребностям конкурентного общества и в этом формате политические институты могут, представляется, соответствовать ожиданиям граждан. В-третьих, // Духовность и нравственность российского чиновника и управленца всегда были востребованы в ожиданиях российских граждан на протяжении всей истории российской государственности. Профессионализм и реальные результаты достигались, как правило, коллективным трудом и творческим

подходом к решению поставленных задач. В постсоветский период объективные изменения в экономике страны и регионов привели и к кризисным явлениям в политическом управлении, в том числе и регионов. Однако, представляется, что причины неэффективного управления скрыты в глубинных слоях традиционной этнической культуры, одновременно своеобразной и единой на территории всей страны, которая уже сегодня вырабатывает свой стиль управления экономикой и общественным развитием».

То, что подтверждает верность научных гипотез, концепций и стратегий, это обыденно-актуализированный уровень этноидеологии, который демонстрирует правильность соединения обыденного индивидуального сознания и группового в различных формах политической деятельности (бездеятельности): в политической практике, в повседневном сопоставлении предложенных этноидеологией символов и идей с реальными явлениями, осмыслением действительности, в поступках, лексике и типе поведения.

Подводя итог настоящему исследованию, представляется необходимым сформулировать вывод о том, что этноидеология относится к виду политической идеологии, поскольку представляет собой целостную совокупность идей и ценностей, а также представлений, которыми оперирует индивид, либо особая социальная группа, принадлежащие к определенному этносу и имеющие определенное место в системе общественных отношений. Индивид, либо особая социальная группа, принадлежащие к определенному этносу являются носителями этой этноидеологии. Таким образом, представляется, что этноидеология является формой мышления и сознания определенной социальной группы (этногруппы), а значит, по своей сути выражает принадлежность к этой социальной группе (этногруппе).

Представляется необходимым отметить также, что главными вопросами, которые были предметом настоящего исследования, были различные философские взгляды на идеологию и этноидеологию, как вид идеологии, выяснение функций этноидеологии и уровней ее функционирования.

References

- [1] Aron R. Democracy or totalitarianism. M.: Publishing house "Text", 1993. 330 p. // URL: <https://alleng.org/d/polit/pol020.htm>. (02.08.2020)
- [2] Bauer O. National Question and Social Democracy // Nations and Nationalism. - M.: Praxis, 2002. P. 52-120.
- [3] Gnatyuk O.L. From the history of American communication and communication: Harold Lasswell (1902-1978) // Collection of scientific papers "Actual problems of the theory of communication". SPb.: Publishing house of SPbSPU, 2004. P. 11-20.
- [4] Ivanova A.S. The Beginning of "Ideology": Antoine Destutt de Tracy and his Science of Ideas. Questions of Philosophy // URL: http://vphil.ru/index.php?id=809&option=com_content&task=view. (02.08.2020)
- [5] Lipset S.M. Political man: the social bases of politics. 2nd ed. - L., 1983.
- [6] Lukovskaya D.I. Political and legal doctrines: historical and theo-

17 Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. С. 52-120. (02.08.2020)

- retical aspect. L., 1985; Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. — Moscow-Leningrad: Publishing House of Political Literature, 1963. Volume 6. 269 p.
- [7] Manheim K chapter II. Ideology and Utopia // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-ii-ideologiya-i-utopiya>. (02.08.2020)
- [8] Marx K. Works: in 39 t. / K. Marx, F. Engels. Volume 39. P. 25, 83. Marx K., Engels F. German ideology: a criticism of modern German philosophy in the person of its representatives L. Feuerbach, B. Bauer, I. Sterner and German socialism in the face of its various prophets; Op. M, 1955. Volume 3.
- [9] Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and place of social systems // American Sociological Thought. M.: Publishing house of Moscow State University, 1994.
- [10] Parfenova S.R., Sharipkulov A.V. The influence of ethnic traditions on the modernization of political management. " M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2017. 144 p., P. 17-18.
- [11] Polomoshnov B. - D. Bell: "The End of Ideology" // URL: <https://www.libfox.ru/639807-boris-polomoshnov-d-bell-konets-ideologii.html>. (02.08.2020)
- [12] Tishkov V.A. Ethnology and politics. Scientific journalism. - M.: Nauka, 2001. 240 p.
- [13] Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Ethnopolitology: political functions of ethnicity. - M.: RGGU, 2010. 360 p.
- [14] Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. 11. Aufl. - Fr./M., 1981.
- [15] Shabaev Yu.P. Ethnopolitology in Russia: the formation of academic discipline. 51 p. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopolitologiya-v-rossii-formirovanie-uchebnoy-distipliny/viewer> (02.08.2020)
16. Shabaev Yu.P. Ethnopolitology in Russia: the formation of academic discipline. P. 51-52. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopolitologiya-v-rossii-formirovanie-uchebnoy-distipliny/viewer> (02.08.2020)

Библиографический список:

- [1] Арон Р. Демократия или тоталитаризм. М.: Изд-во «Текст», 1993. 303 с. // URL: <https://alleng.org/d/polit/pol020.htm>. (08.02.2020)
- [2] Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. С. 52-120.
- [3] Гнатюк О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 11-20.
- [4] Иванова А.С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях. Вопросы философии // URL: http://vphil.ru/index.php?id=809&option=com_content&task=view. (08.02.2020)
- [5] Lipset S.M. Political man: the social bases of politics. 2nd ed.. — L., 1983.
- [6] Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л., 1985; Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах.— Москва-Ленинград: Издательство политической литературы, 1963. Том 6. 269 с.
- [7] Манхейм К глава II. Идеология и утопия // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-ii-ideologiya-i-utopiya>. (08.02.2020)
- [8] Маркс К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Том 39. С. 25, 83. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Л. Фейербаха, Б. Бауэра, И. Штернера и немецкого социализма в лице ее различных пророков; соч. М, 1955. Том 3.
- [9] Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- [10] Парфенова С.Р., Шарипкулов А.В. Влияние этнотрадиций на модернизацию политического менеджмента. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. 144 с., С. 17-18.
- [11] Поломошнов Б. - Д. Белл: «Конец идеологии» // URL: <https://www.libfox.ru/639807-boris-polomoshnov-d-bell-konets-ideologii.html>. (08.02.2020)
- [12] Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. - М.: Наука, 2001. 240 с.
- [13] Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. - М.: РГГУ, 2010. 360 с.
- [14] Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. 11. Aufl.. — Fr./M., 1981.
- [15] Шабает Ю.П. Этнополитология в России: формирование

Abstracts

Kuznetsova-Bondarenko E.S.

Semiotic significance of stained-glass windows in the temple culture of the city of Yevpatoria

The article considers stained glass art in the context of semiotics of its elements containing cultural codes and religious views of society. The analysis of the characteristic elements of individual stained-glass Windows on the example of religious temples in the Crimea.

Key words: semiotics, mosaic, temple, culture, religion, Crimea.

Frolov D.A.

Motives and images of the latish graphics in the context of problems of formation of the national identity of the turn of the XIX and XX centuries

The article provides an analysis of the main motives and images of graphics of Latvian artists of the Art Nouveau era in the context of the problems of the formation of national identity at the turn of the 19th and 20th centuries. The work analyzes motifs that convey the meaning and beauty of nature (including national), as well as an important and supranational theme, which is death and its attributes. The symbols that are reflected in the art of Latvia of the period under review, according to the Latvian cultural figures of that time, reflect the desire of mankind to search for ways of salvation. All natural phenomena depicted in graphic works were interpreted by artists in a symbolist, mythological context. And here mythology is an important component of the system of formation of national identification.

Key words: motive, symbol, image, Latvian graphics, national identity, modern era, art nouveau, myth.

Shcherbakova E.N.

Cultural analysis of the life and work of Maria Vasnetsova, a representative of the ancient Vyatka family of Vasnetsov, priests, teachers, artists

This article is aimed at creating interest among the younger generation in the historical past of the Motherland, fostering respect for teaching during the civil and great Patriotic wars, and increasing the importance of the teaching profession for society. The article considers the contribution of Kuznetsova (Vasnetsova) Maria Nikolaevna, a teacher, a knight of the order of Lenin, a representative of the ancient Vyatka family of Vasnetsov-priests, teachers, artists in the enlightenment of the younger generation during the war years. The relevance of this topic is that on the eve of the 75th anniversary of the Victory of the soviet people in the great Patriotic war, the processes of falsification of its history and results have become more active. Therefore, it is very important to educate the younger generation to respect the feat performed by the soviet people. Due to the difficult socio-economic situation in the country, the value of teachers' work is falling. Therefore, it is necessary to cultivate respect for the work of teachers who, thanks to their selfless work, saved many generations of schoolchildren from illiteracy, and who continue to perform feats today, helping their students overcome their problems. The purpose of this article is to expand young people's knowledge about the civil and great Patriotic wars; to acquaint with the heroism of the teachers who worked in those terrible years for the country; to expand the idea of the famous kind Vasnetsov, to show that the history of this surname is fraught with many mysteries, the secret of which still remains. The material of the article may be of interest to professional historians who know the methods of monographic research, as well as to a wide range of people interested in preserving the history and culture of their country. The Vasnetsovs are talented artists, outstanding teachers, and priests who have made a huge contribution to the development of spiritual and material culture in Russia. As a rule, our knowledge of this glorious genus is limited only to the knowledge of the work of the brothers artists: Viktor Mikhailovich and Apollinari Mikhailovich. However, no less remarkable are other representatives of this genus, who have left a noticeable mark on our history and now contribute to the preservation of Russian spirituality, science and culture. One of them will be discussed in this article. Goals of this article: on the example of selfless service to the Motherland Kuznetsova (Vasnetsova) Maria Nikolaevna to expand the idea of the famous Vasnetsov family, to show that the history of this surname is fraught with many mysteries, the solution of which is still to be found. The material of the article may be of interest to professional historians who know the methods of monographic research, as well as to a wide range of people interested in preserving the history and culture of their country.

Key words: war, diocesan women's school, education, fatherland, family, homeland, priest, family, teacher, school.

Golman T.I.
Arkhipova I.V.
Baity V.

Contemporary problems of forming a management culture

Successful organization depends on creating a strong organizational culture built on a shared set of beliefs, norms

and values supported by strategy of development (development strategies) and structure of a modern enterprise. For a company to work effectively, it's suggested (implied) that employees clearly know how to respond to any situation and are confident that they will be rewarded for their commitment to the company's values.

The article examines key focus elements of organizational culture, role of human resources in establishing, assessing and managing one, using suggestions and business focus of an international company.

Key words: organizational culture, human resource management, management culture.

Ryzbaeva A.A.

On the question of the value content of the creativity of the great storytellers of Siberia

In this article the value bases of creative heritage of storytellers of Siberia are considered. In analyzing the heroic tales, the author drew attention to the performance characteristics of the indigenous peoples of the region. Due to the sufficiency of remoteness of different civilizations, oral poetry has become an important source for comparative historical research.

Key words: heroic epic, creative heritage, storytellers, indigenous peoples of Siberia, traditional culture, folklore.

Ulturgasheva N.D.

Turamuratova I.G.

Folklor of indigenous peoples of southern Siberia in the context of functioning of traditional artistic culture

The article is devoted to the analysis of the ratio of traditional and innovative layers of modern traditional folk art culture. The author's approach to determining the basic structural elements of folk art culture is proposed. The significance of traditional culture, as a regulator of internal relations consolidating an ethnic community.

Key words: folklore, genre, indigenous peoples, worldview, tales, ceremonies, folk calendar.

Archpriest Dmitri Leskin

Do we need a great victory: to falsify the history of recent decades

Report at the XXVIII International Christmas Educational Readings "The Great Victory: Heritage and Heirs." Moscow, 2020.

Key words: Moscow, war, victory, theology of education.

Kalabekova S.V.

Some aspects of religious extremism

The object of the article is the phenomenon of extremism, and the subject is the features of religious extremism. The author analyzes the concept of "religious extremism", shows its difference from other types of extremism, and considers the conditions for its occurrence. Social, economic, and cultural factors that contribute to the emergence of the ideology of extremism and its negative impact on individual and mass consciousness and behavior are studied. The author studies the processes of politicization of religion and its identification with the ethnic factor. It shows how the phenomenon of extremism is used as a way to achieve certain goals. The methodological basis of the research is based on the dialectical principles of objectivity and concreteness, which allowed us to analyze the phenomenon of extremism as a whole. The scientific novelty consists in the substantiation of the following provisions: 1) religious extremism is one of the phenomena caused by social and political-economic conditions; 2) the causes of religious extremism can be explained by psycho-emotional factors; 3) religious extremism can be used as a tool for realizing various kinds of aspirations.

Key words: religious renaissance, extremism, religious extremism, religious-political extremism, religious activity, radicalism, confrontation, violence, intolerance, aggression.

Globa A.A. (archimandrite Aleksader Globa)

The attitude of Christianity to surrogacy

The article analyzes the question of how Christianity relates to a person's desire to be a Creator himself. Indeed, from a religious point of view, it is possible to characterize the phenomenon of modern medicine - in vitro fertilization.

In the modern world, a woman can become pregnant without intercourse, doctors transplant a heart, and so on. This circumstance testifies to the fact that a person from the servant of God turns into the Creator. Does the Christian religion characterize individuals such as the people who built the Tower of Babel? Finding the answer to this question is the central task of this study.

Key words: Christianity, religion, ethics, surrogacy, woman, family, pregnancy, sin, man, repentance.

Rybakov S.V.

On the topic of the boundaries between scientific and religious forms of consciousness

The article compares the scientific and religious forms of consciousness. It is indicated that the borders between them are conditional. The author confirms the validity of the criticism, which concerns both primitive varieties of religiosity and simplified approaches to scientific ideas.

Key words: science, religion, atheism, archetypes of consciousness, spiritual and religious experience.

Napso M.D.

Religious renaissance: some aspects

Object of the analysis of article is the phenomenon of the religious Renaissance. The author considers the conditions conducting to revival of religion, religious trends of the modern world, the phenomenon secularism and postsecularism are investigated. Dependence of course of religious processes on specificity of a historical and social context is traced. The factors promoting a demand of religious installations by a society of a postmodern and processes of globalisation are analyzed. Influence of a phenomenon of the religious renaissance on processes of ethnocultural identification is analyzed.

Key words: religion, religious renaissance, secularism, postsecularism, identification, spirituality, globalization.

Nazarenko A.F.

The categoricity of philosophical knowledge as a decisive factor in its self-determination

The article is devoted to elucidating the basic determinants of self-determination of philosophical knowledge. The author considers logical knowledge to be such, the beginning of which was laid by Aristotle, and especially his deductive system, namely syllogistics, and categorical knowledge, whose internal nature is largely "clarified" in the philosophical systems of Kant and Hegel. In interdependent unity, both logical and categorical knowledge provides, according to the author of the article, a holistic comprehension of reality in its necessary connections and relationships, and overcomes the inevitable contradiction between the material world and the ideal world.

Key words: category, Kant's apriorism, Hegel's concepts, method of ascent from the abstract to the concrete, abstraction, reality of contradiction, idea, General scientific concept, logic of concepts, logic of categories, self-determination of philosophical knowledge.

Ardashev R.G.

The irrationality of public opinion: fears of interaction with government representatives

The article considers the irrationality of public opinion, arising from interaction with representatives of government bodies. External conditions in the form of public opinion and personal strategies of adaptation to changing conditions of social reproduction are considered.

Key words: public opinion, irrational strategies, interaction with authorities, fears, loss of confidence, conspiracy theories.

Okhremenko I.V.

European parliamentary democracies: an analysis of institutional-political and constitutional legal types

The article analyzes the institutional and constitutional-legal features and determinants of parliamentary democracies. Based on the analysis, system types of positive and negative parliamentarism are identified. It is shown that the votes of confidence in the government's offices implemented in parliaments become a significant factor in determining parliamentary democracies. The signs of positive and negative parliamentarism systems are determined, their examples are given in European countries.

Key words: parliamentary democracy, vote of confidence, investiture, systems of positive parliamentarism, systems of negative parliamentarism.

Kozlov V.I.

The concept of meritocracy in modern philosophical and sociological discourse

The concept of meritocracy, having appeared in the middle of the twentieth century, was a continuation of the technocratic ideas of managing society that arose after the scientific and technological revolution. The article discusses the main aspects of the emergence and further transformation of the concept of meritocracy. The analysis of the features of the use of the concept of "meritocracy" in the modern philosophical and sociological discourse. The experience of the implementation of the principles of meritocracy in the formation of the political elite on the example of various countries is demonstrated.

Key words: meritocracy, principles of meritocracy, political elite, social stratification.

Dmitrieva I.S.
Lodyataya A.A.

Factors of modernization of social institutions

Based on the analysis of sociological research, in particular, followers of the neo-institutional direction, the article identifies the leading factors in the dynamics of social institutions and the institutional system of society. The main among the factors considered is the factor of modernization of generally accepted values. In addition, the article analyzes such factors as the confrontation between the essential content and organizational structure of social institutions, the action of individual and group agents of social institutions. The article also considers the problem of various levels of rationality as a factor in the transformation of modern society.

Key words: social institution, factors of the dynamics of social institutions, modernization, transformation, values.

Kakhaev A.M.

The legal status of a heterodox population in the Islamic state (zimmij)

In modern conditions, the development of interfaith relations and interreligious dialogue is of particular relevance. In this regard, the experience of inter-confessional relations in the history of Islam is interesting. Speaking about the attitude of the religion of Islam to representatives of different faiths, the experience of interaction between Muslims and non-Muslims living in the Islamic state and their legal status is particularly interesting.

Key words: non-Muslims, zimmij, Islamic state, law, relationships.

Gu Qingfeng

Analysis on alienation of consumption in the Chinese trade carnival «Double eleven» November 11

The article is devoted to the alienation of the consumption of a special sales season in China - the "double eleven" carnival, and the reason and influence in Chinese societies is clarified.

The article analyzes the social conditions of the emergence, formation and development of the sales season. It is emphasized that Chinese scientists, adapting foreign theories, models, concepts to explain the characteristics of Chinese society and the economy, are focused on creating their own, specific approach to studying the problems and prospects of China's socio-economic development. The article first used original sources (in Chinese) about the formation and development of sociology and the sales season in China, new authors were shown whose work is devoted to the study of the formation of Chinese sociology. The article discusses the history of formation and contemporary problems of research in the field of economic sociology in the People's Republic of China. Attention is drawn to the fact that Chinese sociologists consider economic sociology as a direction of sociological research, focused on studying the social aspects of the radical economic changes that have occurred in China in recent decades.

The author believes that to realize the harmonious development of society, to build a beautiful society is the social ideal that humanity strives for, this is the social goal that Marxism sets. K. Marx once spoke of an ideal, harmonious society, where "the contradictions between man and nature, conflicts between people will be completely destroyed." The author also believes that this topic is very relevant and has great theoretical significance for understanding the prospects for the development of Chinese society.

Key words: alienation of consumption, sales season, trade, economics, sociology, China, Agger, double eleven, lifestyle, taobao.

Andrievskaya Z.V.

Methodological construct: to the problem statement

This article reveals the concept of the methodological construct of scientific research and considers it in the context of general methodological phenomena. Such properties of the methodological construct as inclusion in the system of a scientific subject, mediation of the interaction of a subject with an object, culturally determined and universal methodological status are considered.

Key words: methodology, scientific method, methodological construction.

Sergachev E.V.

Formation of a culture of safe behavior in fire risk conditions

Ongoing changes in technical and innovative processes generate an increase in the amount of risk and its consequences. Risk is directly related to human activity, and is created in the course of its life. Basic norms, values, knowledge, as well as cultural features of personal development, which form a culture of safe behavior in society, have a special impact on a person's life activity, which has a direct impact on the dynamics of risk. The purpose of the analysis is to determine the relationship between risk and a culture of safe behavior, as well as the conditions

for its formation. According to the results of the study, it is clear that the formation of a culture of safe behavior in society should be carried out evenly and evenly throughout the entire period of human life, which will ensure a high degree of security of society. The assimilation and development of a culture of safe behavior is realized as a result of a number of measures and processes, which include prevention among the population and changing (improving) the standard of living and culture of society. With regard to reducing the consequences of risk it is worth highlighting the method of property insurance, through which it is possible to minimize the consequences of the risk. At the same time, the formation of a culture of safe behavior should be carried out on the basis of explanatory work carried out in the society, as well as improving the effectiveness of the social institutions of Russian society. Improving literacy, culture, and the adoption of correct norms and values will contribute to improving the level of personal and public safety.

Key words: risk, formation of safe behavior skills, society, social mechanism, safety, prevention.

Kojakar V.A.

Features of local history of Kazakhstan Irtysh 1920-1930-ies on the example of D.P. Bagaeva

The article reflects the formation of the local history movement in the Kazakh part of Irtysh, namely in the East Kazakhstan and Pavlodar regions of the Kazakh SSR. We study the local features of the national policy for the development of a network of local history societies and institutions throughout the Soviet Union.

Key words: USSR, union, geopolitics, economics, region, sociology.

Danakin N.S.
Shavyrina I.V.
Demenenko I.A.

Essential characteristics of the phenomenon of social entrepreneurship

The revision of the role of social entrepreneurship as one of the key factors in the country's socio-economic development led to a reassessment of the importance of entrepreneurial activity and entrepreneurial intentions. This article presents a conceptual analysis of the phenomenon of social entrepreneurship. The authors examined the essence and functions of social entrepreneurship, the directions of social entrepreneurship in the world community, as well as the stages of formation and development of social entrepreneurship in the Russian Federation.

Key words: social entrepreneurship, business, charity, social organization, sources of financing, resources.

Kopylov O.V.

Non-traditional orthodox theological discourse of Alexander Men

Today Russian society is more and more characterized by the escalating of interreligious arguments. There is some real background for stating this fact. Perfunctory (superficial) eastern theological knowledge and biased pseudoscientific concepts lead to stable prejudice against unfamiliar and merely understandable religions. That is why it is so important when analyzing and putting into practice interreligious relations aiming at finding touch points and lowering the tension to be supported by the experience of eastern theologians, philosophers and religious scholars who tended to dialogue and tolerance in relation to dissent people. In this article are covered the conceptual views of the priest of the Russian Orthodox Church Alexander Men. Philosophy theological concepts of Alexander Men which were not commonly accepted among conservative orthodox Russians yet let this theologian, philosopher and religious historian give consideration to meaningful amount of humanitarian problems of contemporaneity leaving a deep trace in Russian philosophy-religious thought. On this basis there is an outline to be made about significant opportunities of tolerant behaviour and a dialogue even in a conservative or a radical society.

Key words: dialogue, tolerance, open and closed model of Christianity, non-traditional orthodox-theological discourse, Alexander Men, secular, religious, spirituality.

Sharipkulov A.

The theoretical basis of understanding ethnoideology as the essence of the formation of a commonality in a multi-ethnic society

Author explores various philosophical views on ideology and ethnoideology, investigates the functions of ethnoideology and the levels of its functioning, achieves an understanding of the need for ethnoideology for states and societies that have historically united on their territory different peoples belonging to different ethnic groups with their own traditions and views, in particular, on political management.

Key words: ethnoideology, ethnopolitics, multi-ethnic state, interpretation, ethnogroup, function, level, social role, ethnic relations.

Аннотации

Кузнецова-Бондаренко Е.С.

Семиотическое значение витражей в храмовой культуре города Евпатории

В статье рассмотрено витражное искусство в контексте семиотики его элементов, содержащих культурные коды и религиозные взгляды общества. Проведен анализ характерных элементов отдельных витражей на примере культовых храмов Крыма.

Ключевые слова: семиотика, мозаика, храм, культура, религия, Крым.

Фролов Д.А.

Мотивы и образы латышской графики в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков

В статье приводится анализ основных мотивов и образов графики латышских художников эпохи модерна в контексте проблем формирования национальной идентичности рубежа XIX и XX веков. В работе анализируются мотивы, передающие смысл и красоту природы (национальной в том числе), а также важная и наднациональная тема, которой является смерть и ее атрибуты. Символы, которые находят отражение в искусстве Латвии рассматриваемого периода, по мнению латышских деятелей культуры той поры, отражают стремление человечества к поиску путей спасения. Все изображаемые в графических работах природные явления толковались художниками в символистском, мифологическом контексте. И здесь мифология выступает важным компонентом системы формирования национальной идентификации.

Ключевые слова: мотив, символ, образ, латышская графика, национальная идентичность, эпоха модерна, югендстиль, миф.

Щербакова Е.Н.

Культурологический анализ жизни и деятельности Марии Васнецовой, представителя древневятского рода Васнецовых, священников, учителей, художников

Данная статья направлена на формирование интереса среди молодого поколения к историческому прошлому Родины, воспитание уважения к учительскому труду в период Гражданской и Великой Отечественной войн, повышение значимости профессии учителя для общества. В статье рассматривается вклад Кузнецовой (Васнецовой) Марии Николаевны, учителя, кавалера ордена Ленина, представителя древневятского рода Васнецовых - священников, учителей, художников в просвещение подрастающего поколения в военные годы. Актуальность данной темы состоит в том, что в преддверии 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне активизировались процессы фальсификации ее истории и итогов. Поэтому очень важно воспитывать у молодого поколения уважение к подвигу, совершенному советским народом. В связи со сложной социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране, ценность учительского труда падает. Следовательно, необходимо воспитывать уважение к работе педагогов, которые благодаря своему самоотверженному труду спасли военные поколения школьников от безграмотности, которые и сегодня продолжают совершать подвиги, помогая преодолевать своим ученикам возникающие у них проблемы. Цель статьи: расширить знания молодежи о Гражданской и Великой Отечественной войнах; познакомить с подвигом учителей, трудившихся в те грозные годы на благо Родины; расширить представление о знаменитом роде Васнецовых, показать, что история данной фамилии таит в себе много загадок, разгадка которых еще предстоит. Исследование данной проблемы производилось посредством методов, связанных с наблюдением, обобщением, сбора информации. Материал статьи может представлять интерес для историков-профессионалов, владеющих методиками монографических исследований, а также для широкого круга людей, интересующихся сохранением истории и культуры своего Отечества.

Ключевые слова: война, епархиальное женское училище, образование, Отечество, род, Родина, священник, семья, учитель, школа.

Гольман Т.И.

Архипова И.В.

Бэйти В.

Современные проблемы формирования управленческой культуры

В успешной деятельности современной организации немаловажную роль играет сильная организационная культура, построенная на нормах и ценностях, наборе убеждений, поддерживаемых стратегией развития организации. Сотрудники должны четко знать, как адекватно реагировать на любые неопределенные ситуации и быть уверенными в вознаграждении за приверженность ценностям компании.

В статье рассматриваются ключевые элементы организационной культуры и влияние управленческой культуры на бизнес-направленность международной компании.

Ключевые слова: организационная культура, управление человеческими ресурсами, культура управления.

Рызбаева А.А.**К вопросу о ценностном содержании творчества великих сказителей Сибири**

В данной статье рассматриваются ценностные основания творческого наследия сказителей Сибири. При анализе героических сказаний автор обратил внимание на исполнительские особенности коренных народов данного региона. Благодаря достаточности отдаленности различных цивилизаций устно-поэтическое творчество стало важным источником для сравнительно-исторических исследований.

Ключевые слова: героический эпос, творческое наследие, сказители, коренные народы Сибири, традиционная культура, фольклор.

Ултургашева Н.Д.**Турамурадова И.Г.****Фольклор коренных народов южной****Сибири в контексте функционирования традиционной художественной культуры**

Статья посвящена анализу соотношения традиционного и инновационного слоев современной традиционной народной художественной культуры. Предложен авторский подход к определению основных структурных элементов народной художественной культуры. Раскрывается значение традиционной культуры как регулятора внутренних связей, консолидирующих этническую общность.

Ключевые слова: фольклор, жанр, коренные народы, мировоззрение, сказки, обряды, народный календарь.

Протоиерей Димитрий Лескин**Нужна ли нам была Великая победа: к фальсификации истории последних десятилетий**

Доклад на XXVIII Международных Рождественских образовательных чтениях «Великая победа: наследие и наследники». Москва, 2020 г.

Ключевые слова: Москва, война, победа, богословие образование.

Калабекова С.В.**Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма**

Объектом анализа статьи является феномен экстремизма, а предметом – особенности религиозного экстремизма. Автором дается анализ понятия «религиозный экстремизм», показывается его отличие от других типов экстремизма, рассматриваются условия его возникновения. Исследуются социальные, экономические, культурные факторы, способствующие появлению идеологии экстремизма, ее негативное воздействие на индивидуальное и массовое сознание и поведение. Исследуются процессы политизации религии, ее отождествление с этническим фактором. Показывается, как явление экстремизм используется в качестве способа достижения определенных целей. Методологическую основу исследования составили диалектические принципы объективности и конкретности, которые позволили провести анализ феномена экстремизма как целостного явления. Научная новизна состоит в обосновании следующих положений: 1) религиозный экстремизм относится к числу явлений, обусловленных социальными и политико-экономическими условиями; 2) причины возникновения религиозного экстремизма могут быть объяснены психо-эмоциональными факторами; 3) религиозный экстремизм может быть использован как инструмент реализации устремлений разного рода.

Ключевые слова: религиозный ренессанс, экстремизм, религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм, религиозная деятельность, радикализм, конфронтация, насилие, интолерантность, агрессия.

Глоба А.А. (архимандрит Александр Глоба)**Отношение христианства к суррогатному материнству**

В статье анализируется вопрос, как христианство относится к стремлению человека самому быть Творцом. Ведь именно так, с точки зрения религии, можно охарактеризовать явление современной медицины - экстракорпоральное оплодотворение.

В современном мире женщина может забеременеть без полового акта, врачи пересаживают сердце и так далее. Это обстоятельство свидетельствует о том, что человек из раба божьего превращается в Творца. Характеризует ли христианская религия таких индивидов, вроде людей, которые строили Вавилонскую башню? Поиск ответа на данный вопрос и является центральной задачей настоящего исследования.

Ключевые слова: христианство, религия, этика, суррогатное материнство, женщина, семья, беременность, грех, человек, покаяние.

Рыбаков С.В.**К теме границ между научной и религиозной формами сознания**

В статье сопоставлены научная и религиозная формы сознания. Указано, что границы между ними достаточно условны. При этом подтверждается оправданность критики, касающейся как примитивных разновидностей религиозности, так и упрощенных, сциентистских подходов к научным представлениям.

Ключевые слова: наука, религия, атеизм, архетипы сознания, духовно-религиозный опыт.

Нансо М.Д.

Религиозный ренессанс: некоторые аспекты

Объектом анализа статьи является феномен религиозного ренессанса. Автором рассматриваются условия, ведущие к возрождению религии, исследуются религиозные тренды современного мира, явления секулярности и постсекулярности. Прослеживается зависимость протекания религиозных процессов от специфики исторического и социального контекста. Анализируются факторы, способствующие востребованности религиозных установок обществом постмодерна и процессами глобализации. Анализируется влияние феномена религиозного ренессанса на процессы этнокультурной идентификации.

Ключевые слова: религия, религиозный ренессанс, секулярность, постсекулярность, идентичность, духовность, глобализация.

Назаренко А.Ф.

Категориальность философского познания – решающий фактор его самоопределения

Статья посвящена выяснению основных детерминантов самоопределения философского знания. И таковы-ми автор считает знание собственно логическое, основоположником которого является Аристотель (имея в виду прежде всего его дедуктивную систему – силлогистику), и знание категориальное, внутренняя природа которого в значительной мере «прояснена» в философских системах Канта и Гегеля. Во взаимообусловленном единстве и знание логическое, и знание категориальное обеспечивают, согласно автору статьи, целостное постижение реальности в ее необходимых связях и отношениях, и преодолевают (в понятиях) неизбежное противоречие между миром материальным и миром идеальным.

Ключевые слова: категория, априоризм Канта, понятия Гегеля, метод восхождения от абстрактного к конкретному, абстрагирование, реальность противоречия, идея, общенаучное понятие, логика понятий, логика категорий, самоопределение философского знания.

Ардашев Р.Г.

Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти

В статье рассматривается иррациональность общественного мнения, возникающая на основе взаимодействия с представителями органов власти. Рассматриваются внешние условия в виде общественного мнения и личные стратегии адаптации к меняющимся условиям социального воспроизводства.

Ключевые слова: общественное мнение, иррациональные стратегии, взаимодействие с органами власти, страхи, потеря доверия, теории заговора.

Охременко И.В.

Парламентские демократии европейских стран:

анализ институционально-политических и конституционно-правовых типов

В статье осуществлен анализ институциональных и конституционно-правовых признаков и детерминант парламентских демократий. На основании осуществленного анализа выделены системные типы позитивного и негативного парламентаризма. Показано, что значимым фактором детерминации парламентских демократий становятся осуществленные в парламентах вотумы доверия кабинетам правительства. Определены признаки систем позитивного и негативного парламентаризма, приведены их примеры в европейских странах.

Ключевые слова: парламентская демократия, вотум доверия, инвеститура, системы позитивного парламентаризма, системы негативного парламентаризма.

Козлов В.И.

Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе

Концепция меритократии, появившись в середине XX в., стала продолжением технократических идей управления обществом, возникшие после научно-технической революции. В статье рассматриваются основные аспекты появления и дальнейшей трансформации концепции меритократии. Осуществлен анализ особенностей использования понятия «меритократия» в современном философско-социологическом дискурсе. Продемонстрирован опыт реализации принципов меритократии при формировании политической элиты на примере различных стран.

Ключевые слова: меритократия, принципы меритократии, политическая элита, социальная стратификация.

Дмитриева И.С.

Лодятая А.А.

Факторы модернизации социальных институтов

В статье на основании анализа социологических исследований, в частности, последователей неоинституционального направления, определены ведущие факторы динамики социальных институтов и институциональ-

ной системы общества. Основным среди рассматриваемых факторов представляется фактор модернизации общепринятых ценностей. Помимо этого, в статье осуществлен анализ таких факторов, как противостояние между сущностным содержанием и организационной оформленностью социальных институтов, действие индивидуальных и групповых агентов социальных институтов. Также в статье рассмотрена проблема различных уровней рациональности как фактора трансформации современного общества.

Ключевые слова: социальный институт, факторы динамики социальных институтов, модернизация, трансформация, ценности.

Кахаев А.М.

Правовой статус иноверческого населения в исламском государстве (зиммий)

В современных условиях развитие межконфессиональных отношений и межрелигиозного диалога приобретает особую актуальность. В этой связи интересен опыт межконфессиональных отношений в истории Ислама. Говоря об отношении религии Ислам к представителям различных конфессий, особо интересен опыт взаимодействия мусульман с немусульманами, проживавшими в исламском государстве, и их правовой статус.

Ключевые слова: немусульмане, зиммий, исламское государство, права, взаимоотношения.

Гу Цинфэн

Анализ об отчуждении потребления в китайском торговом карнавале «двойной одиннадцать» (11 ноября)

Статья посвящена отчуждению потреблению специального сезона распродаж в Китае - торгового карнавала «двойной одиннадцать» и выяснена причина и влияние в китайском обществе.

В статье анализируются социальные условия возникновения, становления и развития сезона распродаж. Подчеркивается, что китайские ученые, адаптируя зарубежные теории, модели, концепции к объяснению особенностей китайского общества и экономики, ориентированы на создание собственного, специфического подхода к изучению проблем и перспектив социально-экономического развития Китая. В статье впервые были использованы оригинальные источники (на китайском языке) о становлении и развитии социологии и сезона распродаж в Китае, были показаны новые авторы, чьи работы посвящены изучению становления китайской социологии.

Статья рассматривается история становления и современная проблематика исследований в области экономической социологии в Китайской Народной Республике. Обращается внимание на то, что китайские социологи рассматривают экономическую социологию как направление социологических исследований, ориентированное на изучение социальных аспектов радикальных экономических изменений, которые произошли в Китае в последние десятилетия.

Автор полагает, что осуществить гармоничность развития общества, построить прекрасное общество — это социальный идеал, к которому стремится человечество, это социальная цель, которую ставит марксизм. К. Маркс в свое время говорил об идеальном, гармоничном обществе, где «противоречия между человеком и природой, конфликты между людьми будут полностью уничтожены». Автор также полагает, что данная тема весьма актуальна и имеет большое теоретическое значение для понимания перспектив развития китайского общества.

Ключевые слова: отчуждении потребления, сезона распродаж, торговля, экономика, социология, Китай, Аггер, двойной одиннадцать, образ жизни, Таобао.

Андреевская Ж.В.

Методологический конструкт: к постановке проблемы

Данная статья раскрывает понятие методологического конструкта научного исследования и рассматривает его в контексте общеметодологических феноменов. Рассматриваются такие свойства методологического конструкта, как включенность в систему научного предмета, опосредование взаимодействия субъекта с объектом, культурно-детерминированный и универсально-методологический статус.

Ключевые слова: методология, научный метод, методологическое конструирование.

Сергашов Е.В.

Формирование культуры безопасного поведения в условиях риска пожаров

Происходящие изменения в технических и инновационных процессах порождают под собой увеличение количества риска и его последствий. Риск напрямую связан с человеческой деятельностью, и создается в процессе его жизнедеятельности. Особое влияние на жизнедеятельность человека оказывают базовые нормы, ценности, знания, а также культурные особенности развития личности, которые формируют культуру безопасного поведения в обществе, по средствам чего оказывается прямое воздействие на динамику риска. Целью проводимого анализа выступает определение взаимосвязи риска и культуры безопасного поведения, а также условий ее формирования. По результатам проведенного исследования видно, что формирование культуры безопасного поведения в обществе должно осуществляться равномерно и размеренно на протяжении всего периода жизнедеятельности человека, что позволит обеспечить высокую степень безопасности общества.

Усвоение и развитие культуры безопасного поведения реализуется вследствие ряда мероприятий и процессов, к которым стоит отнести проведение профилактики среди населения и изменение (повышение) уровня жизни и культуры общества. Относительно снижения последствий риска стоит выделить метод страхования имущества, посредством которого возможно минимизировать последствия риска. Вместе с тем формирование культуры безопасного поведения должно осуществляться на базе разъяснительной работы проводимой в обществе, а также повышения эффективности деятельности социальных институтов Российского общества. Повышение грамотности, культуры и усвоения правильных норм и ценностей будет способствовать повышению уровня личной и общественной безопасности.

Ключевые слова: риск, формирование навыков безопасного поведения, общество, социальный механизм, безопасность, профилактика.

Кожокар В.А.

Особенности краеведения казахстанского

Прииртышья 1920-1930-х годов на примере деятельности Д.П. Багаева

В статье отражено становление краеведческого движения в казахстанской части Прииртышья, а именно в Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях Казахской ССР. Изучаются местные особенности проведения общегосударственной политики по развитию сети краеведческих обществ и учреждений на всей территории Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, союз, геополитика, экономика, регион, социология.

Данакин Н.С.

Шавырина И.В.

Деменко И.А.

Сущностные характеристики феномена социального предпринимательства

Пересмотр роли социального предпринимательства как одного из ключевых факторов социально-экономического развития страны привел к переоценке значения предпринимательской активности и предпринимательских намерений. В данной статье представлен концептуальный анализ феномена социального предпринимательства. Авторами рассмотрены сущность и функции социального предпринимательства, направления деятельности социального предпринимательства в мировом сообществе, а также этапы становления и развития социального предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, бизнес, благотворительность, социальная организация, источники финансирования, ресурсы.

Коньков О.В.

Нетрадиционный православно-богословский дискурс Александра Меня

В современном российском обществе все больше обостряется межконфессиональные противоречия. Этот факт имеет под собой реальные предпосылки. Поверхностные богословские знания и ангажированные квазинаучные концепты создают устойчивые предубеждения в отношении незнакомых и малопонятных вероисповеданий. Поэтому так важно в анализе и практике межконфессиональных отношений, направленных на нахождение точек взаимодействия и понижения напряжения, опираться на опыт богословов, философов и религиоведов, которые исходили из позиции диалога и толерантности в отношениях с инакомыслящими. В статье рассматриваются концептуальные взгляды священника Русской православной церкви Александра Меня. Философско-богословские концепты Александра Меня, не являясь общепринятыми в консервативной среде русского православия, позволяли этому богослову, философу и историку религии, в своем наследии охватить и рассмотреть значительный пласт гуманитарных проблем современности, оставив глубокий след в истории российской философско-религиозной мысли. На основе анализируемого материала делается вывод о значимых возможностях толерантного поведения и диалога даже в консервативной и радикальной среде социума.

Ключевые слова: диалог, толерантность, закрытая и открытая модель христианства, нетрадиционный православно-богословский, дискурс, А. Меня, светская, религиозная, духовность.

Шарипкулов А.

Теоретические основы понимания этноидеологии

как сути формирования единой общности в полиэтническом обществе

Автор исследует различные философские взгляды на идеологию и этноидеологию, выясняет функций этноидеологии и уровни ее функционирования, достигает понимания необходимости этноидеологии для государств и обществ, исторически объединивших на своей территории различные народы, принадлежащие к различным этносам со своими традициями и взглядами, в частности, на политический менеджмент.

Ключевые слова: этноидеология, этнополитика, полиэтническое государство, интерпретация, этногруппа, функция, уровень, социальная роль, этнические отношения.

Authors

Andrievskaya Z.V., Associate Professor, Candidate of Psychological Science. Southern Federal University.

Archpriest Dmitri Leskin, Doctor of Philosophical Science, Professor, Rector of the Volga Orthodox Institute of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, Member of the Public Chamber of the Russian Federation.

Ardashev R.G., PhD in Law. Irkutsk State University.

Arkhipova I.V., PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Economics and Management, FSEE (Federal State Educational Establishment) VO «Novosibirsk State Pedagogical University», Novosibirsk.

Baity V., Financial analyst, Cloud Platform plan and portfolio lead, IBM Corporation, Armonk NY.

Danakin N.S., Doctor of sociology, Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.

Demenenko I.A., PhD in sociology, Associate Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.

Dmitrieva I.S., Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Management and Commerce, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education Plekhanov Russian Economic University, Volgograd branch.

Globa A.A. (archimandrite Aleksader Globa), Graduate student, department of Theology. Moscow Theological Academy Russian Orthodox Church.

Golman T.I., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Economics and Management, FSEE (Federal State Educational Establishment) VPO «Novosibirsk State Pedagogical University», Novosibirsk.

Gu Qingfeng, Master student, Moscow State Pedagogical University Institute of social and humanitarian education, Department of theoretical and special sociology.

Frolov D.A., Ph.D. of technical sciences, Magist of Art, Director of the State government institution «Arctic Research Center of the Yamal-Nenets autonomous district».

Kakhaev A.M., Graduate student of the Institute of public service and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalabekova S.V., Candidate of philosophy, associate Professor of philosophy and Humanities of the North Caucasus state Academy.

Kojakar V.A., Postgraduate Student, Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical University.

Kopylov O.V., Perm State University College for Professional Education.

Kozlov V.I., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Management and Commerce. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "G.V. Plekhanov's Russian Economic University" Volgograd branch.

Kuznetsova-Bondarenko E.S., Lecturer, Crimean Engineering Pedagogical University.

Lodyataya A.A., 1st year undergraduate, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education Plekhanov Russian Economic University, Volgograd branch.

Napso M.D., Doctor of Sociological Sciences, professor of department of philosophy and humanities sciences North-Caucasus state academy.

Nazarenko A.F., Doctor of Philosophical science, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Department of Philosophy and Socio-Economic Disciplines. St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg.

Okhremenko I.V., Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Management and Commerce, Volgograd Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education Plekhanov Russian Economic University (Russia, Volgograd).

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Professor of the Department of Russian history. Ural Federal University.

Ryzbaeva A.A., Graduate student of Kemerovo state Institute of culture, lecturer of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Sergachev E.V., 4-year graduate student. FSBEI of HE "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Central Russian Institute of Management (Branch).

Sharipkulov A., Graduate Student. Department of Philosophy and Political Science at Bashkir State University.

Shavyrina I.V., PhD in sociology, Associate Professor of the Department of sociology and management of Shukhov Belgorod State Technological University.

Shcherbakova E.N., Teacher of the Russian language Department of the Krasnodar higher military school named after General of the army M.S. Shtemenko.

Turamuratova I.G., Candidate of Cultural Studies, Lecturer, Department of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State Institute of Culture.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Авторы

Андреевская Ж.В. - доцент, Кандидат психологических наук, Южный Федеральный Университет.

Ардашев Р.Г. - кандидат юридических наук. Иркутский государственный университет.

Архипова И.В. - кандидат психологических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Бэйти В. - финансовый аналитик корпорации IBM, г. Армонк, США.

Глоба А.А. (архимандрит Александр Глоба) - аспирант, соискатель. Кафедра Богословия МДА. Московская Духовная Академия Русской Православной Церкви.

Гольман Т.И. - кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Гу Цинфэн - студент магистратуры. Московский государственный педагогический университет, Институт социально-гуманитарного образования, Кафедра теоретической и специальной социологии.

Данакин Н.С. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Демененко И.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Дмитриева И.С. - кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и коммерции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» Волгоградский филиал.

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной академии.

Кахаев А.М. - аспирант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кожокар В.А. - аспирант, кафедра историко-культурного наследия и туризма, Алтайский государственный педагогический университет.

Козлов В.И. - кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и коммерции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» Волгоградский филиал.

Копылов О.В. - Пермский государственный национальный исследовательский университет, Колледж профессионального образования.

Кузнецова-Бондаренко Е.С. - преподаватель кафедры Декоративного искусства ГБОУ (государственное бюджетное общеобразовательное учреждение) ВО РК «Крымского Инженерно-Педагогического Университета».

Лодятая А.А. - магистрант 1 курса. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Волгоградский филиал.

Назаренко А.Ф. - доктор философских наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин. Санкт-Петербургский военный институт войск национальной

гвардии Российской Федерации.

Напсо М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной академии.

Охременко И.В. - кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и коммерции, Волгоградский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Россия, г. Волгоград).

Протоиерей Димитрий Лескин - доктор философских наук, кандидат богословия, профессор. Ректор Поволжского православного института, руководитель Духовно-просветительского центра ОАО «АВТОВАЗ», член Общественной палаты Российской Федерации.

Рыбаков С.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Рызбаева А.А. - аспирант Кемеровского государственного института культуры, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Сергашов Е.В. - аспирант 4 курса. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Среднерусский институт управления (филиал).

Турамуратова И.Г. - кандидат культурологии, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГИК (Кемеровский государственный институт культуры).

Фролов Д.А. - кандидат технических наук, магистр искусствоведения, директор ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Шавырина И.В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Шарипкулов А. - аспирант кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

Щербакова Е.Н. - преподаватель кафедры русского языка Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии М.С. Штеменко.